

**ИЗВЕСТИЯ
ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ**

Северо-Кавказский регион

**ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ
2019**

2

Журнал основан в 1972 г. Ю.А. Ждановым

Главная редакция:

В.И. Колесников (главный редактор),
В.Е. Закруткин, В.С. Золотарёв, А.В. Павленко (заместители главного редактора),
Е.А. Шинкаренко (отв. секретарь)

Редакционная коллегия:

В.С. Золотарёв – председатель редколлегии, доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
И.М. Узнаровов – заместитель председателя, доктор исторических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.Х. Акаев – доктор философских наук, профессор, Академия наук Чеченской Республики, Россия
О.А. Алимуратов – доктор филологических наук, профессор, Пятигорский государственный университет, Россия
А.У. Альбеков – доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.Ю. Апрыщенко – доктор исторических наук, доцент, Южный федеральный университет, Россия
С.Н. Астапов – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
В.Д. Бакулов – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
В.М. Белоусов – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
М.А. Боровская – доктор экономических наук, профессор, Министерство науки и высшего образования РФ, Россия
Б.Б. Булатов – доктор исторических наук, профессор, Дагестанский государственный университет, Россия
Ю.Г. Волков – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Г.В. Драч – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Н.Н. Евченко – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
А.Г. Иванов – доктор исторических наук, Кубанский государственный университет, Россия
Н.В. Изотова – доктор филологических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Г.Ф. Карпова – доктор педагогических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Ю.С. Колесников – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
С.И. Лукьяшко – доктор исторических наук, профессор, Южный научный центр РАН, Россия
А.А. Магомедов – доктор исторических наук, профессор, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, Россия
А.В. Матецкая – доктор философских наук, доцент, Южный федеральный университет, Россия
Н.А. Мининков – доктор исторических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Е.М. Ниворожкин – доктор экономических наук, PhD (доктор экономики), UCL School of Slavonic and East European Studies, Лондон, Англия
Л.И. Ниворожкина – доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.Н. Овчинников – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Е.А. Паламарчук – доктор исторических наук, профессор, Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции, Россия
И.А. Полякова – доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.И. Пржиленский – доктор философских наук, профессор, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, Россия
М.Д. Розин – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Д.В. Сень – доктор исторических наук, Южный федеральный университет, Россия
Р.Д. Хунагов – доктор социологических наук, профессор, Адыгейский государственный университет, Россия
И.К. Шевченко – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Э.А. Шеуджен – доктор исторических наук, профессор, Адыгейский государственный университет, Россия
О.М. Штомпель – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия

Учредители:

Дагестанский государственный технический университет,
Дагестанский государственный университет,
Донской государственный технический университет,
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,
Кубанский государственный технологический университет,
Ростовский государственный университет путей сообщения,
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
Южно-Российский государственный политехнический университет им. М.И. Платова,
Южный федеральный университет

Над номером работали: В.В. Дашевская, Т.М. Климчук, В.И. Литвиненко, М.С. Шипитко.

Подписано в печать 08.07.2019. Выход в свет 10.07.2019.

Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная. Шрифт Times.

Усл. печ. л. 14,88. Уч.-изд. л. 15,57. Тираж 250 экз. Заказ № 7114

Адрес редакции и издателя (для переписки):

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, Южный федеральный университет.

E-mail: izvestiya@sfdedu.ru. Адрес в Интернете: www.izvestiya.sfdedu.ru

Адрес редколлегии: 344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, корп. 2, к. 110,
тел.: (863) 218-40-00 доб. 11-093; доб. 11-094

Отпечатано в отделе полиграфической, корпоративной и сувенирной продукции

Издательско-полиграфического комплекса КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ,
344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, корп. 1, к. 104, тел. (863) 247-80-51

Journal was founded in 1972 by Y.A. Zhdanov

Central Edition:

V.I. Kolesnikov (Chief Editor),
V.E. Zakrutkin, V.S. Zolotarev, A.V. Pavlenko (Deputy Chief Editor),
E.A. Shinkarenko (Executive Secretary)

Editorial Committee:

V.S. Zolotarev - Chairman of the Editorial Board, Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
I.M. Uznarodov - Deputy Chairman, Doctor of History, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.H. Akayev - Doctor of Philosophy, Professor, Academy of Sciences of the Chechen Republic, Russia
O.A. Alimuradov - Doctor of Philology, Professor, Pyatigorsk State University, Russia
A.U. Albekov - Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.Yu. Apryschenko - Doctor of History, Associate Professor, Southern Federal University, Russia
S.N. Astapov - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
V.D. Bakulov - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
V.M. Belousov - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
M.A. Borovskaya - Doctor of Economics, Professor, Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Russia
B.B. Bulatov - Doctor of History, Professor, Dagestan State University, Russia
Yu.G. Volkov - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
G.V. Drach - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
N.N. Evchenko - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
A.G. Ivanov - Doctor of History, Kuban State University, Russia
N.V. Izotova - Doctor of Philology, Professor, Southern Federal University, Russia
G.F. Karpova - Doctor of Pedagogy, Professor, Southern Federal University, Russia
Yu.S. Kolesnikov - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
S.I. Lukyashko - Doctor of History, Professor, Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Russia
A.A. Magometov - Doctor of History, Professor, Khetagurov North Ossetian State University, Russia
A.V. Matetskaya - Doctor of Philosophy, Associate Professor, Southern Federal University, Russia
N.A. Mininkov - Doctor of History, Professor, Southern Federal University, Russia
E.M. Nivorozhkin - Doctor of Economics, PhD, UCL School of Slavonic and East European Studies, London, England
L.I. Nivorozhkina - Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.N. Ovchinnikov - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
E.A. Palamarchuk - Doctor of History, Professor, Rostov Institute (Branch), All-Russian State University of Justice, Russia
I.A. Polyakova - Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.I. Przhilensky - Doctor of Philosophy, Professor, Kutafin Moscow State University of Law, Russia
M.D. Rosin - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
D.V. Sen' - Doctor of History, Southern Federal University, Russia
R.D. Hunagov - Doctor of Social Sciences, Professor, Adyghe State University, Russia
I.K. Shevchenko - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
E.A. Sheudzhn - Doctor of History, Professor, Adyghe State University, Russia
O.M. Shtompel - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia

The Founders

Dagestan State Technical University,
Dagestan State University,
Don State Technical University,
Berebikov Kabardino-Balkarian State University,
Kuban State Technological University,
Rostov State Transport University,
Rostov State University of Economics,
Platov South Russian State Technical University,
Southern Federal University

Magazine released V.V. Dashevskaya, T.M. Klimchuk, V.I. Litvinenko, M.S. Shipitko

Signed print 08.07.2019. Publication 10.07.2019

Format 60×84 1/8. Offset paper.

Conv. print. sheets 14.88. Publ. sign. 15.57. Edition 250 copies. Order number 7114

Address of Editorial Board and the publisher (for correspondence):

344006, Rostov-on-Don, Bolshaya Sadovaya St., 105/42, Southern Federal University.

E-mail: izvestiya@sfned.ru. Web Address: www.izvestiya.sfned.ru

Address of Editorial Board: 344090, Rostov-on-Don, Stachki Ave, 200/1, Bildg. 2, room 110,
phone: (863) 218-40-00 ext. 11-093; ext. 11-094

Printed in the printing department, and corporate souvenirs,
Publishing and printing complex KIBI MEDIA CENTER, SFU,
344090, Rostov-on-Don, Stachki Ave, 200/1, build. 1, of. 104, phone (863) 247-80-51

© Izvestiya Vysshikh Uchebnykh Zavedenii. Severo-Kavkazskii Region. Social Sciences, 2019

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ. СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ РЕГИОН

IZVESTIYA VYSSHIKH UCHEBNYKH ZAVEDENII. SEVERO-KAVKAZSKII REGION

DOI 10.23683/0321-3056-2019-2

*Регистрационный номер 011018
Комитета Российской Федерации
по печати
Научно-образовательный
и прикладной журнал
Издается с 1973 г.
Периодичность серии 4 номера в год
№ 2 (202) 2019 г.*

*Reg. No. 011018
Of the Russian Federation Committee
for the Press
Educational-research journal
of applied sciences
Published since 1973.
4 issues per a year
No. 2 (202) 2019*

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

SOCIAL SCIENCES

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

PHILOSOPHICAL SCIENCES

- Бакулов В.Д., Силенко С.В.** Основные теоретико-методологические уровни анализа проблемы демаркации науки и квазинауки..... 4
- Кириллов А.А.** Гермес, гнозис и техногнозис: ростовский апокриф генезиса философии и науки (небольшие наброски к обширному наследию)..... 10
- Обухов А.А.** Нейросетевой анализ и математическое моделирование социальных процессов.... 18
- Печкуров И.В.** Демонстративное потребительское поведение в современном российском обществе: социально-философский анализ..... 23
- Подгорная М.Г.** Методология исследования процесса смыслопорождения при работе с античным философским текстом..... 30

- Bakulov V.D., Silenko S.V.** The Main Theoretical and Methodological Levels of Analysis of the Problem of Science and Quasi-Science Demarcation..... 4
- Kirillov A.A.** Hermes, Gnosis and Technognosis: the Rostov Apocryphal Story of Genesis of Philosophy and Science (Small Sketches to a Vast Heritage)..... 10
- Obukhov A.A.** Neural Network Analysis and Mathematical Modeling of Social Processes..... 18
- Pechkurov I.V.** Demonstrative Consumer Behavior in the Modern Russian Society: Social-Philosophical Analysis..... 23
- Podgornaya M.G.** Research Methodology of the Process of Explanation During Analysis Of the Ancient Philosophical Text..... 30

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

HISTORICAL SCIENCES

- Апрыщенко В.Ю., Булавинцев Н.В.** Революция символов 1968 года: как ситуационизм изменил протестную культуру 37
- Барнаш А.В.** В поисках исторического компромисса: некоторые особенности военно-народного управления на Северном Кавказе..... 44
- Венков А.В.** Попытки создания «южно-русской» власти в 1919 году..... 52
- Вертикова А.А.** Трансформация этнической идентичности в условиях северокавказского фронта (конец XVIII – середина XIX в.)..... 62
- Волошин Д.А.** Дореволюционная отечественная историография падения Римской империи в оценках В.Т. Сиротенко 67

- Apryshchenko V.Yu., Bulavintsev N.V.** The Symbolic Revolution of 1968: How Situationism Changed Protest Culture 37
- Barnash A.V.** In Search of a Historical Compromise: Some Peculiarities of the Military and National Management in the Northern Caucasus..... 44
- Venkov A.V.** Attempts to Create a “South Russian” Government in 1919..... 52
- Vertikova A.A.** Transformation of Ethnic Identity in the Conditions of the North Caucasian Frontier (the End of 18th - the Middle of 19th Centuries).... 62
- Voloschin D.A.** Pre-Revolutionary National Historiography of the Fall of the Roman Empire in the Assessment of V. T. Sirotenko..... 67

Гросс А.А., Пономарева М.А. Кибернетика, теория демократии и неолиберальный дискурс в советском самиздате 1970-х годов.....	74
Козлов С.С. К вопросу о топонимии города Нахичевань-на-Дону	82
Кротов О.С. Донские епархиальные ведомости как источник по истории старообрядчества на Дону в XVIII веке.....	88
Симонова И.Н. Радиовещание в Пензенской области (1920–1930-е гг.).....	94
Узнародов Д.И. Социально-экономический фактор в контексте обеспечения этносоциальной стабильности Республики Крым.....	98

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Ниворожкина Л.И., Полякова И.А., Макаренко Е.Н., Житников И.В. Демографическая и трудовая сферы современного крупного города: анализ состояния и направления развития.....	106
---	-----

К 100-ЛЕТИЮ Ю.А. ЖДАНОВА

Кислицын С.А., Колесник Г.И. Ю.А. Жданов – элитарная личность всероссийского масштаба....	113
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Бакулов В.Д., Иващук О.Ф., Силенко С.В., Кириллов А.А., Подгорная М.Г., Бабина Д.А. Обзор Всероссийской научно-практической конференции «Логика, методология, науковедение: интеллектуальные практики, стратегии и паттерны» (Ростов-на-Дону, 16–19 мая 2019 г.).....	122
--	-----

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

Курбанов А.Д. Россия и народы Северного Кавказа в XVI – середине XIX века: социокультурная дистанция и движение к государственно-политическому единству / К.Ф. Дзамихов, Е.Г. Муратова, А.Х. Боров, Н.В. Варивода, А.Х. Абазов, Д.Н. Прасолов. Нальчик: ИГИ КБНЦ РАН, 2018. 268 с.	131
--	-----

Gross A.A., Ponomareva M.A. Cybernetics, the Theory of Democracy and Neoliberal Discourse in the Soviet Samizdat of 1970s.....	74
Kozlov S.S. To the Question of Toponymy of Nakhichevan-on-Don.....	82
Krotov O.S. Donskie Eparhial'nye Vedomosti as a Source on the History of Old Believers on the Don in 18th Century.....	88
Simonova I.N. Broadcasting in the Penza Region (1920-1930).....	94
Uznarodov D.I. Socio-Economic Factor in the Context of Security of Ethnosocial Stability of the Republic of Crimea.....	98

ECONOMIC SCIENCES

Nivorozhkina L.I., Polyakova I.A., Makarenko E.N., Zhitnikov I.V. Demographic and Labor Spheres of a Modern Large City: Analysis of the State and Directions of Development.....	106
---	-----

TO THE 100TH ANNIVERSARY OF YU.A. ZHDANOV

Kislitsyn S.A., Kolesnik G.I. Y.A. Zhdanov is the Elite Personality of National Scale.....	113
---	-----

SCIENTIFIC LIFE

Bakulov V.D., Ivashchuk O.F., Silenko S.V., Kirillov A.A., Podgornaya M.G., Babina D.A. Review of the All-Russian Scientific and Practical Conference “Logic, Methodology, Science Research: Intellectual Practices, Strategies and Patterns” (Rostov-on-Don, May 16–19, 2019).....	122
--	-----

BOOKS REVIEW

Kurbanov A.D. Russia and the People of Northern Caucasus in 16th - Middle of 19th Century: Sociocultural Distance and Movement to State-Political Unity. K.F. Dzamikhov, E.G. Muratova, A.Kh. Borov, N.V. Varivoda, A.Kh. Abazov, D.N. Prasolov. Nalchik: IGI KBNTS RAN, 2018, 268 p.	131
---	-----

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ PHILOSOPHICAL SCIENCES

УДК 165.3

DOI 10.23683/0321-3056-2019-2-4-9

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ УРОВНИ АНАЛИЗА ПРОБЛЕМЫ ДЕМАРКАЦИИ НАУКИ И КВАЗИНАУКИ*

© 2019 г. В.Д. Бакулов^а, С.В. Силенко^а

^а Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия,

THE MAIN THEORETICAL AND METHODOLOGICAL LEVELS OF ANALYSIS OF THE PROBLEM OF SCIENCE AND QUASI-SCIENCE DEMARCATION

V.D. Bakulov^а, S.V. Silenko^а

^а Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia,

Бакулов Виктор Дмитриевич –
доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой философии
и методологии науки,
Институт философии
и социально-политических наук,
Южный федеральный университет,
пер. Днепроvский, 116, г. Ростов-на-Дону,
344065, Россия.
E-mail: vdbakulov@sfedu.ru

Viktor D. Bakulov -
Doctor of Philosophy, Professor, Head of the
Department of Philosophy
and Methodology of Science,
Institute of Philosophy,
Social and Political Science,
Southern Federal University,
Dneprovskii Lane, 116, Rostov-on-Don,
344065, Russia.
E-mail: vdbakulov@sfedu.ru

Силенко Светлана Владимировна –
кандидат философских наук, доцент,
кафедра философии и методологии науки,
Институт философии
и социально-политических наук,
Южный федеральный университет,
пер. Днепроvский, 116, г. Ростов-на-Дону,
344065, Россия.
E-mail: svsilenko@sfedu.ru

Svetlana V. Silenko -
Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Department of Philosophy and Methodology of Science,
Institute of Philosophy,
Social and Political Science,
Southern Federal University,
Dneprovskii Lane, 116, Rostov-on-Don,
344065, Russia.
E-mail: svsilenko@sfedu.ru

Рассмотрен феномен квазинауки, получивший сейчас не только широкое распространение, но и определенную легитимацию со стороны ряда теоретиков (Пол Фейерабенд).

Предпосылки для широкого распространения учений, имитирующих научное знание, создаются на современном, новейшем этапе развития исторического процесса институализации науки. Этот этап связан с преобладающим значением электронных средств коммуникации, с виртуальной реальностью, требующих новых методов и форм верификации научного знания.

Трудности демаркации науки и квазинауки обусловлены также с получившей широкое распространение установкой на прагматическую целесообразность как определяющий показатель достоверности научного знания.

Решение проблем, связанных с демаркацией квазинаучных идей и выявлением их несостоятельности, авторы видят на пути комплексного, всестороннего и многоуровневого подхода к его теоретико-методологическому осмыслению, выявлению факторов внешней социокультурной детерминации и определенных внутренних каузальных взаимосвязей.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-20028.

Ключевые слова: наука, псевдонаука, квазинаука, демаркация науки и квазинауки, культурно-историческая эпистемология.

The article is devoted to the phenomenon of quasi-science, which has now become widespread and received a certain legitimization of a number of theorists (Paul Feyerabend).

The prerequisites for the wide dissemination of the teachings that imitate scientific knowledge are being created at the modern, newest stage of development of the historical process of science institutionalization. This stage is related to the prevailing value of electronic means of communication, to virtual reality, requiring new methods and forms of scientific knowledge verification.

The difficulties of science and quasi-science demarcation are also due to the widespread attitude to pragmatic expediency as the determining indicators of scientific knowledge reliability.

The authors are going to solve problems related to the demarcation of quasi-scientific ideas and identify their insolubility through an integrated, comprehensive and multi-level approach to its theoretical and methodological understanding, identifying factors of external socio-cultural determination and certain internal causal relationships.

Keywords: science, pseudoscience, quasi-science, science and quasi-science demarcation, cultural-historical epistemology.

С момента возникновения науки, а может даже и ранее – с эпохи формирования первых идей, связанных с рациональным познанием действительности, появляются различные формы и виды подделки под них, имитации содержания, методов и форм рационального знания. Это псевдознание как тень сопровождает науку через все исторические эпохи ее становления и развития. Постоянство его присутствия даже привело некоторых исследователей науки к выводам о неустранимости этого «спутника научной жизни», о неизбежности появления вслед за рационально-научным знанием различного рода псевдонаучных построений.

Стремление псевдонауки стать «спутником жизни» научного знания обусловлено завоеванным подлинными учеными признанием их заслуг, большой социальной и материально-практической значимостью научных результатов, имиджем ученых в обществе.

Проблема демаркации науки и квазинауки является достаточно остроактуальной и для нашей страны. В советский период, который хотя и характеризовался окончательным огосударствлением научной деятельности, жестким проведением определенной научной политики, отличается тем, что результатам научных разработок придавалось большое значение, сеть научных организаций и учреждений неуклонно расширялась, на научные исследования выделялись значительные средства из бюджета.

Вместе с тем, к сожалению, именно государственно-политический аппарат, огосударственные научные учреждения, идеологические постулаты использовались лжеучеными и недобросовестными деятелями для навязывания своих псевдонаучных учений, ограждения их от

экспертизы, верификации, собственно даже любого критического анализа и расправы с теми добросовестными учеными, которые пытались этим лжеучениям противостоять. В более поздний период, когда примитивное использование лжеучеными политических и идеологических инструментов против своих оппонентов стало сильно ограничено, распространение псевдонаучных учений отнюдь не уменьшилось. О характере и накале борьбы подлинных ученых против распространения квазинаучных идей свидетельствует посвященная этому научная и научно-популярная литература. В частности, мы хотели бы обратиться к незаслуженно забытой сейчас книге крупного отечественного физика-кристаллографа и популяризатора науки А.И. Китайгородского «Реникса» [1].

Далее, в эпоху так называемой перестройки, а затем в «лихие 90-е», когда декларировалось преодоление всех последствий авторитарной научной политики и наделение научного сообщества всей полнотой академических прав и свобод, положение дел с противодействием псевдонауке не улучшилось, наоборот – распространение псевдонаучных учений и «теорий» шло по нарастающей и к рубежу нового века достигло одного из своих пиковых значений. Проблема стала настолько актуальной, что послужила фактором мобилизации научного сообщества на открытое противодействие лженауке. Хотя такая возможность в определенной мере у сообщества появилась. В 2001 г. в Москве прошел международный симпозиум на тему «Наука, антинаука и паранормальные верования». В дальнейшем, в так называемые «нулевые», Российской академией наук была создана и стала проводить большую работу Комиссия

по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований, выдающимся организатором и вдохновителем работы которой до 2012 г. был академик Э.П. Кругляков. Комиссия выпускает Бюллетень «В защиту науки», единственное в своем роде научное издание систематически и на самом высококвалифицированном уровне разоблачающее всевозможные квазинаучные учения [2].

Следует также указать на отсутствие в современном критическом анализе псевдонаучных идей разработанного понятийного аппарата, позволяющего использовать различные термины и понятия, и прежде всего такие, как лженаука, антинаука, псевдонаука, квазинаука на основе их точных содержательно-смысловых определений и установления соотношения объемов данных понятий. Академик Е.Б. Александров, в настоящее время возглавляющий Комиссию РАН по борьбе с лженаукой, предлагает определенное уточнение используемой терминологии. Понятие «лженаука», по его убеждению, требует осторожности в применении, и прежде всего потому, что здесь оппоненты, к которым применяется данное понятие, однозначно обвиняются во лжи. «Однако, основное содержание термина, – считает Е.Б. Александров, – предполагает лишь заведомую (априорную) **ошибочность** позиций оппонентов рациональной науки, отводя в ней обширное пространство для добросовестных заблуждений. Поэтому в западной литературе обычно используется более мягкий (“политкорректный”) термин “псевдонаука”, а также “паранаука»» [3, 4]. По нашему мнению, проблема здесь не только в необходимости корректности, особенно в научно-этическом плане, использования указанной терминологии. Проблема, как это отмечалось нами выше, в том, что применяемая система понятий требует серьезной содержательно-смысловой и методологической проработки. Разработка соответствующего категориально-понятийного аппарата должна стать, по нашему убеждению, одной из актуальных задач современного науковедения. До этой проработки в научно-этическом плане можно использовать и еще более нейтральные термины – «квазинаука» и «квазизнание».

Многообразие разновидностей, распространенность и перманентность квазинаучных идей, учений и теорий требует, соответственно, комплексного, всестороннего и многоуровневого подхода к его теоретико-методологическому

осмыслению, выявлению факторов внешней социокультурной детерминации и определенных внутренних каузальных взаимосвязей.

Такой многоуровневый подход позволит сделать шаг к целостному и, в определенной мере, системному изучению проблемы генезиса и утверждения квазинаучных идей, определенной интеграции разрозненных и неупорядоченных в настоящий момент подходов и концептуальных постулатов, необходимых для адекватного понимания этого феномена.

В этом смысле мы полагаем, что в настоящее время мы можем зафиксировать постановку и осмысление проблемы демаркации квазинауки **на следующих теоретико-методологических уровнях науковедческой рефлексии.**

Первый уровень – общеметодологический, уровень предельной генерализации, на котором осмысливаются теоретико-методологические основания науки, сущностные спецификации научной картины мира и рационально-научного мышления, наиболее фундаментальные идеалы и нормы научного познания, определяющие природу научного знания. На этом уровне исследуются те aberrации этой картины мира и девиации рационального мышления, деформации идеалов и норм знания, которые выступают предпосылкой формирования альтернативной данной научной картине мира совокупности псевдонаучных представлений, способствуют утверждению антинаучных ценностно-мировоззренческих установок, псевдорациональных или внерациональных методов постижения и понимания действительности и соответствующего им способа мышления.

Второй уровень – это уровень, связанный с анализом квазинауки в рамках изучения общетеоретических проблем такой науковедческой дисциплины, как философия и методология науки. На этом уровне наука рассматривается как целостная и относительно самостоятельная сфера деятельности, обладающая своими характеристическими чертами, сущностными определениями, этосом научного сообщества, целокупно выступающими, помимо всего прочего, факторами высокой степени интеграции науки как сферы социальной деятельности. Как дисциплина науковедческого комплекса, философия и методология науки рассматривает последнюю в более широком социальном контексте – как феномен социокультурный. Это позволяет выявить культурно-исторический контекст и социальные мотивы и смыслы научной дея-

тельности, ее оценки и установки относительно практического применения. Этот широкий социокультурный контекст делает возможным не только осуществление непосредственной критической рефлексии относительно квазинаучных идей методами и средствами самой науки, но и позволяет поставить задачи выявления тех социокультурных механизмов генезиса псевдонаучных идей, их утверждения и распространения, приводящие к существенному изменению места и роли квазинаучных учений в жизни современного социума. Как очень метко указывает известный философ Б.И. Пружинин: «Сегодня в области мотивации псевдонауки явственно обозначились серьезные социокультурные факторы, имеющие эпистемологический смысл и существенно связанные с методологическими и институциональными сдвигами, происходящими в самой науке» [5, с. 119].

Третий уровень – это уровень, связанный с теоретическим и методологическим осмыслением генезиса квазинаучных построений в рамках отдельно взятых научных дисциплин и предметных областей знания. Особое значение и поучительность это имеет для естественнонаучных дисциплин: физики и астрономии, биологии и генетики, космологии, химии и др., имеющих в качестве своей псевдонаучной тени соответственно астрологические, алхимические, лжегенетические (меметика, теория «волнового генома» и связанное с ней «второе пришествие» телегонии) и проч., и проч.

При этом необходимо самым непосредственным образом задействовать тот задел критического переосмысления анти- и лженаучных построений, который на каждом из этих уровней, к счастью, имеется. И начать здесь, как нам представляется, необходимо с того, чтобы взять за основу те наиболее репрезентативные для каждого из этих уровней работы, посвященные феномену распространения квазинаучных идей, и в особенности выявлению основных составляющих механизмов их генезиса и утверждения.

Наиболее репрезентативной для первого уровня является, на наш взгляд, работа Джеральда Холтона «Что такое “антинаука”?» [6]. Автор концепции тематического анализа науки, суть которого выражается в постулате о наличии глубинных устойчивых структур мышления (тематики), лежащих в основе научной деятельности ученых [7], в этой небольшой по объему работе затрагивает самые существенные вопросы возникновения антинауки, причин ее распро-

странения, важнейших характерологических черт этого феномена.

Размышляя над определением понятия «антинаука», Дж. Холтон отмечает, что с учетом большого количества разнообразных смысловых оттенков, под антинаукой в общем смысле можно понимать такое явление, сутью которого является «общая направленность против того, что можно назвать “просвещением”» [6, с. 27]. Самым разрушительным из всех возможных является то проявление антинауки, которое «выдает себя за “альтернативную науку”, но при этом служит удовлетворению весьма определенных политических замыслов и амбиций» [6, с. 28].

Важно отметить, что Дж. Холтон подчеркивает такую существенную характеристику антинауки, как стремление сформировать последовательное и функциональное миропонимание, которое, по сути, является альтернативой научной картины мира. Существование антинауки именно как альтернативного варианта познавательной деятельности коренится в традиционных социальных и культурных противоречиях, к которым относятся прежде всего противоречия между знанием и верой, социальные противоречия в среде интеллектуалов, негативные социальные следствия технологического прогресса и проч. Антинаука подвергает сомнению главную традиционную установку, присущую научной деятельности, состоящую в признании определяющей роли науки в прогрессивном развитии человечества.

Такое сомнение в значении и ценности науки имеет серьезные социальные основания: прежде всего, по мнению Дж. Холтона, это боязнь новых технологий, возникающая у общества в связи с бурным развитием последних. Также это массовое экологическое движение, акцентирующее внимание на действительно неоднозначных для природы и социума последствиях научно-технического прогресса. На уровне индивидуального и коллективного мировоззрения сочетаются различные религиозные, мифологические, научные и другие идеи, которые часто не только не согласуются друг с другом, но и нередко друг другу противоречат. Это вызвано разнообразными психологическими, культурными и социальными причинами. Тем не менее внутренние противоречия мировоззрения не препятствуют формированию некоторой картины мира, которая целостно представляет реальность и становится основой прагматического к

ней отношения со стороны человека и общества, т.е. возникает альтернативная по сравнению с научной картина мира. При этом такая альтернативная картина мира не является в онтологическом и гносеологическом смыслах равноценным замещением научной картины мира, что делает ее не просто проявлением антинауки, но, как уточняет Дж. Холтон, подобная картина мира может быть определена как паранаука [6, с. 41]. Паранаука может быть рассмотрена как одно из проявлений сложного и многогранного феномена антинауки, которая в целом предстает именно как *мировоззренческая* альтернатива науке. Для проведения демаркации науки и антинауки следует, прежде всего, сосредоточиться на изучении тех мировоззренческих каркасов, которые обуславливают их существование в различные культурные эпохи.

Наиболее репрезентативной для второго уровня является, по нашему мнению, работа Б.И. Пружинина «Ratio serviens? Контуры культурно-исторической эпистемологии» [8].

В этой работе автор исследует социокультурные факторы механизма возникновения и утверждения псевдонаучного знания. В первую очередь к ним относится нарушение баланса соотношения социального и познавательного статуса фундаментального и прикладного знания. Их уравнивание по своему значению и даже утверждение приоритета за прикладными исследованиями, что обесценивает для науки роль ее теоретико-методологических первооснов. Отказ от признания действительного статуса теоретико-методологических первооснов рационально-научного знания, в свою очередь, и открывает возможность полагания наряду с ним вненаучных и псевдонаучных учений, объявления их законной альтернативой научным разработкам, утверждения псевдонауки как обладающей равным статусом и легитимностью с наукой.

А самое важное заключается в том, что сущностной содержательной спецификацией подлинного научного знания является его способность выступать условием, предпосылкой и исходным содержанием для производства нового знания. Это, помимо всего прочего, обуславливает преемственность, когерентность, последовательную верификацию в развитии научного знания. И, наоборот, как подчеркивает Б.И. Пружинин, в утверждающихся квазинаучных построениях теряется важнейший признак научного знания – возможность его использования для производства нового знания, т. е. для последовательно-

го расширения области известного. Особо ценным в этом плане является то, что в работе выявляются методологические, эпистемологические и социокультурные предпосылки и основы решения задачи, которая не только редко ставится в науковедческой литературе, но не всегда даже и осознается в достаточной степени, – задача рефутации квазинаучных построений.

К числу наиболее репрезентативных работ третьего уровня, по нашему мнению, относятся работы уже упоминавшегося нами крупного отечественного ученого и популяризатора науки А.И. Китайгородского [9], и в первую очередь его явно недооцененная книга «Реникса» [1].

На обширном материале, в основном из области физики и химии, автор показывает социальные и гносеологические причины возникновения многочисленных лженаучных идей и теорий, мотивы, связанные с попытками их распространения. А.И. Китайгородский дает определенную классификацию лженаучных построений и, что самое ценное, разрабатывает теоретико-методологические основы для демаркации лженаучных идей от заблуждений и ошибок, обусловленных эпистемологическими трудностями и коллизиями рационально-познавательной деятельности и историко-культурными факторами.

Решение проблемы демаркации науки и квазинаучных идей связано, как мы видим, не только с конкретным анализом, наглядным и последовательным показом несостоятельности последних – это также необходимо, – но и способами и формами представления самого знания, углубленного анализа проблемы соотношения фундаментальных научных знаний с прикладными.

Актуальное состояние той или иной предметной области науки, достигшее целостного и систематического своего оформления и выражения, должно представляться как единое относительно исторического пути и этапов движения к этому единству. Оно должно быть представлено как целостное единство относительно многообразного, т.е. относительно отдельных аспектов и граней его постижения, зачастую связанных между собой первоначально очень и очень опосредованно.

Включение во всеобщее-необходимое измерение предшествующей истории развития знания относительно той или иной фундаментальной теории, понимание ее «настоящего» как «вершины», для достижения которой потребовалось преодоление препятствий, содержало в себе заблуждения и «движение вспять».

Развитие теоретико-методологических идей фундаментального знания должно представлять собой не что иное, как производство и расширенное воспроизводство идеалов и норм научного знания, когерентного, законосообразного, общезначимого выражения природной и социальной действительности.

На этом же пути необходимо вести разработку вопросов включения прикладных аспектов науки как определенных частей целокупного научно-рационального знания, связанного с определяющим его предметом, что сразу лишит возможности представлять прагматическую эффективность различных наукообразных идей как легитимную альтернативу науке. При этом надо исходить из ряда моментов.

Прежде всего, конкретно анализировать и наглядно демонстрировать то, что практическая сила любого знания заключается в причастности к теоретико-концептуальным построениям, выражающим подлинную реальность, ее глубинные онтологические первоосновы. В этом контексте, далее, необходима реконструкция реального места, статуса и роли прикладного знания относительно теоретико-концептуального уровня и форм постижения действительности.

Все это и может положить исходную основу для комплексного и, в определенной мере, системного подхода к демаркации науки и квазинауки, рефутации псевдонауки, защитить созданный десятилетиями поколений ученых храм науки так, чтобы его не одолели «врата ада» лжезнания.

Литература

1. Китаigorodskii A.I. Реникса : 2-е изд. М. : Молодая гвардия, 1973. 191 с.
2. В защиту науки : бюллетень / отв. ред. Е.Б. Александров (до 2012 г. – Э.П. Кругляков); сост. Е.Б. Александров, Ю.Н. Ефремов, А.Г. Сергеев; Комиссия РАН по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований. Бюллетень № 1–21. М. : ПРОБЕЛ-2000, 2006–2018.
3. Александров Е.Б. Проблемы экспансии лженауки // В защиту науки : бюллетень / отв. ред. Э.П. Кругляков; сост. Е.Б. Александров, Ю.Н. Ефремов, А.Г. Сергеев; Комиссия РАН по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований. Бюллетень № 1. М. : ПРОБЕЛ-2000, 2006. С. 8.
4. Кувакин В. Лженаука – диагноз обществу // Комиссия по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований при Президиуме РАН, 2015 г.

URL: <http://klnran.ru/2015/10/valerij-kuvakin/> (дата обращения: 01.11.2018).

5. Пружинин Б.И. Псевдонаука сегодня // Вестн. Российской академии наук. 2005. Т. 75, № 2. С. 119.
6. Холтон Дж. Что такое «антинаука»? // Вопросы философии. 1992. № 2. С. 26–58.
7. Холтон Дж. Тематический анализ науки. М. : Прогресс, 1981. 383 с.
8. Пружинин Б.И. Ratio serviens? Контурь культурно-исторической эпистемологии. М. : РОССПЭН, 2009. 423 с.
9. Ландау Л. Д., Китаigorodskii A. I. Физика для всех : в 4 т. М. : Наука, 1984.

References

1. Kitaigorodskii A.I. Reniksa [Renix]. 2nd ed. Moscow: Molodaya gvardiya, 1973, 191 p.
2. V zashchitu nauki [In Defense of Science]. Bulletin. Ed. E.B. Aleksandrov (till 2012 – E.P. Kruglyakov); com. E.B. Aleksandrov, Yu.N. Efremov, A.G. Sergeev; The RAS Commission for Defending Pseudoscience and Falsification of Scientific Research. Bulletin No. 1-21. Moscow: PROBEL-2000, 2006-2018.
3. Aleksandrov E.B. [Problems of Expansion of Pseudoscience]. V zashchitu nauki [In Defense of Science]. Bulletin. Ed. E.P. Kruglyakov; com. E.B. Aleksandrov, Yu.N. Efremov, A.G. Sergeev; The RAS Commission for Defending Pseudoscience and Falsification of Scientific Research. Bulletin No. 1. Moscow: PROBEL-2000, 2006, p. 8.
4. Kuvakin V. Lzhenauka – diagnoz obshchestvu [Pseudoscience - the Diagnosis of Society]. Komissiya po bor'be s lzhenaukoi i fal'sifikatsiei nauchnykh issledovaniy pri Prezidiume RAN, 2015 g. [Commission to Defend Pseudoscience and Falsification of Scientific Research under the authority of Presidium of the Russian Academy of Sciences]. Available at: <http://klnran.ru/2015/10/valerij-kuvakin/> (accessed 01.11.2018).
5. Pruzhinin B.I. Pseudonauka segodnya [Pseudoscience today]. Vestn. Rossiiskoi akademii nauk. 2005, vol. 75, No. 2, p. 119.
6. Kholton Dzh. Chto takoe «antinauka»? [What is "anti-science"?]. Voprosy filosofii. 1992, No. 2, pp. 26-58.
7. Kholton Dzh. Tematicheskii analiz nauki [Thematic Analysis of Science]. Moscow: Progress, 1981, 383 p.
8. Pruzhinin B.I. Ratio serviens? Kontury kul'turno-istoricheskoi epistemologii [Ratio Serviens? Outlines of Cultural and Historical Epistemology]. Moscow: ROSSPEN, 2009, 423 p.
9. Landau L. D., Kitaigorodskii A. I. Fizika dlya vsekh [Physics for Everybody]. Vol. 4. Moscow: Nauka, 1984.

УДК 1(091);141.3

DOI 10.23683/0321-3056-2019-2-10-17

**ГЕРМЕС, ГНОЗИС И ТЕХНОГНОЗИС: РОСТОВСКИЙ АПОКРИФ
ГЕНЕЗИСА ФИЛОСОФИИ И НАУКИ
(небольшие наброски к обширному наследию)***

© 2019 г. А.А. Кириллов ^а

^а Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

**HERMES, GNOSIS AND TECHNOGNOSIS: THE ROSTOV APOCRYPHAL
STORY OF GENESIS OF PHILOSOPHY AND SCIENCE
(Small Sketches to a Vast Heritage)**

A.A. Kirillov ^а

^а Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Кириллов Андрей Александрович –
кандидат философских наук, доцент,
кафедра социальной философии,
Институт философии
и социально-политических наук,
Южный федеральный университет,
пер. Днепроvский, 116, г. Ростов-на-Дону,
344065, Россия.
E-mail: aakirillov@sfnedu.ru

Andrey A. Kirillov -
Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Department of Social Philosophy,
Institute of Philosophy,
Social and Political Science,
Southern Federal University,
Dneprovskii Lane, 116, Rostov-on-Don,
344065, Russia.
E-mail: aakirillov@sfnedu.ru

Рассматривается ситуация проникновения в историко-философскую и науковедческую учебную литературу герметической мистической поэтики, риторики и мифологии. Анализируется осуществление многократной попытки безапелляционного и некритического обналичивания и легализации «инновационного» апокрифа о генезисе философской и научной традиции мышления и всей европейской цивилизации исключительно в русле герметического оккультизма.

Раскрываются особенности и перспективы применения нарративного анализа и тропологических методологических приёмов к исследованию эффектов правдоподобия при производстве научных и околонаучных текстов. Критически рассматриваются сомнительные и навязчивые перспективы онаучивания и легитимации через наукообразный камуфляж и имитации рационально-научных текстов оккультных практик и эзотерических установок в преподавании истории философии и философии науки.

Ключевые слова: герметическая философия, генезис философии и науки, история философии, философия науки, логика и методология научного познания, наука и квазинаука, научное знание и оккультные практики.

The article deals with the situation of penetration of hermetic mystical poetics, rhetoric and mythology into the historical, philosophical and scientific educational literature. The author examines the implementation of multiple attempts peremptory and non-critical cash and the legalization of the “innovation” of the apocryphal story about the Genesis of philosophical and scientific traditions of thought and European civilization in its entirety solely in line with the hermetic occult.

The text reveals the features and prospects of the use of narrative analysis and tropical methodological techniques to study the effects of likelihood in the production of scientific and near-scientific texts. A critical examination of dubious and intrusive prospects of onarchive and legitimation through a pseudo-scientific camouflage and imitate the occult practices and esoteric attitudes in teaching history of philosophy and philosophy of science.

Keywords: hermetic philosophy, Genesis of philosophy and science, history of philosophy, philosophy of science, logic and methodology of scientific cognition, science and quasi-science, scientific knowledge and occult practices.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-20028.

Однако многим деятелям на пути познания божественной мудрости приходилось прибегать к обману. В этом видна беспомощность и наивная попытка защититься от акта неприятия и непризнания. Иногда обман свидетельствовал о таких же необычайных явлениях, как и те, на подтверждение которых он направлен.

Т.Г. Лешкевич [1]

Наш современник – рядовой интеллигент, ослухенный наукообразием эзотерической фразеологии, рассматривает эзотику как необходимый этап в развитии менталитета.

Дискурсы эзотерики [2]

Иногда простой учебник способен радикально изменить представление о вещах в науке и в философии, казалось бы, и узнаваемых, и обсуждаемых, и много раз читанных, и это в полной мере может быть отнесено к тому, что выходит из-под пера известного ростовского мыслителя и увлечённого исследователя – д.ф.н., проф. Т.Г. Лешкевич. Речь идёт о своеобразном юбилее «просветительской» линии – 20 с лишним лет назад увидела свет череда учебников и учебных пособий [1, 3, 4] по философии и философии науки, широко разошедшихся и укоренившихся в отечественном учебном книжном фонде и электронном интернет-пространстве. Любопытной чертой всей этой череды учебных книг и пособий является одна примечательная особенность, а именно – **«...впервые на фоне детального описания целостного образа науки проводится корреляция рациональных и внерациональных форм знания, версий исторического происхождения науки, линии ее девиантного существования в контексте герметической философии и «натуральной магии»** [1, с. 4]. Другими словами, в рамках жанра учебной литературы осуществляется многократная попытка безапелляционно и за рамками критического анализа, «обналичить» и легализовать «инновационный» апокриф о генезисе не только философской и научной традиции мышления, но и – ни много ни мало – всей европейской цивилизации исключительно в русле герметической мистики и мифологии, её теософской спекулятивной ипостаси и оккультной практики.

Авторский подход проф. Т.Г. Лешкевич с невосомой лёгкостью и стремительной возвышенностью затрагивает фундаментальные философские дисциплинарные области, попутно делая там открытия, а точнее сказать – переоткрытия. Можно даже сказать, что не затрагивает, а коренным образом переиначивает их содержательное наполнение, речь идёт об истории философии, в рамках которой, уважаемый автор,

наверняка должен был бы иметь соответствующие квалификационные знания, иначе откуда бы тогда взялись бы хоть какие-нибудь основания конструировать и пропагандировать всё «новое» и «нетрадиционное» в этой фундаментальной философской области знания – **«...предлагается новый нетрадиционный взгляд на периодизацию историко-философского процесса, ибо первая тайная мудрость герметизма есть подлинное основание концептуального потенциала и этической направленности всей последующей философии»** [3, с. 21]. Автор ростовского апокрифа сам формулирует в аннотации программные вопросы, которые затем, правда не всегда последовательно, будут реализованы как сюжетная структура многообразных текстов: **«...сочетается ли современная философия с той тайной герметической мудростью древних, которая стояла у колыбели древнегреческой и всей европейской цивилизации? И правильно ли связывать возникновение философии лишь с именами древнегреческих мыслителей? Самодостаточен ли рационализм, говорящий от имени мудрости, провозглашающий любовь к ней, но совершенно отсекающий герметизм человеческой души?»** [3, с. 21]. Для подобных «инновационных» сюжетов должна быть представлена серьёзная историко-философская аргументационная база, опирающаяся на оригинальные, авторские исследования [5], однако вместо этого предлагается верить на слово различным расхожим религиозно-справочникам и популяризирующим оккультную и эзотерическую доктрину авторам. Вместо историко-философской аргументации, глубокого и вдумчивого текстологического анализа, серьёзного изложения фактографического материала и доксографии, по такому ключевому вопросу для истории философии и философии науки, в тексте всплывают весьма экзотические «сведения», «мнения» и «точки зрения», которые, по мнению проф.

Т.Г. Лешкевич, делают невероятное – очевидным, загадочное – познанным, необъяснимое – понятным и вообще – снимают все вопросы: «...Однако **существует точка зрения, в соответствии с которой** предназначение пирамиды как места захоронения фараона – второстепенное и сопутствующее. Пирамиды предназначались прежде всего для деятельности жречества в целях осуществления интенсивной и **обширной программы тотального управления страной средствами психотехники**. Согласно преданиям, существовали такие сооружения «Озаряющего Света», в пространстве которых медитативный сеанс мог протекать в высшей степени успешно благодаря усиливающему воздействию биоритмически структурированного пространства храма. Храм играл роль синтезатора, генерирующего стационарное поле (внутри оболочки в виде стеновых ограждений и кровельного покрытия), которое позволяло сохранить устойчивую глубину транса» [4, с. 43–44]. Правда, покров таинственности герметической философии продолжает от нас до сих пор скрывать самое главное – чью точку зрения как «существующую» уважаемый автор приводит в данном абзаце? Есть ли у доктора философских наук, профессора ЮФУ возможность конкретно указать автора или источник, откуда почерпнута бесценная информация о:

- пирамиде как «храме-синтезаторе»;
- «генераторе стационарного поля (внутри оболочки в виде стеновых ограждений и кровельного покрытия)»;
- сооружениях «Озаряющего Света»;
- «“биоритмически” структурированном пространстве»;
- степень «устойчивости глубокого транса»;
- «обширных программах тотального управления страной средствами психотехники»?

Остаётся без ответа и самый роковой вопрос, который не может не возникнуть при знакомстве с такого рода «историко-философскими» аргументами, – а существует ли вообще, само по себе, это загадочное «кровельное покрытие» в египетских пирамидах? Но эти вопросы из области герметической «философской египтологии», которую последовательно развивает уважаемый проф. Т.Г. Лешкевич, лишь часть открытий. И эти открытия продолжают – ведь есть вещи в истории философии и науки более древние и волнующие своей таинственностью – атлантология, ведь древняя и загадочная Атлантида предшествовала цивилизации древнего

Египта и об этом должен знать каждый студент, аспирант и соискатель [6] (по новому – экстерн). Именно с атлантологическим сюжетом связано раскрытие авторского характера производства «философского и науковедческого» текста в тематическом блоке «Природа человека и смысл его существования», там имеется интересный раздел под названием «**Этический пафос легенды об Атлантиде**». Именно здесь хорошо просматривается, как автором последовательно вводятся в оборот все основные тропы, конструирующие риторику ростовского герметического апокрифа – пафос, аллегория и гипербола, в стилизации которой явно и намеренно работает преувеличение с целью усиления выразительности и подчёркивания «достоверности» сказанного – «...Атлантида использовала мыслительную энергию, что утрачено в настоящее время. В золотой век атланты жили по несколько сот лет. После 23–25 лет основным различием считался уровень мудрости, опыта, чистоты мыслей в отношении друг к другу. Дети с самого раннего возраста обучались математике, а подростки интересовались изобретениями; причем они могли **производить расчеты в уме со скоростью современных компьютеров**» [7, с. 102].

Видимо поэтому эффект правдоподобия должен достигаться, по мнению автора ростовского герметического апокрифа, рассуждениями, опирающимися исключительно на монументальный «ретроспективный анализ» интеллектуальной антропологии протяженностью в 6 тысяч лет – «Первым богом мудрости и письменности, **“первым интеллектуалом”** был древнеегипетский бог Тот (он же впоследствии Гермес Трисмегист). **Ретроспективный анализ сущности и специфики философии, ведущий начало от памятников древнеегипетской цивилизации 4 тыс. до н.э., аксиом и принципов герметизма до основных положений и законов современной постнеклассической картины мира 20 в. н.э., позволяет представить философию в новом и нетрадиционном свете**» [3, с. 21]. А в чём этот философский «нетрадиционализм» проявляется конкретно, какие авторские мотивы и поэтические построения организуют структуру текста ростовского герметического апокрифа? Философский «нетрадиционализм», по всей видимости, состоит в том, чтобы насытить текст метафорами катастрофизма, морализаторскими «духовными основами веры», а также синергетическими хаосомностями и бифуркациями с

целью символической подмены научной и философской истины (которую традиционно олицетворяли Афина [8] и Аполлон) – ликом ужасающей Горгоны. Для чего это делается? Непонятно, видимо, читатели ещё плохо знакомы с другим ростовским апокрифом о Медузе Горгоне, как олицетворении истины: «Поскольку мир состоит из открытых, неравновесных систем, существование в таком нестабильном мире сопряжено с многочисленными бифуркациями и катастрофами. **Человечество же ищет иной доли, оно страстно мечтает не только об истине, имеющей, увы, лик Горгоны,** оно стремится к счастью, благоденствию и красоте. Муче ежедневного бытия противопоставляется спасение в духовных основах веры, то воспламеняющиеся, то затухающие искры надежды, возгорающиеся все ярче и ярче по мере того, как мы научаемся творить добро» [9, с. 438].

Аллегория, гипербола и пафос – вот, пожалуй, те три центральных тропа, применение которых должно придать рассуждениям автора ростовского герметического апокрифа генезиса философии и науки исходную «очевидную» образность, воодушевление и даже драматизм: «...Из года в год и из десятилетия в десятилетие мерная поступь основных тем необыкновенно древней и вечно современной философии встречает каждого, вновь вступающего в Храм Мудрости, словно череда древнеегипетских пирамид, неумолимых и непреклонных» [3, с. 21]. Тропологической конструкцией, которая снабжает данный текст, так необходимой ему «убедительностью», «очевидностью» и «правдоподобием», будет выступать пафос и аллегория, со всеми свойственными этим тропам характеристиками: «...Тем не менее ее солидный возраст (цивилизации Древнего Египта. – А.К.) (6 тыс. до н.э.) поражает и заставляет застыть в почтении. А те сведения, которыми, согласно дошедшим до нас источникам, она располагала, требуют по-новому посмотреть на периодизацию всего историко-философского процесса. Ибо первая тайная мудрость восхищает и покоряет нас не только своими бездонными глубинами символизма, она, что парадоксально, **весьма современна своим концептуальным потенциалом и этической направленностью**» [3, с. 30]. Массив текстов и обилие сюжетов ростовского герметического апокрифа позволяет в полной мере корректно применить к его изучению метод нарративного анализа Х. Уайта [10, 11]. Пользуясь им, можно

подробно и последовательно анатомизировать текстуальные порядки, формирующие пространство ростовского апокрифа, в результате мы получим очень интересную конструкцию:

– **сюжетика** ростовского апокрифа будет определяться тропами **пафос, гипербола и аллегория** – «переоткрытие герметической традиции», «ожидания, затянувшегося на тысячелетия», «производить расчеты в уме со скоростью современных компьютеров»;

– **формальным аргументом** будет выступать **конспиративность** (конспиративность многотысячелетнего глубинного присутствия герметической традиции в философии и науке), **мистерияльность** «скрытности и закрытости» герметического знания или тривиальный обман и конспирология (см. эпиграф в начале статьи о роли «обмана»: «...Иногда обман свидетельствовал о таких же необычайных явлениях, как и те, на подтверждение которых он направлен»);

– **идеологическая импликация** – ею будет выступать **оккультизм**, как пространство, в котором происходит вписывание и «узнавание» ненаучной, чудесной реальности герметизма, оно облагорожено и камуфлировано, автором ростовского апокрифа обозначается «**инобытие науки**», «**инофонд идей**», «**девиантная линия существования науки**» «**паранаучные стремления**».

На страницах обычных, но всё же «инновационных» учебных пособий читателю предлагают стать соучастником масштабного метаисторического священнодействия, древней и таинственной мистерии – «вхождения в обитель праматери всех наук», проводником которого будет выступать сам бог Гермес Трисмегист (Тот - Джехути) в облики герметической философии: «**Отталкиваясь от дня сегодняшнего, можно заметить, что ожидание, затянувшееся на несколько тысячелетий, начинает оправдываться сторицей. Волны любви к герметической философии, бороздившие просторы исторического времени, охватывали не только мужей античности, не мысливших себе без путешествия на Восток вхождения в обитель праматери всех наук, но и философов начала средневековья. Они, интерпретируя по-своему доставшиеся им древнейшие памятники интеллектуального миропостижения, положили начало так называемому “ученому герметизму”. А тот огромный интерес к герметической философии, который испытывали мыслители эпохи Возрождения, и то внимание, с которым тя-**

нется наш современник к герметической философии как к чаше животворной воды, говорит о новом и небывалом увлечении» [3, с. 30]. По словам автора ростовского апокрифа – Т.Г. Лешкевич, получается так, что за всеми стадиями, периодами и эпохами в развитии европейской науки и философии скрывается тень многотысячелетнего глубинного присутствия «чаши животворной воды» герметической традиции. Из чего следует, что и современная наука в её разнообразных теоретических и прикладных формах – актуальное воплощение «концептуального анализа тайной мудрости» – «Священной книги Тота» и «Изумрудной скрижали» (этому вопросу посвящена **Тема 3. Проблемы концептуального анализа тайной мудрости. «Священная книга Тота» и «Изумрудная скрижаль» Гермеса Трисмегиста** [3, с. 47]). Последнее даёт полное и безусловное право автору ростовского апокрифа осуществить «безапелляционную» аналогию между оккультными представлениями герметической традиции и современными научными теориями и принципами: «...И оказывается, что **герметический принцип вибрации** парадоксальным образом совместим с современным признанием **абсолютности движения, закон причины и следствия в герметизме** сочетается непосредственным образом с **принципом детерминизма**, а **древняя аксиома полярности** очень подходит на всем известный **закон единства и борьбы противоположностей**. Принцип **ментализма** близок идеям о **ноосфере**, а **принцип соответствия – коэволюции**» [3, с. 21–22]. Более того, само существование современного научного сообщества, его характер организации, социальные формы институализации, по мнению автора ростовского герметического апокрифа, не сильно отличаются от тайных союзов древних магов, мистиков и оккультистов: «...**Корпус посвященных** весьма напоминает “герметичность” деятельности научных сообществ, вход в которые также закрыт для профанов; принцип наставничества, научного руководства – это поныне действующий принцип процесса подготовки научных кадров; секретность полученных знаний – требование, весьма актуальное и по сей день с учетом последних разработок в сферах генетики и клонирования. Вся своеобразная система древнейших знаний, погребенная под толщей мистических иносказаний, интересна тем, что **имеет тенденцию к воспроизведению и обнаружению своей зна-**

чимости в новейших, парадоксальных открытиях энергоинформационных технологий» [4, с. 46]. И уже естественно, что у автора данного текста мы не найдём ответа на вопросы, как связаны «мистические иносказания» с «новейшими, парадоксальными открытиями энергоинформационных технологий», что это за сфера научного знания и кто в нашем университете (ЮФУ) исследованиями в области энергоинформационных технологий занимается? Но зато есть очень оригинальное понимание, толкование и «яркая» иллюстрация принципов кибернетики в разделе «Информатика и энергоинформационные процессы»: «Кибернетика (от греч. *kybernetes* – рулевой, управляющий), как известно, оформилась в дисциплинарную область науки об управлении машин и живых существ. Традиционно с ней связывают представления о науке управления, регулирования и передачи информации в организмах, машинах и системах организмов и машин. **(Поплавок в сливном бачке – простейшее приложение кибернетического управления. Когда бачок наполняется, клапан перекрывает воду. Это всем понятно, но таким управляемым может быть и химический процесс, протекающий в нескольких направлениях, и биологический процесс)**» [4, с. 202–203]. Сталкиваясь с подобными «инновационными» пассажами, не можем не задать вопрос – зачем из философии, а в нашем случае, конкретно, истории философии и философии науки, делать посмешище, доводя её содержание до комических и гротескных форм?

Полученный масштабный результат смелого применения «герметической аналогии», а именно он, по мнению автора ростовского апокрифа, является основным методом герметической традиции [12], ко всей философии и науке позволяет раскрыть основной замысел проделанной работы – «**Здесь выдерживается принцип сопряжения философского, научного и эзотерического подходов. Описываемые эзотерической семь планов бытия человека, его двойственная и триединая природа, значение человека в первом высшем Аркане Таро не делают его меньшей проблемой для самого себя**» [3, с. 21–22]. Читаешь эти строки, и всегда, с необходимостью, возникает вопрос – с какой целью «выдерживается принцип сопряжения философского, научного и эзотерического подходов»? Что это нам сегодня даёт кроме весьма эфемерной и совершенно сомнительной, навязываемой перспективы онаучивания и легити-

мации через наукообразные имитации и фокусы оккультных практик и эзотерических установок? А ответ на этот вопрос уже однажды был дан нашими коллегами из Института философии РАН – **«Современная эзотерика выступает в наукообразном облики, часто в сопровождении графиков, формул и математических таблиц. Она апеллирует к науке, провозглашая принцип “единства науки, религии и философии”»** [13, с. 92–98]. И, к счастью, этот ответ был дан не единожды и в более прямой и конкретной форме: «Для достижения своих корыстных целей идеологи лженауки утверждают, что “официальная научная парадигма устарела”, что настает эра нового, “эзотерического” знания, в которой “догматической науке” не будет места. Тотальное наступление на подлинную науку ведется не только адептами лженауки. **За спиной врагов науки – мощное “философское” обоснование, имеющее глубокие корни – анархистские концепции постмодернизма, отрицающие существование объективной истины и объявляющие результаты науки продуктом сговора ученых»** [14, с. 48].

Можно спорить, принимать такую точку зрения или не принимать, в рамках научной полемики, с уважаемыми академиками и профессорами (академик РАН Е.Б. Александров, проф. Ю.Н. Ефремов, академик РАН Э.П. Кругляков), но то, что они остро и определённо зафиксировали и сформулировали очень точно, именно «философский акцент», указавший на «философское обоснование наступающей эры нового эзотерического знания», с этим нельзя не согласиться.

С тем, что во всём виноват «проклятый постмодернизм», не будет отрицать и автор ростовского апокрифа проф. Т.Г. Лешкевич, вот как она живописует его эпохальные характеристики: «Постмодерн, провозглашая новый (постмодернистский) тип реальности, такой, какой она стала в XX в., в наибольшей степени апеллирует к инстинктам, **ощущениям вседозволенности, спонтанности и разнообразию вкусов и манер, хаосу** [7, с. 166]. Только вот выводы из этой «ситуации постмодерна» делаются нашими уважаемыми авторами, академиками и профессорами диаметрально противоположные, именно у автора ростовского герметического апокрифа мы можем отчётливо наблюдать признаки «мощного философского обоснования наступающей эры нового эзотерического знания»: «...Нельзя запрещать развитие вне-

учных форм знания, как нельзя и культивировать сугубо и исключительно псевдонауку, нецелесообразно также отказывать в кредите доверия вызревшим в их недрах интересным идеям, какими бы сомнительными первоначально они ни казались. **Даже если неожиданные аналогии, тайны и истории окажутся всего лишь “инофондом” идей, в нем очень остро нуждается как интеллектуальная элита, так и многочисленная армия ученых»** [9, с. 14].

«Выдерживание» автором ростовского апокрифа «принципа сопряжения философского, научного и эзотерического подходов» делается с вполне конкретной целью – вписать в систему философского и научного знания представления и предубеждения, имеющие отношение к науке и философии, по всей видимости, очень отдалённое и весьма туманное: «Рассматриваемая в пособии проблема **экологии – персонального кодекса ценностей**, который ставит во главу угла вопросы экологии человека, его самореализации и развития его способностей, учитывает **новейшие выводы энологии (учения об энерго-информационных взаимодействиях) в борьбе за очищение психосферы** и позволяет прийти к этически значимым выводам каждому читателю» [1, с. 22].

Поэтому стоит ли удивляться, что в учебных пособиях по философии и философии науки для аспирантов и соискателей автор ростовского апокрифа усиленно насыщает текст весьма удалёнными от науки и философии конструкциями и комбинациями: **«Современная типология видов энергии. Что такое энергия? Ответ Рерихов. – Свойства тонких энергий. – Энергия мысли и воображение. – Энергия как план астральности. – Проблема обращения с высшей энергией. – Энергия и проблема зла** [1, с. 205] ... **Типы энергоинформационных взаимодействий. – Торсионные поля. – Три класса информационных взаимодействий: Человек – Земля – Космос. – Аттрактор в синергетике, эгрегор в эзотерике...**» [1, с. 216].

Можно констатировать, что с момента публикации подобных изысканий в ростовской философской и науковедческой традиции произошла «тихая герметическая революция» или, выражаясь языком алхимии, – «герметическая свадьба», призванная завершить «большое дело» при помощи «философского камня», который и олицетворял, теперь так хорошо знакомый всем ростовским студентам, аспирантам и соискателям, бог Гермес Трисмегист (Тот - Джехути).

Иначе как объяснить целевую установку уважаемого автора ростовского апокрифа, стремящегося настойчиво легализовать эзотерику и оккультизм через выдуманное им «инобытие науки»: «Для широкого круга читателей бесспорно представляющим интерес станет раздел, посвященный соотношению науки и эзотеризма, в котором, помимо явно ощутимых параллелей между современной наукой и древним комплексом герметических знаний, будут рассматриваться наиболее острые гипотезы об энергоинформационном обмене, обогатившие официальную науку конца второго тысячелетия. В связи с этим эвристически значимым представляется проведение двух линий развития науки: первой – основной, приведшей к становлению современного образа науки, и второй – линии, «отмеченной пунктиром», обозначившей те паранаучные стремления, которые имели свои достижения, но так и остались не признанными официальной наукой. Они составили инобытие науки, ее периферию, хотя самым фактом своего неискоренимого пограничного существования говорили об иных возможностях человеческого развития» [1, с. 3–4].

Хорошо, что вовремя, в том же 1998 г., когда были опубликованы «инновационные» изыскания Т.Г. Лешкевич, в Москве, в Российской Академии Наук было принято решение о создании Комиссии по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований. И уже через год был обнародован за авторством академика Э.П. Круглякова «Доклад комиссии по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований на Президиуме РАН» [15, с. 10] от 16 марта 1999 г., в котором с прямотой древних римлян последовательно и аргументированно была представлена научная точка зрения на «инобытийные» и «периферийные» явления «пограничного существования»: «Проникновение всевозможных колдунов, прорицателей, экстрасенсов, астрологов и прочей сомнительной публики в коридоры власти, организация ряда сомнительных академий, среди которых безусловными «лидерами» являются **Международная академия энергоинформационных наук и Международная академия информатизации, привели к опасному явлению – организованной лженауке.** Не получая никакого отпора, лженаука все более нагнетает. Не исключено, что, если оставить все как есть, она в недалеком будущем подменит собой науку.

Симптомы налицо. Лженаука уже пустила корни в ряде вузов страны... Речь идет о “науке” под названием “энергоинформационный обмен”, или “эниология”» [15, с. 10].

Литература и примечания

1. Лешкевич Т. Г. Философия науки: традиции и новации : учеб. пособие для вузов. М. : ПРИОР, 2001. 428 с.
2. Дискурсы эзотерики (философский анализ) / отв. ред. Л.В. Фесенкова. М. : Эдиториал УРСС, 2001. 240 с.
3. Лешкевич Т.Г. Философия. Вводный курс : 2-е изд., доп. М. : Контур, 1998. 464 с.
4. Лешкевич Т.Г. Философия науки : учеб. пособие для аспирантов и соискателей ученой степени. М. : ИНФРА-М, 2006.
5. Лешкевич Т.Г. Спецкурс: Цивилизация Древнего Египта (Герметика). Ростов н/Д., 1997.
6. Данное издание снабжено специальным указанием на то, кому конкретно рекомендована подобная учебная литература – **Для студентов высших учебных заведений, аспирантов и всех интересующихся современной философией.**
7. Лешкевич Т.Г. Философия : курс лекций. М. : ИНФРА-М, 2000. 240 с. (Серия «Высшее образование»).
8. Если следовать фабуле древнегреческой мифологии, то собственно Афина и Гермес помогли Персею победить Медузу Горгону.
9. Кохановский В.П., Золотухина Е.В., Лешкевич Т.Г., Фатхи Т.Б. Философия для аспирантов : учеб. пособие : 2-е изд. Ростов н/Д. : Феникс, 2003. 448 с. (Серия «Высшее образование»).
10. White H. Tropics of Discourse: Essays in Cultural Criticism. London : The Johns Hopkins Press Ltd., 1978.
11. Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX в. Екатеринбург, 2002.
12. «В качестве основного метода в “Изумрудной скрижали” устанавливается метод аналогии. Вот и в данном случае анализируемое высказывание воспринимается по аналогии с известными нам ступенями познания. От живого созерцания к понятию и от него к практике – таков путь истины. В данном контексте речь идет не о практике как чувственно-предметной деятельности, а **о практике иного рода: практике откровения, практике очевидности.** Тем не менее подобная аналогия возможна» [3, с. 54].
13. Фесенкова Л.И. Сциентизация эзотерики и псевдонаука // Социологические исследования. 2004. № 2. С. 92–98.
14. Неужели Россия не может без распутищины? Предисловие к бюллетеню «В защиту науки», № 1, 2006 г.; «Здравый смысл», № 4 (41), 2006 г.

15. Кругляков Э.П. Доклад комиссии по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований на Президиуме РАН 16 марта 1999 г. // *Философия науки*. 1999. № 1 (5). С. 10.

References

1. Leshkevich T.G. *Filosofiya nauki: traditsii i novatsii* [Philosophy of Science: Traditions and Innovations]. Manual for Higher Educational Establishments. Moscow: PRIOR, 2001, 428 p.
2. *Diskursy ezoteriki (filosofskii analiz)* [Discourses of Esotericism (Philosophical Analysis)]. Ed. L.V. Fesenkova. Moscow: Editorial URSS, 2001, 240 p.
3. Leshkevich T.G. *Filosofiya* [Philosophy.]. Introductory Course. 2nd ed., ad. Moscow: Kontur, 1998, 464 p.
4. Leshkevich T.G. *Filosofiya nauki* [Philosophy of Science]. Studies Manual for postgraduates and applicants for the degree. Moscow: INFRA-M, 2006.
5. Leshkevich T.G. *Spetskurs: Tsivilizatsiya Drevnego Egipta (Germetika)* [Special Course: Civilization of Ancient Egypt (Hermetics)]. Rostov-on-Don, 1997.
6. This publication has a special reference to who specifically recommended such educational literature - for university students, postgraduates and all interested in modern philosophy.
7. Leshkevich T.G. *Filosofiya* [Philosophy]. Course of Lectures. Moscow: INFRA-M, 2000, 240 p.
8. If we follow the plot of ancient Greek mythology, then actually Athena and Hermes helped Perseus to defeat Medusa Gorgon.
9. Kokhanovskii V.P., Zolotukhina E.V., Leshkevich T.G., Fatkhi T.B. *Filosofiya dlya aspirantov* [Phi-

losophy for Postgraduates]. Manual. 2nd ed. Rostov-on-Don: Feniks, 2003, 448 p.

10. White H. *Tropics of Discourse: Essays in Cultural Criticism*. London: The Johns Hopkins Press Ltd., 1978.

11. Uait Kh. *Metaistoriya: Istoricheskoe voobrazhenie v Evrope XIX v.* [Metahistory: Historical Imagination in Europe of 19th century]. Ekaterinburg, 2002.

12. "As the main method in the Emerald Tablet, the method of analogy is established. Here and in this case, the analyzed statement is perceived by analogy with the known steps of knowledge. From living contemplation to the concept and from it to practice - this is the way of truth. In this context, this is not about practice as a sensory-objective activity, but about a different kind of practice: the practice of revelation, the practice of evidence. However, a similar analogy is possible" [3, p. 54].

13. Fesenkova L.I. *Stsientizatsiya ezoteriki i psevdonauka* [Scientization of Esoteric and Pseudoscience]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2004, No. 2, pp. 92-98.

14. Neuzheli Rossiya ne mozhet bez rasputinshchiny? *Predislovie k byulletenyu «V zashchitu nauki» № 1*, 2006 g. [Can't Russia be without Rasputinism? Introduction to the bulletin "In Defense of Science", No. 1, 2006]. *Zdravyy smysl*, No. 4 (41), 2006.

15. Kругляков Э.П. Доклад комиссии по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований на Президиуме РАН 16 марта 1999 г. [Report of the Commission to Combat Pseudoscience and Falsification of Scientific Research at the Presidium of the Russian Academy of Sciences on March 16, 1999]. *Filosofiya nauki*. 1999, No. 1 (5), p. 10.

УДК 167.7

DOI 10.23683/0321-3056-2019-2-18-22

НЕЙРОСЕТЕВОЙ АНАЛИЗ И МАТЕМАТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

© 2019 г. А.А. Обухов ^а

^а Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

NEURAL NETWORK ANALYSIS AND MATHEMATICAL MODELING OF SOCIAL PROCESSES

A.A. Obukhov ^а

^а Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

Обухов Андрей Александрович –
кандидат экономических наук,
старший научный сотрудник,
Институт философии и права,
Новосибирский государственный университет,
ул. Пирогова, 1, г. Новосибирск, 630090, Россия.
E-mail: a.obukhov@nsu.ru

Andrey A. Obukhov –
Candidate of Economics,
Senior Researcher,
Institute for Philosophy and Law,
Novosibirsk State University,
Pirogova St., 1, Novosibirsk, 630090, Russia.
E-mail: a.obukhov@nsu.ru

Постиндустриальное общество, формирование которого стало одной из ключевых особенностей современного этапа развития человечества, ставит перед философией науки новые задачи. Процесс «спора о методе», проходившего на протяжении XIX – XX вв. в философских и научных кругах не пришел к однозначным выводам, несмотря на существенные теоретические достижения, такие как выделение номотетического и идиографического подходов в научной методологии. На данный момент все большую актуальность приобретает проблема поиска наиболее адекватного по отношению к постоянно усложняющейся объективной реальности метода исследования в науках социального и гуманитарного блока.

Возможно, таким методом может служить нейросетевое моделирование, благодаря его адаптивности, самообучаемости и многомерности. Сложность и противоречивость человеческой психики, лежащей в основе всех социальных взаимодействий, может быть успешно смоделирована лишь на основе содержательно близких к ней методик, к которым относится применение нейросетей. Именно это дает определенный оптимизм по поводу использования нейросетевого моделирования в анализе и прогнозировании трендов и феноменов в таких отраслях науки, как экономика, социология, политология и социальная философия.

Ключевые слова: метод, научное познание, нейронные сети, математическое моделирование, номотетический подход, идиографический подход, социально-гуманитарные науки, постиндустриальное общество.

Post-industrial society, the formation of which has become one of the key features of the modern stage of human development, sets new tasks for the philosophy of science. The process of the “dispute about the method” that took place during the 19th - 20th centuries in philosophical and scientific circles did not come to unambiguous conclusions, despite significant theoretical achievements, such as highlighting nomothetical and idiographic approaches in scientific methodology. At the moment, the problem of finding the most adequate research method in the sciences of the social and humanitarian block, which is more adequate in relation to the ever-increasing objective reality of reality, is becoming even more relevant.

We suppose that neural network modeling can serve as such a method, due to such properties as adaptability, self-learning and multidimensionality. The complexity and inconsistency of the human psyche that underlies all social interactions can be successfully modeled only on the basis of substantively close to it techniques, which include the use of neural networks. This is what gives a certain optimism about the application of these methods in analyzing and forecasting trends and phenomena in such branches of science as economics, sociology, political science and social philosophy.

Keywords: method, scientific knowledge, neural networks, mathematical modeling, nomothetic approach, idiographic approach, social and human sciences, post-industrial society.

Динамичное развитие технологий генерации, обработки, хранения и передачи информации вывели современное общество на новую стадию, называемую постиндустриальной. Впервые термин «постиндустриальное общество» был введен французским социологом А. Туреном [1], а затем широко растиражирован американским социологом Д. Беллом [2] и футурологом А. Тоффлером [3]. Сущность постиндустриального общества заключается в резком увеличении доли секторов экономики, использующих информацию в качестве основного фактора производства, против трудо- и капиталоемкого производства на индустриальной стадии, а также расширения сферы услуг. Опираясь на увеличивающийся поток инновационных решений, постиндустриальная фаза развития общества характеризуется интенсивным расширением доли высокотехнологичных отраслей экономики и сопутствующими трансформациями социальной среды.

Трудно отрицать, что меняющаяся социальная реальность требует радикального пересмотра методологического аппарата, применяемого в таких науках, как социология, экономика, политология, и, наконец, социальная философия, если мы переходим на метауровень исследования.

Проблема метода в социальных науках исходит из противопоставления «наук о духе» и «наук о природе» В. Дильтеем [4] и выявления В. Виндельбантом [5] принципиальных отличий между номотетическим и идиографическим подходами. Можно говорить о том, что «науки, использующие преимущественно номотетический метод, ищут общие закономерности, пользуясь для этого экспериментами, статистикой, постановкой и проверкой гипотез; науки, предпочитающие идиографический метод, сосредоточены на описании единичных и неповторимых явлений» [6, с. 23].

В сфере социальных наук, опираясь на концепцию К. Гемпеля, мы полагаем более соответствующим сути научного поиска номотетический подход, т. е. попытки выявления и четкого формулирования неких законов развития общества. Исключительно идиографический метод, не дающий никакой выводной информации и ограничивающийся «фотографированием реальности», мы считаем более пригодным для таких наук, как история и антропология. Одновременно встает вопрос о способе выявления этих самых закономерностей общественного

развития, которые в предельно обобщенном виде можно считать «охватывающими законами» по К. Гемпелю [7].

Еще более сужая проблемное поле до выбора методологии внутри номотетического подхода, можно говорить о том, что существуют два глобальных способа выявления закономерностей развития общества – через анализ исторической динамики (ярким примером использования такого подхода является метод «исторической макросоциологии» [6]), либо путем математического моделирования социальных процессов. Полагаем, что поскольку историческая наука в основном опирается на хроники, свидетельства очевидцев и официальные документы, которые зачастую намеренно искажаются в угоду заинтересованным акторам, таких как государство, влиятельные персоны и др., то трудно считать ее достаточно серьезной опорой для выявления общих закономерностей развития общества. В противовес этому методы математического моделирования, обладающие достаточным уровнем объективности и строгости работы с данными, а также научной и методологической надежности и обоснованности, позволяют устранить фактор субъективности и сглаживают возможные фальсификации. Узким местом данного подхода является необходимость априорно задавать набор математически формализованных предположений, которые зачастую чрезмерно абстрактны и не учитывают конкретные нюансы реальных ситуаций. Работая в сфере социальных наук, необходимо учитывать всю сложность человеческой психики, лежащей в основе принятия решений как индивидами, так и обществом в целом. Классические оптимизационные и имитационные математические модели достаточно плохо работают в этой сфере, что создает значительные ограничения в их применении.

Вероятно, возможным способом выявления закономерностей поведения индивидов в постиндустриальном обществе по поводу принятия экономически значимых решений может служить сочетание аппарата теории игр и средств нейросетевого анализа. Такое сочетание методов позволяет преодолеть невозможность выявления функциональных зависимостей при моделировании производственных отношений на постиндустриальном этапе развития общества, когда значимую роль играют трудно поддающиеся строгому математическому описанию факторы производства, такие как предприниматель-

ские способности, информация и стратегическое видение, поскольку нейросети являются уникальным способом математического моделирования функционирования человеческой психики.

Прежде чем приступить к обоснованию выдвинутого тезиса, проведем реконструкцию проблемного поля, описав развитие так называемого «спора о методе» в исторической динамике за последние несколько столетий. Будем опираться на теоретические наработки, накопленные исследователями в сфере исторической макросоциологии и философии науки, такими как Р. Коллинз [8] и Н.С. Розов [9].

История «спора о методах»

Начиная со второй половины XX в. в экономике и социологии происходит содержательный номотетический прорыв, вызванный появлением необходимого математического аппарата. Применение математических методов в экономике в виде теории игр (Дж. Нейман, Дж. Нэш и др.), экономико-математической статистики (И. Фишер, Дж. Бокс, Г. Дженкинс и др.), математические методы исследования операций (Р. Акоф, Р. Беллман, Л.В. Канторович и др.) сделало возможным перейти на качественно иной, более содержательный уровень исследований. Отказ от введения избыточных сущностей, поиска оторванных от реальности «скрытых смыслов» затронул и социологическую науку, где на основе применения математических аналитических методов сформировалась научная школа Т.И. Заславской. Широкое применение игровые модели и элементы теории аукционов нашли в политическом анализе. Вместе с тем высокий уровень оптимизма по поводу окончательной и бесповоротной победы математического моделирования в социальных науках оказался необоснованным. Тому, на наш взгляд, есть несколько значимых причин.

Во-первых, постоянно возрастающая сложность применяемого математического аппарата существенно повышает «порог вхождения» в данную область исследований, поскольку требует высокого уровня знаний по таким дисциплинам, как математический анализ, высшая алгебра, теория вероятностей и математическая статистика, теория оптимизации, теория игр, и ряду других. Например, в современной России наиболее качественную подготовку студентов в области экономико-математического моделирования ведут всего несколько вузов: Российская

экономическая школа, НИУ ГУ «Высшая школа экономики» и НИУ «Новосибирский государственный университет». В связи с этим многие учебные и научные учреждения, как в России, так и за рубежом, ограничиваются «фотографированием реальности», занимаясь описанием выявленных тенденций, без глубокого анализа их причин и механизмов формирования и развития.

Во-вторых, в сложившихся условиях «замкнутой системы» математическое моделирование в значительной мере «закольцевалось», перестав служить инструментарием для решения экономических, социологических или политологических задач, превратившись в отвлеченную «игру ума». Не заботясь о содержательной интерпретации тех или иных формул, исследователи нередко идут по пути поиска интересных математических задач в русле развития существующих моделей. Прикладное значение таких исследований зачастую стремится к нулю, что фактически обесмысливается в контексте социально-гуманитарной научной сферы.

В-третьих, много вопросов вызывают адекватность отражения такого сложного явления, как человеческое поведение в форме функциональных зависимостей, а также ряд гипотез, связанных с рациональностью поведения индивида, заложенных аксиоматически в большинство математических моделей. Естественным ответом на них стал всплеск интереса в последнее десятилетие к поведенческим аспектам экономической, политической и социальной жизни. Ярким примером такого рода исследований является «новая поведенческая экономика» Р. Талера [10], за разработку которой он в 2017 г. получил Нобелевскую премию по экономике¹. Одновременно с этим явно заметен возврат к дескриптивности и сопутствующее снижение строгости в обосновании суждений.

С учетом изложенного, именно поиск выхода из сложившейся затруднительной ситуации в области выбора наилучшего метода исследования в науках социально-гуманитарного блока, по-видимому, является краеугольным камнем современной дискуссии в рамках «спора о методах».

¹ Integrating economics with psychology: Press release: The Prize in Economic Sciences 2017. URL: [https:// www.nobelprize.org/prizes/economic-sciences/2017/press-release/](https://www.nobelprize.org/prizes/economic-sciences/2017/press-release/) (дата обращения: 04.05.2019).

Нейросетевое моделирование социальных процессов как возможный новый этап научной методологии

Важной проблемой, существенно ограничивающей потенциал применения методов математического моделирования в социально-гуманитарных науках, является чрезмерная упрощенность гипотез, необходимых для корректного использования математического аппарата, по сравнению со сложностью и противоречивостью человеческой психики. Переходя к методам психологической, или поведенческой экономики, мы существенно теряем в области обоснованности суждений, возвращаясь к абстракциям идиографического подхода.

В условиях постиндустриального общества, когда даже в экономике конвейер заменяется сложным индивидуальным трудом креативного класса, перестают быть адекватными исследуемой ситуации классические оптимизационные методы, вполне качественно работавшие для анализа экономических реалий индустриального общества (особенно в случае изучения плановой экономики – этим в немалой степени объясняются значительные успехи советской школы экономико-математического моделирования).

Одним из возможных путей преодоления возникшего методологического тупика может служить применение нейросетевых методов моделирования для описания и прогнозирования феноменов в социальных и гуманитарных науках. Обладая всеми позитивными свойствами математического аппарата моделирования социальных процессов, в отличие от классических оптимизационных и игровых методов, нейросети имеют следующие важные особенности:

1. Адаптивность – т. е. способность гибко учитывать воздействие внешних факторов, а также выявлять нетривиальные, опосредованные виды взаимовлияния факторов [11].

2. Самообучаемость – учет предыстории при принятии решений в последующих итерациях работы алгоритма. Это свойство критически важно при применении методов математической теории игр, где, например, равновесие Нэша может быть корректно найдено только при помощи многократного повторения игровой ситуации (изучается не взаимодействие единичных игроков, а их классов).

3. Многомерность – технология нейронных сетей позволяет учитывать роль исследуемых факторов во всей её полноте с учетом много-

мерности и возможной противоположной направленности. Это крайне важно, учитывая противоречивость человеческой психики, поскольку классические модели не позволяют моделировать эпизодическое влияние подсознания либо предыстории на принятие индивидом, либо сообществом локальных решений.

Применение нейросетевых методик выявления закономерностей в социальных процессах благодаря своим уникальным характеристикам позволяет решить ряд проблем, которые ранее были принципиально неразрешимы, и благодаря этому существенно повысить адекватность разрабатываемых теоретических моделей и приблизить их к описываемой объективной реальности. Поскольку социальные системы сложны и противоречивы, так как являются результатом взаимодействий человеческой психики, создание полноценной и корректной математической модели их функционирования является практически неразрешимой проблемой. В такого рода системах вполне естественно обращение к методикам, которые имитируют поведение человеческого мозга.

Литература

1. *Touraine A.* The Post-Industrial Society. Tomorrow's Social History: Classes, Conflicts and Culture in the Programmed Society. N. Y.: Random House, 1971.
2. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. М. : Академия, 1999. 788 с.
3. *Toffler A.* The Third Wave. N. Y.: Bantam Press, 1984. 560 p.
4. *Дильтей В.* Собрание сочинений. М. : Дом интеллектуальной книги, 2000. Т. 1. 762 с.
5. *Виндельбанд В.* Дух и история: избранные работы. М. : Юрист, 1995. 687 с.
6. *Розов Н.С.* Историческая макросоциология: методология и методы. Новосибирск : Изд-во НГУ, 2009. 412 с.
7. *Hempel C.* The Function of Universal Laws in History // *Journal of Philosophy*. 1942. Vol. 39. P. 209–227.
8. *Коллинз Р.* Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения / пер. с англ. Н.С. Розова и Ю.Б. Вертгейм. Новосибирск : Сибирский хронограф, 2002. 1280 с.
9. *Розов Н.С.* Идеи и интеллектуалы в потоке истории: Макросоциология философии, науки и образования. Новосибирск : Манускрипт, 2016. 344 с.
10. *Thaler R.H.* Misbehaving: The Making of Behavioral Economics. New York: W.W. Norton & Company, 2016. 432 p.

11. Курников Д.С., Петров С.А. Использование нейронных сетей в экономике // *Juvenis scientia*. 2017. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-neyronnyh-setey-v-ekonomike> (дата обращения: 04.05.2019).

References

1. Touraine A. *The Post-Industrial Society. Tomorrow's Social History: Classes, Conflicts and Culture in the Programmed Society*. New York: Random House, 1971.
2. Bell D. *Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo* [The Coming Post-Industrial Society]. Moscow: Akademiya, 1999, 788 p.
3. Toffler A. *The Third Wave*. New York: Bantam Press, 1984, 560 p.
4. Dil'tei V. *Sobranie sochinenii* [Collection of Works]. Moscow: Dom intellektual'noi knigi, 2000, vol. 1, 762 p.
5. Vindel'band V. *Dukh i istoriya: izbrannye raboty* [Spirit and History: Selected Works]. Moscow: Yurist, 1995, 687 p.
6. Rozov N.S. *Istoricheskaya makrosotsiologiya: metodologiya i metody* [Historical Macrosociology:

Methodology and Methods]. Novosibirsk: Izd-vo NGU, 2009, 412 p.

7. Hempel C. The Function of Universal Laws in History. *Journal of Philosophy*. 1942, vol. 39, pp. 209-227.

8. Kollinz R. *Sotsiologiya filosofii: global'naya teoriya intellektual'nogo izmeneniya* [Sociology of Philosophy: A Global Theory of Intellectual Change]. Tr. from Engl. by N.S. Rozov and Yu.B. Vertgeim. Novosibirsk: Sibirskii khronograf, 2002, 1280 p.

9. Rozov N.S. *Idei i intellektualy v potoke istorii: Makrosotsiologiya filosofii, nauki i obrazovaniya* [Ideas and Intellectuals in the Stream of History: The Macrosociology of Philosophy, Science and Education]. Novosibirsk: Manuscript, 2016, 344 p.

10. Thaler R.H. *Misbehaving: The Making of Behavioral Economics*. New York: W.W. Norton & Company, 2016, 432 p.

11. Kurnikov D.S., Petrov S.A. Ispol'zovanie neironnykh setei v ekonomike [The Use of Neural Networks in the Economy]. *Juvenis scientia*. 2017, No. 6. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-neyronnyh-setey-v-ekonomike> (accessed 04.05.2019).

Поступила в редакцию / Received

22 апреля 2019 г. / April 22, 2019

УДК 101.1:316

DOI 10.23683/0321-3056-2019-2-23-29

ДЕМОНСТРАТИВНОЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

© 2019 г. И.В. Печкуров ^а

^а Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

DEMONSTRATIVE CONSUMER BEHAVIOR IN THE MODERN RUSSIAN SOCIETY: SOCIAL-PHILOSOPHICAL ANALYSIS

I.V. Pechkurov ^а

^а Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Печкуров Илья Васильевич –
кандидат социологических наук,
старший научный сотрудник,
лаборатория исследования и экспертизы
социальных практик на Юге России,
Институт социологии и регионоведения,
Южный федеральный университет,
ул. Пушкинская, 160, г. Ростов-на-Дону,
344006, Россия.
E-mail: urfranrostov@gmail.com

Ilya V. Pechkurov -
Candidate of Sociology,
Senior Researcher,
Laboratory for Research and Examination
of Social Practices in the South of Russia,
Institute of Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University,
Pushkinskaya St., 160, Rostov-on-Don,
344006, Russia.
E-mail: urfranrostov@gmail.com

Содержание демонстративного потребительского поведения в российском обществе обусловлено тем, что потребление, рассматриваемое как вид деятельности, имеет неоспоримую социальную направленность, которая проявляется на трёх процессуальных уровнях: где первый – взаимодействие с обществом через процесс потребления; второй – потребительская деятельность как один из инструментов социализации; третий – процесс самоопределения через потребительскую деятельность. Проблематика демонстративного потребительского поведения актуализируется через анализ характеристик, факторов и динамики в условиях транзитивного общества и социальной неопределенности, а демонстративно-показная ориентация потребительского поведения обусловлена влиянием трех факторов, к числу которых следует отнести самого человека, среду, в которой разворачиваются процессы восприятия, наконец, воспринимаемый объект. Именно в подобном контексте формируются и реализуются мотивы поведения потребителя в отношении приобретаемых товаров.

Ключевые слова: демонстративное потребление, демонстративное потребительское поведение, социальная реальность, мотивы потребления, демонстративная ориентация потребительского поведения.

The article shows that the content of demonstrative consumer behavior in Russian society is due to the fact that consumption, viewed as an activity, has an undeniable social orientation, which manifests itself in three procedural levels: where the first is interaction with society through the consumption process; second level - consumer activity as one of the tools of socialization; the third is the process of self-determination through consumer activity. The problematic of demonstrative consumer behavior is actualized through the analysis of characteristics, factors and dynamics in a transitive society and social uncertainty, and the demonstrative-ostentatious orientation of consumer behavior is due to the influence of three factors, including the person himself, the environment in which perception processes unfold, and finally perceived object. It is in this context that the motives of consumer behavior in relation to the goods being acquired are formed and implemented.

Keywords: demonstrative consumption, demonstrative consumer behavior, social reality, consumption motives, demonstrative orientation of consumer behavior.

Одним из важных параметров социальной реальности является поведение потребительское, выступающее своеобразным индикатором социального статуса, а также культурного и образовательного уровней человека.

Потребительское поведение определяется также через социальное взаимодействие со структурой общества, поведенческими установками, культурными и духовно-ценностными параметрами.

В широком смысле поведение обычно определяют как систему взаимосвязанных реакций, которые осуществляются с целью приспособления к окружающей социальной и культурной среде.

Исследование структуры человеческого поведения, технологий управления им – комплексная проблема, которой уделяют внимание представители самых различных дисциплин [1–4].

Однако, несмотря на многомерность, в потребительском поведении, полагает В.И. Ильин, можно выделить две базовых составляющих: собственно ролевую социальную составляющую и форму экономического поведения [5]. Определение этих сущностных характеристик, с одной стороны, акцентировало внимание на его дуализме – относительно гармоничном сочетании социального и экономического, с другой – привело к применению при изучении данного вида поведения таких базовых подходов, как социологический и экономический.

В основе подобного поведения – потребительское сознание, т.е. совокупность представлений о том, что, где и как потреблять на основе принципов и заданных пределов потребительской активности.

Исследователи обращают внимание на то, что содержание потребительского поведения в российской социальной реальности обусловлено взаимоотношениями, возникающими в результате социального взаимодействия в системах индивид – индивид, индивид – группа, группа – группа, нацеленных на удовлетворение (разумное или избыточное) потребностей в процессах жизнедеятельности в зависимости от социального положения и уровня жизни, от господствующих культурных норм в обществе и состояния экономики.

В свое время в Советском Союзе произошло существенное сужение демонстративной функции потребления, связанной с маркировкой социального статуса и материального достатка как индивида, так и социальной общности в струк-

туре, способствующей доступу к товарам и услугам [6].

Р. Барнс полагает, что в СССР существовало общество потребления, однако присутствовал серьезный дефицит потребительских товаров. То время запомнилось многочасовыми очередями, записями на покупку телевизора или обоев с ежедневными переключками, торговлей из-под прилавка, «колбасными электричками» [7].

Поэтому известный философ Г.Л. Тульчинский считает, что массовое общество тоталитарно-мобилизационного типа, сформировавшееся в советский период, вызвало к жизни и определённый тип массовой культуры. Она характеризовалась, во-первых, ориентацией на потребности «низшего» класса, в отличие от западной, искавшей опору в среднем классе; во-вторых, доминированием потребностей доиндустриального общества в виде жертвенного аскетизма, трудовой взаимовыручки, уравнительного распределения, коллективизма. В-третьих, данные ценности демонстративно противопоставлялись ценностям западного общества, отвергая их как низшие, «недоразвитые», искажающие высокую природу человеческой души (индивидуализм, успех, стремление к комфорту). Изменения в ценностной системе советского общества были инициированы в 60-е гг. XX в. и к 70-м гг. переход к ценностной системе потребительского общества был фактически завершён, что во многом поспособствовало развалу Советского Союза в 1991 г. [8].

Однако на Юге России ценностная система, особенно в молодёжной среде, имеет свои отличительные черты: «Обобщение результатов региональных социологических исследований позволяет построить теоретическую модель молодёжного патриотизма на Юге России, в которой сочетаются как российская, так и этнокультурная идентичности. Основу ценностной структуры такой модели патриотизма молодежи составляют порядок и безопасность, достоинство, защита и целостность России. При этом в теоретическом дискурсе подчеркивается, что в силу геополитического положения региона его жители испытывают повышенную потребность в стабильности, а в условиях модернизации российского общества не склонны к некритическому восприятию либеральных ценностей» [9, с. 179].

Содержательное наполнение демонстративного потребительского поведения в современном российском обществе определяется не-

сформированностью среднего класса, экономической сферой, отличающейся низкими объемами внутреннего валового дохода на душу населения, социальной структурой, где экономически бедные являются базовым слоем. Однако в ходе рыночных реформ, открытости и увеличения масштабов рекламной коммуникации в обществе начинает формироваться численно небольшой, но влиятельный слой экономической элиты, имеющий достаточные социально-экономические ресурсы для практической реализации демонстративного потребления [10].

Индивидуальное потребительское поведение, тем более демонстративное потребление, тесно взаимосвязано с социальной структурой общества, поскольку принадлежность к конкретной страте определяет доступ человека к жизненно важным ресурсам (престиж, власть, образование), что в свою очередь выступает определяющим фактором различий по уровню дохода и, как следствие, по уровню жизни. Соответственно то, какое место занимает личность в социальной структуре общества, играет важную роль в объеме и содержании её потребительской деятельности.

Д.Г. Цыбикова предлагает следующую типологию потребительских установок индивидов на современном этапе: традиционализм, гиперпотребительство, постпотребительство. Традиционалисты отличаются установкой на совершение рациональных покупок, обусловленных насущными потребностями. Соответственно главное требование, которое предъявляется к приобретаемым товарам, можно обозначить как идеальное соотношение цены и качества. Кроме того, характерологическими чертами данного типа являются: низкая ориентация на бренды и «этичное» потребление и высокая – на необходимость товара. Поскольку принадлежащие к данной категории потребители ограничены в средствах, то покупку товаров длительного пользования (например, холодильник) осуществляют либо в кредит, либо долго планируют, копируя средства.

Представители второго типа – гиперпотребители обладают следующими характерологическими чертами: высокая ориентация на принадлежность товара или услуги определённому бренду (марке), слепое следование моде, незначимость долговечности приобретаемого, подверженность воздействию рекламы при выборе товара, положительное отношение к покупке товаров и услуг в кредит, «этичные» потреби-

тельские установки практически отсутствуют. Постпотребителей отличают: важность оптимального соотношения «цена – качество» с доминированием качественной составляющей, «этичное» потребление, совершение покупок, в том числе и через интернет, положительная установка по отношению к потребительскому кредиту.

В разных социальных группах количество людей, принадлежащих к тому или иному из выделенных типов потребительских установок, будет различаться.

Так, по мнению Д.Г. Цыбиковой, к традиционализму принадлежит большая часть населения современной России. Группы, имеющие наибольший доступ к ресурсам – обеспеченные жители крупных городов, молодые люди обеспеченных родителей, относятся к гиперпотребительскому типу. Постпотребительство могут себе позволить только стоящие на вершине социальной пирамиды и «золотая молодёжь» [11]. Данные тенденции, по мнению О.В. Бабак и Е.А. Милейко [12], являются результатом американизации культуры и внедрения практик потребительского поведения, которые могут рассматриваться в контексте наследия традиционной культуры, доминировавшей в советский период, как чужеродные, закономерно приводят к трансформации норм и ценностей. В данном контексте закономерной тенденцией стало восприятие таких потребительских практик прежде всего в молодёжной среде.

Таким образом, поскольку потребительское поведение играет роль одного из индикаторов статусного положения в обществе, то оно приобретает важную социальную способность – маркировку социального статуса того или иного типа потребления индивида. Так актуализируется проблематика демонстративного потребительского поведения через анализ характеристик, факторов и динамики в условиях транзитивного общества и социальной неопределённости. Содержание демонстративного потребительского поведения в российском обществе обусловлено рядом факторов. Прежде всего это социальный характер потребления как вида деятельности. Ко второму фактору можно отнести одну из ипостасей демонстративного потребления – инструментальность в контексте самоопределения и социализации личности, к третьему – возможность определения индивидом через демонстративное потребительское потребление личной и социальной идентичности.

Содержательное наполнение демонстративного потребительского поведения тесно связано с актуализированным в последнее десятилетие в массовом сознании понятием «успешность», включающим в себя стремление к максимальному поднятию престижа как в ближайшем, так и удалённом социумах. Именно это выступает главным мотивом демонстративного потребления, в процессе которого стоимость товара служит символическим эквивалентом статуса потребителя. При этом сам товар начинает играть не практическую, а символическую роль, так и его основное назначение уже определяется не его свойствами как продукта, а свойствами мифическими в искусственно созданном пространстве общественного мнения.

С. Храпов исходит из наличия в современном обществе двух равнозначных по своей важности тенденций: «семиотизации» денег и переоценивания «новизны» [13, с. 57]. Первая уничтожает связи человечества с традиционными ценностями и социальными институтами (традиционная культура, традиционные религии, патриархальный тип семьи), вторая – постоянно инициируемые СМИ изменения в массовом сознании, направленные на переоценивание нового. Следствием становится утрата человеком экзистенции бытия и подмена на уровне макросознания доминировавшей в XX в. идеологии гуманизма на идеологию потребления, ставшей в современном мире «цементом», скрепляющим слои в обществе в некое подобие целого.

Далее С. Храпов, размышляя об интерпретации концепта «рыночное сознание», приходит к выводу, что если рассматривать данный концепт в качестве одной из характеристик российского общественного сознания постсоветского периода, то она не будет выступать в качестве индикатора состояния экономической культуры, тем более культуры, в основе которой лежат либеральные ценности как при анализе западноевропейского общества. Это объясняется тем, что в основе идеологии нового вызревающего культурно-цивилизационного типа (общество потребления) рациональность в мировоззренческой системе занимает главное место, что во многом и предопределило лидирующие позиции потребления в ценностном ядре массового сознания и его универсализацию в мировоззренческом и социетальном смыслах.

С. Храпов указывает и на психологические основания поведенческих потребительских практик, анализ которых должен, по его мне-

нию, включать исследование мотивов, когнитивных и личностных особенностей потребителей, обуславливающее выбор товара или услуги. Практически в унисон с ним размышляют исследователи Толмачёвы, высказывая идею, что одной из ипостасей, в которых проявляется влияние моды на индивида – следование модным тенденциям и, как следствие, потребление как средство самовыражения с целью расположить к себе других участников социального взаимодействия, ориентируя их на длительное общение с собой [14].

Демонстративная ориентация потребительского поведения обусловлена тремя главными факторами, под воздействием которых человек совершает выбор в пользу того или иного товара. Во-первых, структура личности, система ценностей и убеждений, во-вторых, контекст ситуации, в которой происходит процесс выбора, в-третьих, специфика воспринимаемого объекта – его товарный вид, качества, особенности, выделяющие из ряда аналогичных объектов. Именно в подобном контексте формируются и реализуются мотивы поведения потребителя в отношении приобретаемых товаров.

Демонстративное потребительское поведение тесно связано с концептом богатства. Так, отечественный социальный философ Н.Н. Зарубина [15] исходит из того, что богатство всегда связано с изобилием и излишками, дающими возможность индивидам и социальным группам выходить за пределы доминирующего стиля жизнеобеспечения, оно позволяет говорить о его важнейшей социальной функции, связанной с действиями, приносящими и демонстрирующими избыточность вплоть до превышения пределов необходимого.

Когда касаются демонстративного потребительского поведения, нередко обращают внимание на фактор моды, выступающей в качестве социокультурного феномена, присутствующего в разнообразных сферах человеческой деятельности и культуры. Согласно А.А. Попсуевой, в современном мире с распространением статусного потребления в разряд моды стали входить не только одежда и обувь, но и образы в целом, и стратегии потребления, и образцы праздного времяпрепровождения. Таким образом, делает вывод автор, демонстративное поведение необходимо рассматривать на фоне моды и задаваемых ею модных тенденций, так как именно она определяет, что станет статусными объектами в сезоне, и тем самым фиксирует объекты статус-

ного потребления неотдалённого будущего, переориентируя сознание потребителей [16].

Фактически подтверждая и продолжая мысль А.А. Попсуевой, О.М. Клименко высказывает мысль, что мода проявляет себя в качестве навигатора потребительского поведения, а потребителей модных вещей можно классифицировать по целям, исходя из которых они стремятся к обладанию тем или иным товаром и качеством получаемого удовольствия.

К первой группе – «законодатели моды» – она относит тех, кто получает удовольствие от обладания модным товаром как индикатором отличия от других, выделения из общей массы. Это предчувствующие и апробирующие ее. Представители второй группы получают удовольствие от приобщения к сообществу, которое квалифицируют как «модное». И сам процесс приобретения, и факт покупки оказывают на них почти гипнотически успокаивающее воздействие, поскольку дают возможность, с одной стороны, идентифицировать себя с модным идеалом, испытывая удовольствие от того, что похожи на «законодателей мод», с другой – осознавать себя «идущими в ногу со временем» [17].

Фактор моды в демонстративном потребительском поведении напрямую связан с механизмами распространения моды. Наиболее значимыми из них, по мнению исследователей, являются два механизма – психологический и социокультурный. При этом в каждом из них разные авторы делали свой акцент. В психологическом: Г. Лебон – на подражании; З. Фрейд – на стремлении к самовозвеличиванию; Д. Дьюи – на обретении значимости. В социокультурном механизме влияния на демонстративное потребительское поведение Г. Зиммель акцентировал внимание на стремлении к обретению точки опоры в социуме; М. Вебер – на принадлежности к желаемой статусной группе; Г. Тард – на подражании высшим социальным слоям [16, 18].

А.Н. Андреева и Е.В. Марми также обращают внимание на то, что в России, как и в других странах мира, в демонстративном поведении мода занимает одну из лидирующих позиций, что позволяет представителям марок класса «люкс» рассматривать российский рынок как наиболее перспективный для экспансии. Это во многом обусловлено тем, что Москва прочно заняла пятое место в рейтинге столиц-потребителей роскоши и моды, в котором пер-

вое место по-прежнему удерживает Париж, второе – Милан, третье и четвертое – Лондон и Нью-Йорк [19, с. 109].

С позиции данных авторов портрет демонстративного потребителя постсоветского пространства имеет ярко выраженные отличительные характеристики, выделяющие его из портретной галереи иных мировых потребителей моды, в частности европейского. Эти отличия в основном касаются сценариев демонстративного потребления: отсутствие культуры потребления моды и роскоши; яркая показная демонстрация в процессе приобретения; выраженное подражательство; импульсивность при совершении покупок. Фактически, делают вывод А.Н. Андреева и Е.В. Марми, постсоветский потребитель, позаимствовав западный сценарий, адаптировал его под себя. Однако в процессе адаптации такие существенные черты международного стиля потребления, как элегантность, спокойствие, нарочитая неброскость, в постсоветском потребительском стиле безнадежно утеряны. «Очевидно, эта проблема возникла по причине того, что страна более семидесяти лет была закрыта для роскоши. Иностранцев это забавляет и, одновременно, беспокоит, ибо подобные поведенческие сценарии резко отличаются от традиционно принятых в мире роскоши» [19, с. 110–111].

Таким образом, потребительское поведение в российском современном обществе обусловлено социальными отношениями и действиями индивидов и групп, направленными на разумное или избыточное удовлетворение потребностей в процессах жизнедеятельности в зависимости от социального положения и уровня жизни, господствующих культурных норм в обществе и состояния экономики. Соответственно содержание демонстративного потребительского поведения в современном российском обществе связано с определением социальных различий, выполнением функций коммуникации и идентификации. Оно обусловлено тем, что процесс потребления с позиции деятельностного подхода имеет социальный характер. Социальность потребительской поведенческой деятельности проявляется через процесс взаимодействия с обществом посредством потребления, через потребление как один из видов социализации и процесс самоопределения. В совокупности эти три процессуальных уровня реализации потребительского поведения позволяют индивиду обрести социальную и личностную идентичность.

Проблематика демонстративного потребительского поведения актуализируется через анализ характеристик, факторов и динамики в условиях транзитивного общества и социальной неопределенности, а демонстративно-показная ориентация потребительского поведения обусловлена влиянием трех факторов, к числу которых следует отнести самого человека, среду, в которой разворачиваются процессы восприятия, наконец, воспринимаемый объект. Именно в подобном контексте формируются и реализуются мотивы поведения потребителя в отношении приобретаемых товаров.

Литература

1. Цимерман Ю.А. Демонстративное потребление в современном обществе (институциональный анализ) : автореф. дис. ... канд. экон. наук. М. : Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2007. 24 с.
2. Занько А.Н., Орехова Л.Л. Демонстративное поведение как современный социальный институт // Экономика и управление: современные тенденции : материалы IV Междунар. студ. науч.-практ. конф. : в 2 ч. Ростов н/Д. : Донской гос. техн. ун-т, 2017. С. 94–98.
3. Рассохина Т.И., Мартынова Е.А. В погоне за брендом «демонстративное потребление» в информационном обществе // Материалы XXXI Международных Плехановских чтений : в 3 т. Москва, 19–22 апреля 2018 г. М. : РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2018. С. 67–71.
4. Берёзкина К.Н. Городская среда как фактор потребительского поведения студенческой молодежи // Эффективность реализации государственной молодежной политики: опыт регионов и перспективы развития : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. Чита, 25–26 апреля 2018 г. Чита : Забайкальский гос. ун-т, 2018. С. 143–149.
5. Ильин В.И. Поведение потребителей : краткий курс. СПб. : Питер, 2000. 224 с.
6. Шевченко Д.Н. Функции потребления в социокультурной динамике российского общества : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Ростов н/Д., 2009.
7. Барнс Р. Культура потребления в СССР и США. Место вещиизма в тоталитарном обществе. URL: <http://www.flashpoint.ru/> (дата обращения: 10.05.2018).
8. Тульчинский Г.Л. Культура в шопе // Нева. 2007. № 2. С. 138–139.
9. Лубский А.В., Колесникова Е.Ю. Патриотизм и гражданственность в молодежной среде на Юге России: парадигмы социологических исследований //

Гуманитарий Юга России. 2018. Т. 7, № 5. С. 174–183.

10. Аванесян К.А. Социальное воздействие рекламы на поведение потребителей: институциональный анализ : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Новочеркасск, 2011. 22 с.
11. Цыбикова Д.Г. Потребительские установки населения современной России: социальная гетерогенность : автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2010. 23 с.
12. Бабак О.В., Милейко Е.А. Американизация культуры потребления в среде как фактор демонстративного потребления // Актуальные аспекты лингвистики, лингводидактики и межкультурной коммуникации : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар, 2018. С. 5–9.
13. Храпов С. Трансформация сознания постсоветского российского общества в контексте социально-экономической динамики потребления // Власть. 2010. № 2.
14. Толмачёва П.А., Толмачёва Г.В. Мода и психология. Поведение участника моды в обществе // Междунар. студ. науч. вестн. 2018. № 5. С. 237.
15. Зарубина Н.Н. Динамика культуры богатства в условиях экономической глобализации // Вестн. МГИМО-Университета. 2008. № 1. С. 60.
16. Понсуева А.А. Мода как социальный фактор демонстративного потребления в процессе общественного развития // Теория и практика общественного развития. 2013. № 1. С. 72.
17. Клименко О.М. Мода как стратегия получения удовольствия // Феномен удовольствия в культуре : материалы Междунар. науч. форума. Санкт-Петербург, 6–9 апреля 2004 г. СПб. : Центр изучения культуры, 2004. С. 351–352.
18. Чуприна Н.В. Принципы формирования и реализации модных тенденций в индустрии моды // Изв. вузов. Текстильная промышленность. 2018. № 1 (373). С. 123–127.
19. Андреева А.Н., Марми Е.В. Мода и демонстративное потребление в России // Бренд-менеджмент. 2012. № 2 (63). С. 109–111.

References

1. Tsimerman Yu.A. *Demonstrativnoe potreblenie v sovremennom obshchestve (institutsional'nyi analiz): avtoref. dis. ... kand. ekon. nauk* [Demonstrative Consumption in Modern Society (Institutional Analysis)]. Moscow: Mosk. gos. un-t im. M.V. Lomonosova, 2007, 24 p.
2. Zan'ko A.N., Orekhova L.L. [Demonstrative Behavior as a Modern Social Institution]. *Ekonomika i upravlenie: sovremennye tendentsii* [Economics and Manage-

ment: Current Trends]. Proceedings of 4th Intern. Stud. Scientific-Practical Conf. In 2 ch. Rostov-on-Don: Donskoi gos. tekhn. un-t, 2017, pp. 94-98.

3. Rassokhina T.I., Martynova E.A. [In Pursuit of the Brand “Demonstrative Consumption” in the Information Society]. *Materialy XXXI Mezhdunarodnykh Plekhanovskikh chtenii* [Proceedings of the 31st International Plekhanov Readings]. In 3 vol. Moscow, April 19-22, 2018. Moscow: REU imeni G.V. Plekhanova, 2018, pp. 67-71.

4. Berezkina K.N. [Urban Environment as a Factor in Consumer Behavior of Student Youth]. *Effektivnost' realizatsii gosudarstvennoi molodezhnoi politiki: opyt regionov i perspektivy razvitiya* [Effectiveness of the Implementation of State Youth Policy: the Experience of Regions and Development Prospects]. Proceedings of the 6th International Scientific-Practical Conf. Chita, April 25-26, 2018. Chita: Zabaikal'skii gos. un-t, 2018, pp. 143-149.

5. Il'in V.I. *Povedenie potrebiteli* [Consumer Behavior]. Brief Course. Saint Petersburg: Piter, 2000, 224 p.

6. Shevchenko D.N. *Funktsii potrebleniya v sotsiokul'turnoi dinamike rossiiskogo obshchestva*: avtoref. dis. ... kand. sotsiol. nauk [Functions of Consumption in the Sociocultural Dynamics of Russian Society]. Rostov-on-Don, 2009.

7. Barns R. *Kul'tura potrebleniya v SSSR i SShA. Mesto veshchizma v totalitarnom obshchestve* [Consumer Culture in the USSR and the USA. Place of Materialism in a Totalitarian Society]. Available at: <http://www.flashpoint.ru/> (accessed 10.05.2018).

8. Tul'chinskii G.L. *Kul'tura v shope* [Culture in a Shop]. *Neva*. 2007, No. 2, pp. 138-139.

9. Lubskii A.V., Kolesnikova E.Yu. *Patriotizm i grazhdanstvennost' v molodezhnoi srede na Yuge Rossii: paradigmy sotsiologicheskikh issledovaniy* [Patriotism and Citizenship in the Youth Environment in the South of Russia: Paradigms of Sociological Research]. *Gumanitarii Yuga Rossii*. 2018, vol. 7, No. 5, pp. 174-183.

10. Avanesyan K.A. *Sotsial'noe vozdeistvie reklamy na povedenie potrebiteli: institutsional'nyi analiz*: avtoref. dis. ... kand. sotsiol. nauk [Social Impact of Advertising on Consumer Behavior: Institutional Analysis]. Novocherkassk, 2011, 22 p.

11. Tsybikova D.G. *Potrebitel'skie ustanovki naseleniya sovremennoi Rossii: sotsial'naya geterogennost'*:

avtoref. dis. ... kand. sotsiol. nauk [Consumer Attitudes of the Population of Modern Russia: Social Heterogeneity]. Moscow, 2010, 23 p.

12. Babak O.V., Mileiko E.A. [Americanization of Consumption Culture in the Environment as a Factor of Demonstrative Consumption]. *Aktual'nye aspekty lingvistiki, lingvodidaktiki i mezhkul'turnoi kommunikatsii* [Actual Aspects of Linguistics, Linguodidactics and Intercultural Communication]. Proceedings of All-Russia Scientific-Practical Conf. Krasnodar, 2018, pp. 5-9.

13. Khrapov S. *Transformatsiya soznaniya postsovetskogo rossiiskogo obshchestva v kontekste sotsial'no-ekonomicheskoi dinamiki potrebleniya* [Transformation of Consciousness of the Post-Soviet Russian Society in the Context of the Socio-economic Dynamics of Consumption]. *Vlast'*. 2010, No. 2.

14. Tolmacheva P.A., Tolmacheva G.V. *Moda i psikhologiya. Povedenie uchastnika mody v obshchestve* [Fashion and Psychology. Behavior of the Fashion Participant in Society]. *Mezhdunarodnyi studentcheskii nauchnyi vestn*. 2018, No. 5, p. 237.

15. Zarubina N.N. *Dinamika kul'tury bogatstva v usloviyakh ekonomicheskoi globalizatsii* [Dynamics of Culture of Wealth in the Context of Economic Globalization]. *Vestn. MGIMO-Universiteta*. 2008, No. 1, p. 60.

16. Popsueva A.A. *Moda kak sotsial'nyi faktor demonstrativnogo potrebleniya v protsesse obshchestvennogo razvitiya* [Fashion as a Social Factor of Demonstrative Consumption in the Process of Social Development]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 2013, No. 1, p. 72.

17. Klimenko O.M. [Fashion as a Strategy for Receiving Pleasure]. *Fenomen udovol'stviya v kul'ture* [Phenomenon of Pleasure in Culture]. Proceedings of the Intern. Scientific Forum. Saint Petersburg, April 6-9, 2004. Saint Petersburg: Tsentr izucheniya kul'tury, 2004, pp. 351-352.

18. Chuprina N.V. *Printsipy formirovaniya i realizatsii modnykh tendentsii v industrii mody* [Principles of Formation and Implementation of Fashion Trends in the Fashion Industry]. *Izvestiya vuzov. Tekstil'naya promyshlennost'*. 2018, No. 1 (373), pp. 123-127.

19. Andreeva A.N., Marmi E.V. *Moda i demonstrativnoe potreblenie v Rossii* [Fashion and Demonstrative Consumption in Russia]. *Brend-menedzhment*. 2012, № 2 (63), pp. 109-111.

УДК 101.8; 1(091)

DOI 10.23683/0321-3056-2019-2-30-36

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОЦЕССА СМЫСЛОПОРОЖДЕНИЯ ПРИ РАБОТЕ С АНТИЧНЫМ ФИЛОСОФСКИМ ТЕКСТОМ*

© 2019 г. М.Г. Подгорная ^а

^а Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

RESEARCH METHODOLOGY OF THE PROCESS OF EXPLANATION DURING ANALYSIS OF THE ANCIENT PHILOSOPHICAL TEXT

M.G. Podgornaya ^а

^а Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Подгорная Марина Геннадьевна –
преподаватель,
кафедра философии и методологии науки,
Институт философии
и социально-политических наук,
Южный федеральный университет,
пер. Днепроvский, 116, г. Ростов-на-Дону,
344065, Россия.
E-mail: mgpodgornaya@sfedu.ru

Marina G. Podgornaya -
Lecturer,
Department of Philosophy and Methodology of Science,
Institute of Philosophy,
Social and Political Science,
Southern Federal University,
Dneprovskii Lane, 116, Rostov-on-Don,
344065, Russia.
E-mail: mgpodgornaya@sfedu.ru

Подвергается анализу одна из актуальнейших тем современной философии – методология познания в социокультурной сфере через призму процесса смыслопорождения как результата интерпретации и этапа, непосредственно предшествующего познанию. В частности, рассматривается специфика интерпретации античного философского текста. В качестве показательного примера анализируются основные понятия раннегреческой философии: природа, начало и беспредельное (φύσις, ἀρχή, ἄπειρον), рассматриваются варианты их интерпретации, их специфика и взаимосвязь, а также разбирается вопрос о причинах появления различных трактовок.

Ключевые слова: смысл, текст, интерпретация, смыслопорождение, методология, философские понятия, античность, антиковедение, раннегреческая философия, φύσις, ἀρχή, ἄπειρον.

The article is devoted to one of hot topics of modern philosophy - the methodology of knowledge in the humanities. The process of explanation investigated as the interpretation result and a stage before the acquisition of knowledge. The specific character of interpretation of the ancient philosophical text is explored in particular. As an example the basic concepts of Early Greek philosophy are analyzed (nature - φύσις, origin - ἀρχή and boundless - ἄπειρον). Possible interpretations, their specificity and interrelation, the reasons for various renderings is under research.

Keywords: mean, text, interpretation, explanation, methodology, philosophical concepts, ancient, classics, Early Greek philosophy, φύσις, ἀρχή, ἄπειρον.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-20028.

Постижение смысла – цель познания в любой гуманитарной науке, именно это имеет в виду проф. В.В. Миронов, когда пишет: «Представитель гуманитарного знания имеет перед собой не бытие как таковое, не совокупность каких-то явлений или феноменов, а их смысл, зафиксированный в текстах» [1, с. 7]. Данный процесс происходит как коммуникация двух сознаний, где в качестве поля взаимодействия выступает текст. Что значит «понять текст»? Возможно ли «объективное понимание»? Можем ли мы говорить об одном единственно верном варианте истолкования в контексте существования бесконечного числа иных версий? Многоаспектность данного феномена помимо сложностей несет в себе великие возможности. Текст – иной уровень действительности, в который мы можем выйти. Благодаря тексту мы способны пережить, прочувствовать то, от чего нас отделяет время. Когда мы имеем дело с текстом, то создаем свою реальность, свое поле смысла, уникальное и неповторимое.

Текст – это то, на чем зиждется гуманитарная практика вне зависимости от эпохи и конкретной отрасли. В.В. Миронов отмечает: «Объектом философии, как гуманитарного познания, является, прежде всего, текст в его наиболее широком понимании – как некой смысловой вторичной реальности. Задача философского исследования заключается в расшифровке символов данного текста посредством интерпретации, исходящей из сегодняшней социокультурной и пространственно-временной заданности» [1, с. 14]. Определение контекста, смыслов, возможных трактовок – проблема любой отрасли гуманитарного знания и один из острых вопросов сегодняшней научной методологии.

Проблема применимости интерпретации как познавательного метода на современном этапе развития науки крайне актуальна и связана с такими бурно развивающимися в нашей стране направлениями философии, как социальная и культурно-историческая эпистемология. Вот как комментируют данный вопрос основоположники культурно-исторической эпистемологии в России проф. Б.И. Пружинин и Т.Г. Щедрина, анализируя методологические проблемы, возникающие в процессе интерпретации в совместной статье «Интерпретация и методологическая норма»: «И именно этот момент целенаправленной активности субъекта познания, осознанно формирующего условия интерпретации в ходе

самой интерпретативной работы, сегодня начинает выдвигаться в центр внимания методологии гуманитарного знания. И что особенно важно, это внимание к условиям формирования моделей, обеспечивающих перенос смыслов на эмпирические данные, открывает иное понимание самого знания – эмпирические данные выступают в контексте этих моделей как знаково-символические системы, смысл которых постигается нами благодаря процедурам интерпретации» [2, с. 120].

Тем не менее интерпретация текста всегда сопряжена с рядом проблем: 1) ни одно слово не подразумевает того, что значило бы в обычном языке; 2) философский текст изначально «избыточен»; 3) много «непрочитаемого», так как смысл находится «за текстом». Постижение смысла затрудняют следующие факторы: 1) смысл не равен прямому значению; 2) смысл угадывается внутренним чутьем.

Исследование проблемы понимания относительно философских текстов берет свое начало у древнегреческих ораторов и проходит длительный путь развития вплоть до современной герменевтической традиции, что свидетельствует о достаточно устойчивом интересе ученых к проблеме интерпретации. Хотя исторически этот интерес носил скорее сопутствующий характер, и в большинстве случаев интерпретация текста была лишь ступенью на пути решения иной проблемы, накопленный опыт весьма существенен и представляет собой серьезную основу для дальнейших изысканий.

Углубляясь в проблематику, двигаясь от текста в гуманитарной практике и текста как основного объекта философии, мы переходим к конкретике – высвечиванию проблем при попытке постичь смысл философского текста конкретной эпохи. В случае с античным философским текстом в качестве предмета изучения необходим такой исследовательский уровень, который предполагает не только знание первоисточников, нескольких языков древних и новых, но еще и возможность сосредоточить в своих руках большое количество оригинальных текстов, без овладения которыми немислимы будут объективная оценка, корректное толкование и возможность критического восприятия результатов такого исследования. Здесь сразу стоит выделить ряд проблемных точек при работе с такого рода текстом: 1) использование современной терминологии с трудом передает значе-

ние тех или иных слов; 2) определение того, языковая это особенность встретила нам или свой собственный, индивидуальный стиль конкретного философа; 3) при попытке определения значения слов высвечивается ряд вариантов: прямое, пришедшее с философской традицией, собственное – новый термин конкретного философа.

Как пишет В.В. Миронов: «Перевод философского текста, т.е. языковой системы, насыщенной смыслами и значениями, связанными с данной культурой, всегда представляет его интерпретацию и адаптацию к конкретной воспринимавшей культуре» [3, с. 191]. Сложноставной характер проблемы предполагает соответствующее орудие разрешения, поэтому для античного философского текста – это не просто определенный интерпретационный подход, не конкретный метод, а комплексное исследование, становящееся возможным в рамках такой кросс-дисциплинарной науки, как антиковедение – комплекса наук об античности.

Впервые термин «антиковедение» был использован в XIX в. в немецкой исторической науке в качестве словосочетания «Altertumswissenschaft», или наука древности, – термин введенный, чтобы подчеркнуть единство различных дисциплин, из которых изучение античности и состоит. Современное антиковедение – наука, находящаяся на стыке ряда гуманитарных дисциплин, позволяющая сконструировать наиболее объективный взгляд на античный период и имеющая достаточно разработанные методологию и исследовательский аппарат для максимально продуктивной работы со всем, что мы соотносим с понятием античности.

Указывая на специфику работы с античными источниками, директор Института философии и права СО РАН М.Н. Вольф отмечает: «Историки греческой философии, исследуя свой предмет, зачастую оказываются в двусмысленной ситуации, возникающей при ответе на вопрос: а что же именно они исследуют? С одной стороны, они, безусловно, имеют дело с текстами соответствующей эпохи и тем самым исследуют саму древнегреческую философию, но при этом, как правило, обращаются к интерпретациям (или создают их) мировоззренчески или идеологически нагруженным, существенно искажающим собственную суть греческой философии, зачастую не отдавая себе в этом отчета» [4, с. 203].

В качестве практического примера процесса интерпретации элемента античного философского текста автор данного исследования предлагает читателю анализ ряда основополагающих категорий ранней греческой философии.

Переходя к проблемам, связанным с конкретными понятиями, показательно будет продемонстрировать вариации толкования нескольких категорий ранней греческой философии из числа ключевых. К рассмотрению предлагаются: природа, первоначало и беспредельное, т.е. *φύσις*, *ἀρχή* и *ἄπειρον*. Причины неоднозначности толкования данных понятий, отправные точки споров исследователей по ним и пути решения проблемы для данных интерпретативных элементов отличны друг от друга, таким образом, данная выборка позволяет наиболее полно осветить круг тех проблем, с которыми сталкивается историк древнегреческой философии на этапе интерпретирования.

Каждой исторической эпохе соответствует собственный набор основных философских понятий, которые необходимо исследовать в контексте всего богатства смыслового спектра, которое данный контекст опосредует. Без такого условия невозможно ни одно историко-философское исследование. В центральных понятиях конкретной эпохи или традиции необходимо кропотливо разобраться, чтобы заложить основу адекватного постижения текста. В нашем случае начать стоит с *φύσις*, как базового понятия античной философской мысли, которое мы находим и в древних космогониях, и у первых философов, оно не исчезает вплоть до заката грекоязычной античной философской традиции, а с переходом к латинскому языку его смысловое ядро переносится в понятие *natura*. Отправной точкой для нас служит определение того, в каких смыслах эта категория встречается в разных контекстах в оригинальных источниках:

- φύσις*, *εὖς*, редко поэтическое *εὖς* (*ῥ*) ἡ
- природные свойства, природа, характер, наружность, сила характера; душевные качества; природные свойства крови;
 - природа, естество; вся природа, вселенная;
 - вещество, материал;
 - наружный вид, внешность;
 - род, природа;
 - создание, творение, существо, тварь;
 - происхождение, рождение;
 - самое здоровье, т. е. здоровье как таковое
- [5, с. 1754–1755].

Столь обширный спектр вариантов словоупотребления объясняется тем, что обычно понятие *φύσις* переводится на русский язык как «природа», это происходит по причине сведения смысла к наиболее общему значению. И как пишет А.В. Ахутин: «Анахронизм, допускаемый переводом слова “фюсис” словом “природа” (и далее уже само собой разумеющимся его истолкованием), весьма разителен и вместе с тем на удивление редко замечается. Прекрасно зная древние тексты, часто даже анализируя оттенки значения “фюсис” и проводя специальные этимологические изыскания, авторитетные филологи и историки греческой культуры по какой-то магически неодолимой инерции понимания истолковывают “фюсис”, исходя из круга значений, свойственных новоевропейской “природе”» [6, с. 111].

Ярким примером подобного анахронизма является интерпретация, проводимая зачинателем британской антиковедческой традиции в области раннегреческой философии Дж. Бернетом [7]. Он подчеркивает связь корня *φύ* с латинским *fu* и английским *be* – «быть». Природа, понятая как бытие, оказывается первичной и неизменной субстанцией, основание для такого понимания раннегреческие философы дают своим учением о первоэлементах, но данный подход несколько абсолютизирует рассматриваемое понятие.

Чтобы лучше понять, какой вариант толкования наиболее корректен в данном случае, необходимо прибегнуть к анализу понятия *φύσις*, производимому С.В. Месяц: «Греческое существительное *φύσις* происходит от глагола *φύω* (“выращивать”, “рождать”, “производить на свет”). Корень *φύ-* восходит к индоевропейскому *bheu-* (со значениями “пробиваться”, “прорастать”, “распускаться”), послужившему в европейских языках основой для глагола “быть”. Поэтому греческие существительные с этим корнем тоже несут в себе значение бытия, но не как результативного пребывания, а как происхождения на свет. Отсюда тесное соседство и почти синонимичность *φύσις* с “сущим” и “сущностью” в философском языке» [8, с. 616].

Дело в том, что традиция считать всех без исключения раннегреческих философов авторами трактатов «О природе», а их самих «физиками» идет от античной доксографии, а не от самих первых философов. Впервые в философском контексте слово «природа» употребля-

ет Гераклит – в смысле внутренней, истинной природы вещей; *φύσις* Парменида – обманчивое устройство космоса, противопоставляемое истинному бытию. В пифагорейской традиции первым автором трактата «Мир природы» стал Филолай (I в. до н.э.), никаких достоверных свидетельств о более ранних пифагорейцах, понимавших *φύσις* как природу, а не как нечто лежащее в основе мироздания, нет [9, с. 50].

Таким образом, мы видим, что *φύσις* в раннегреческой философии как природу всех вещей, как природу, под которой подразумевается первоначально *ἀρχή*, понимать можно лишь с большой натяжкой. Перейдем непосредственно к понятию *ἀρχή*, дор. *ἀρχά ἡ*:

- начало, основание, происхождение;
- край, конец, предел;
- начало, первопричина, основа, принцип;
- господство;
- начальствование, командование;
- управление, власть;
- государственная должность;
- империя, царство;
- представитель власти [10, с. 243].

Контекстуальных смыслов оно имеет не меньше, чем *φύσις*. Ряд исследователей, в частности, британский философ Малкольм Скофилд, считают, что первое употребление слова *ἀρχή* в греческой философии восходит к Анаксимандру. Скофилд в своей статье «АРХН» [11] пишет о том, что Анаксимандр утверждал, по видимому, что бесконечное является основным началом вещей, из которого они происходят. Скофилд здесь под началом понимает непосредственно *ἀρχή* и считает важным подчеркнуть, что *ἀρχή* в случае Анаксимандра, да и всех ионийцев, должно пониматься, как первоначально, но не как первопричина [11, с. 218].

В то же время проф. А.В. Лебедев стоит на позиции, что это Аристотель впервые дает семантическое описание *ἀρχή* и «рассматривает всех своих предшественников с точки зрения предвосхищения ими одного или нескольких из «четырех начал» (причин) бытия. «Большинство первых философов», согласно Аристотелю, предвосхищали материальное «начало» (архе). Именно в этом смысле следует понимать утверждения Аристотеля, Теофраста и позднейшей доксографии, что Фалес, Анаксимен, Гераклит и другие «принимали за архе» собственно воду, воздух и огонь, и нет никаких оснований приписывать перипатетический термин “архе” ионийским натурфилософам» [12, с. 184–185].

Скофилд, ссылаясь на фрагменты Псевдо-Плутарха и Симплиция в издании Дильса [13], пишет, что это не аристотелевская традиция интерпретации досократиков присвоила Анаксимандру это понятие [11, с. 219]. И вот мы видим основу противоречия между двумя данными интерпретациями: исследователи, работающие над оригинальными текстами, приходят к различным выводам по причине того, что считают более значимыми и достоверными разные свидетельства, что может быть опосредовано как тем, что при переводе контекстуально значение ряда понятий у них не совпало, так и тем, что они принадлежат к разным национальным традициям.

И последнее показательное понятие *ἄπειρον* τὸ беспредельное, бесконечное [10, с. 190], которое означает бесконечное, а в пифагорейско-платоновской традиции употребляется еще и как неопределенное. Оно отличается от предыдущих терминов значительно меньшим количеством контекстуальных смыслов, в связи с тем, что не употребляется вне философского дискурса, но споров вокруг него даже больше. «Проблема *ἄπειρον*, в частности бесконечности Вселенной и праматерии, обсуждалась научно-философской традицией, начиная с Милетской школы, и, по свидетельству Аристотеля, оказалась едва ли не основным источником всех противоречий между теориями Вселенной, выдвигавшимися его предшественниками» [14, с. 138].

Понятие *ἄπειρον*, согласно преобладающему мнению, было введено Анаксимандром. Симплиций в комментарии к «Физике», пишет об этом так: «Ясно, что, подметив взаимопревращение четырех элементов, он не счел ни один из них достойным того, чтобы принять его за субстрат [остальных], но [признал субстратом] нечто иное, отличное от них» [15, с. 117]. Основная сложность здесь – понять сущность *ἄπειρον* в том смысле, в котором оно было введено Анаксимандром, что и является отправной точкой для различных интерпретаций.

Данная проблема была артикулирована еще советской антиковедческой традицией: «Термин *ἄπειρον*, т. е. беспредельное, которым обычно именуют первоначало Анаксимандра, был на самом деле не названием этого первоначала, а лишь обозначением одного из его атрибутов. По традиции, восходящей к Аристотелю и Теофрасту, это первоначало обычно трактовалось как бескачественное и неопределенное первовещество или же как смесь всех элементов, однако в

ряде новейших работ эти традиционные точки зрения подвергаются сомнению. В философско-библиографическом обзоре Л. Суини, вышедшем в 1972 г. и посвященном понятию бесконечности в досократовской философии, лишь в публикациях послевоенного времени указывается на 24 подобных интерпретаций. С тех пор число таких интерпретаций еще более возросло» [15, с. 11].

В контексте анализа всех вышеуказанных понятий интересно будет отметить, что, внимательно анализируя доксографию, невозможно не заметить такого рода противоречие: *ἄπειρον* у Анаксимандра приравнивается к *φύσις*, но всегда служит прилагательным – относительно какого-то существительного, т.е. означает свойство. Теофраст в своих свидетельствах приравнивает *φύσις* к *ἀρχή*, Аристотель выводит из этого равнозначность *ἄπειρον* и *ἀρχή* у Анаксимандра, последующие авторы делают из комментариев Аристотеля вывод, что *ἄπειρον* Анаксимандра – конкретно определенное начало. Так и рождается классическая интерпретация. Аристотель был первым, кто «открыл» и оценил Анаксимандра. Однако при этом существует мнение, что за этим открытием лежит также и то, что и понятие *ἄπειρον* не было введено Анаксимандром, а принадлежит руке Платона или Аристотеля, пересказывавших его учение, в частности о такой возможности пишет А.В. Лебедев [16].

Подобное рассмотрение – наиболее действенный метод на пути толкования и постижения смысла философского текста, а также единственный путь к адекватному результату исследования. Существует огромное количество подходов к древнегреческой философии, как популярных и распространенных, так и даваемых отдельными философами, такими как, например, Хайдеггер или представители аналитической философии. И все это в совокупности – комплекс знаний об античности, ведь различные интерпретации составляют «тело» антиковедения в частности и всей истории философии в целом, а также представляют собой специфические методы смыслопорождения, основанные на работе с текстом.

Подытоживая сказанное, мы вновь обратимся к совместной статье Б.И. Пружинина и Т.Г. Щедриной: «...знание предстает здесь как определенный тип семиотических систем, достигающих общезначимости благодаря своей ориентированности на воспроизводимость. И

эта воспроизводимость, возможность воспроизведения знания каждым человеком, обеспечивается смыслами, которые несут в себе интерпретирующие тексты. (...) Именно в этом ракурсе знание выступает в контексте интерпретации. И в этом ракурсе интерпретирующие тексты являются предпосылкой познания, ибо в центре внимания методологии оказываются (...) характеристики, которые и делают его (знание) возможным как общезначимую знаково-символическую систему» [2, с. 120].

Литература

1. Миронов В.В. Специфика гуманитарного познания и философия как интерпретация (деконструктивизм или конструктивизм)? // Вестн. Московского ун-та. Серия 7 : Философия. 1998. № 6. С. 3–30.
2. Пружинин Б.И., Щедрина Т.Г. Интерпретация и методологическая норма // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2013. № 4 (24). URL: [https:// cyberleninka.ru/ article/n/interpretatsiya-i-metodologicheskaya-norma](https://cyberleninka.ru/article/n/interpretatsiya-i-metodologicheskaya-norma) (дата обращения: 02.05.2019).
3. Миронов В.В. Особенности философии как интерпретации // Вестн. ПАГС. Философия и культура социума: подходы, концепции, мнения. 2010. № 2. С. 188–194.
4. Вольф М.Н., Берестов И.В. Проблемный подход к исследованию древнегреческой философии // Scholae. 2007. № 2. URL: [https:// cyberleninka.ru/ article/n/problemnyy-podhod-k-issledovaniyu-drevne-grecheskoy-filosofii](https://cyberleninka.ru/article/n/problemnyy-podhod-k-issledovaniyu-drevne-grecheskoy-filosofii) (дата обращения: 25.06.2016).
5. Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь / под ред. С.И. Соболевского. Т. 2. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958.
6. Ахутин А.В. Понятие «природа» в античности и в Новое время («фюсис» и «натура»). М. : Наука, 1988.
7. Burnet J. Early Greek Philosophy : 3rd ed. London : A&C Black, 1920.
8. Месяц С.В. Природа // Античная философия : энцикл. словарь. М. : Прогресс-Традиция, 2008. С. 616–624.
9. Zhmud L. Physis in the Pythagorean tradition // Philologia Classica. 2018. № 1. URL: [https:// cyberleninka.ru/article/n/physis-in-the-pythagorean-tradition](https://cyberleninka.ru/article/n/physis-in-the-pythagorean-tradition) (дата обращения: 28.04.2019).
10. Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь / под ред. С.И. Соболевского. Т. 1. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958.
11. Schofield M. APXH // HYPERBOREUS. STUDIA CLASSICA. 1997. Vol. 3, Fasc. 2.

12. Лебедев А. В. Архе // Новая философская энциклопедия : в 4 т. / Ин-т философии РАН; гл. ред. В.С. Степин : 2-е изд., испр. и доп. М. : Мысль, 2010. Т. 1 : А–Д. 741 с.
13. Diels H., Kranz W. Die Fragmente der Vorsokratiker. Berlin, 1951.
14. Лебедев А.В. Апейрон // Античная философия : энцикл. словарь. М. : Прогресс-Традиция, 2008. С. 138–140.
15. Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1 : От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. М., 1989.
16. Лебедев А.В. То αλειρον: не Анаксимандр, а Платон и Аристотель // Вестн. древней истории. 1978. № 1. С. 39–54; № 2. С. 43–58.

References

1. Mironov V.V. Spetsifika gumanitarnogo poznaniya i filosofiya kak interpretatsiya (dekonstruktivizm ili konstruktivizm)? [The Specifics of Humanitarian Knowledge and Philosophy as Interpretation (Deconstruction or Constructivism)?]. Vestn. Moskovskogo un-ta. Seriya 7: Filosofiya. 1998, No. 6, pp. 3-30.
2. Pruzhinin B.I., Shchedrina T.G. [Interpretation and Methodological Standard]. Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke. 2013. № 4 (24). Available at: [https:// cyberleninka.ru/article/n/interpretatsiya-i-metodologicheskaya-norma](https://cyberleninka.ru/article/n/interpretatsiya-i-metodologicheskaya-norma) (accessed 02.05.2019).
3. Mironov V.V. Osobennosti filosofii kak interpretatsii [Features of Philosophy as an Interpretation]. Vestn. PAGS. Filosofiya i kul'tura sotsiuma: podkhody, kontseptsii, mneniya. 2010, No. 2, pp. 188-194.
4. Vol'f M.N., Berestov I.V. Problemnyi podkhod k issledovaniyu drevnegrecheskoi filosofii [Problem Approach to the Study of Ancient Greek Philosophy]. Scholae. 2007. № 2. Available at: [https:// cyberleninka.ru/article/n/problemnyy-podhod-k-issledovaniyu-drevnegrecheskoy-filosofii](https://cyberleninka.ru/article/n/problemnyy-podhod-k-issledovaniyu-drevnegrecheskoy-filosofii) (accessed 25.06.2016).
5. Dvoretiskii I.X. Drevnegrechsko-russkii slovar' [Ancient Greek-Russian Dictionary]. Ed. by S.I. Sobolevskii. Vol. 2. Moscow: Gos. izd-vo inostr. i nats. slovarei, 1958.
6. Akhutin A.V. Ponyatie «priroda» v antichnosti i v Novoe vremya («fyusis» i «natura») [The Concept of “Nature” in Antiquity and in Modern Times (“Physis” and “Nature”)]. Moscow: Nauka, 1988.
7. Burnet J. Early Greek Philosophy. 3rd ed. London: A&C Black, 1920.
8. Mesyats S.V. [Nature]. Antichnaya filosofiya [Ancient Philosophy]. Encyclopedic Dictionary. Moscow: Progress-Traditsiya, 2008, pp. 616-624.

9. Zhmud L. Physis in the Pythagorean tradition. *Philologia Classica*. 2018, No. 1. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/physis-in-the-pythagorean-tradition> (accessed 28.04.2019).
10. Dvoretiskii I.X. *Drevnegrechesko-russkii slovar'* [Ancient Greek-Russian Dictionary]. Ed. S.I. Sobolevskii. Vol. 1. Moscow: Gos. izd-vo inostr. i nats. slovari, 1958.
11. Schofield M. APXH. *HYPERBOREUS. STUDIA CLASSICA*. 1997, vol. 3, fasc. 2.
12. Lebedev A.V. [Arche]. *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [New Philosophical Encyclopedia]: in 4 vol. Ed. V. S. Stepin. 2nd ed., cor. and add. Moscow: Mysl', 2010, vol. 1: A-D, 741 p.
13. Diels H., Kranz W. *Die Fragmente der Vorsokratiker*. Berlin, 1951.
14. Lebedev A.V. [Apeiron]. *Antichnaya filosofiya* [Ancient Philosophy]. Encyclopedic Dictionary. Moscow: Progress-Traditsiya, 2008, pp. 138-140.
15. *Fragmenty rannikh grecheskikh filosofov* [Fragments of the Early Greek Philosophers]. Part 1: From the Epic Theocosmogony to the Emergence of Atomism. Moscow, 1989.
16. Lebedev A.V. To απειρον: ne Anaksimandr, a Platon i Aristotel' [That απειρον: not Anaximander, but Plato and Aristotle]. *Vestn. drevnei istorii*. 1978, No. 1, pp. 39-54; No. 2, pp. 43-58.

Поступила в редакцию / Received

24 мая 2019 г. / May 24, 2019

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ HISTORICAL SCIENCES

УДК 94(4)

DOI 10.23683/0321-3056-2019-2-37-43

РЕВОЛЮЦИЯ СИМВОЛОВ 1968 ГОДА: КАК СИТУАЦИОНИЗМ ИЗМЕНИЛ ПРОТЕСТНУЮ КУЛЬТУРУ*

© 2019 г. В.Ю. Апрыщенко^а, Н.В. Булавинцев^б

^а Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия,

^б Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия

THE SYMBOLIC REVOLUTION OF 1968: HOW SITUATIONISM CHANGED PROTEST CULTURE

V.Yu. Apryshchenko^а, N.V. Bulavintsev^б

^а Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia,

^б Voronezh State University, Voronezh, Russia

Апрыщенко Виктор Юрьевич –
доктор исторических наук, профессор,
кафедра зарубежной истории
и международных отношений, директор
Института истории и международных отношений,
Южный федеральный университет,
ул. Большая Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону,
344082, Россия.
E-mail: victorapr@sfnu.ru

Victor Yu. Apryshchenko –
Doctor of History, Professor, Department
of Foreign History and International
Relations, Director,
Institute of History and International Relations,
Southern Federal University,
Bolshaya Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don,
344082, Russia.
E-mail: victorapr@sfnu.ru

Булавинцев Никита Валерьевич –
студент магистратуры, кафедра
международных отношений и мировой политики,
Воронежский государственный университет,
Университетская пл., 1, г. Воронеж, 394018, Россия.
E-mail: office@main.vsu.ru

Nikita V. Bulavintsev –
Master's Degree Student, Department
of International Relations and World Politics,
Voronezh State University,
Universitetskaya Sq., 1, Voronezh, 394018, Russia.
E-mail: office@main.vsu.ru

Рассматривается вопрос о том, как протесты 1968 г. изменили протестную культуру. Через призму теории интерактивных ритуалов Р. Коллинза майские события во Франции исследуются как борьба за символы групповой презентации, выступающие сакральными объектами, за символическое пространство, как борьба, направленная против традиционных структур, опосредовавших и воспроизводивших интерактивные ритуалы. Раскрываются особенности движения ситуационистов, которые вдохновили студенческие восстания своим отрицанием традиционно предлагаемых жизненных ориентиров и общественного однообразия, чьи методы «вторжения в символическое пространство» стали частью протестной культуры по всему миру. Актуальность темы исследования обусловлена тем, что молодежь в современную эпоху является активной политической силой, о чем свидетельствуют студенческие бунты во Франции весной 2006 г., движение антиглобалистов, значительную часть которого составляют именно молодые люди, участие молодежи в цветных революциях на постсоветском пространстве.

Ключевые слова: Май 68, ситуационизм, Р. Коллинз, теория интерактивных ритуалов, протестная культура.

* Данная публикация подготовлена при поддержке Европейской комиссии в рамках проекта 599419-EPP-1-2018-1-RU-EPPJMO-CHAIR. Содержание статьи отражает мнение авторов и не является официальной позицией ЕС.

The article is concerned with the problem how the protests of 1968 changed the protest culture. Through the prism of the theory of interactive rituals, coined by R. Collins, the May events in France are investigated as a struggle for the new symbols and symbolic space and against the traditional structure that mediate and reproduce interactive rituals. The article focuses on the situationist movement, which inspired student uprisings and whose methods of “invading symbolic space” became an essential part of the protest culture all around the world. The research topic is relevant because the youth in the modern era is an active political force. This is evidenced by the student riots in France in the spring of 2006, the anti-globalization movement, a significant part - young people and the participation of young people in the color revolutions in the post-Soviet space.

Keywords: May 68, situationism, R. Collins, theory of interactive rituals, protest culture.

«Год, который изменил историю». С таким подзаголовком «The Guardian» выпустил статью, посвященную 1968 г. и приуроченную к символическому юбилею [1]. На события 40-летней давности отозвалась и газета «The Impact» [2]. Спустя десять лет схожие заголовки можно было найти в большинстве крупных изданий: от «CNN» [3] и «Washington Post» [4] до крупнейшего французского издания «Le Monde» [5]. Статья «Проблеск самого влиятельного года», опубликованная «CNN» в 2014 г., характеризует социально-культурные и политические преобразования, изменившие ход американской истории. 1968 г., ставший свидетелем «потрясения времени в обстановке колледжа», видел, как был «убит политический и социальный гигант, война приобрела новый смысл, а нация – новый склад ума» [3]. Описывая те же события, «Washington Post» обращает внимание на то, как страна выходила из-под контроля. «Это было шокирующее время, момент опасности, разрушения и разделения – но также и время страсти и возможности» [4].

В 2018 г. был создан сайт «50 Years of Counter-Power», целиком и полностью посвященный трансформациям, произошедшим в 1968 г., «изменениям, которые сформировал наш мир» [6]. Во вводной статье к 4-му номеру журнала «Новое прошлое / The New Past» за 2018 г. редакторы Р.С. Айриян и В.С. Савчук отметили, что «феномен 1968 года» столь необычен, что ставит в тупик многих исследователей, особенно тех, кто привык четко определять «классовую сущность» и «социальный состав участников» общественных потрясений [7].

Несмотря на то что 1968 г. был действительно богат на события, все вышеперечисленные источники в первую очередь касаются одной общей темы – протестов. Наибольшее внимание уделяется майским событиям во Франции и движению за права человека в США. Можно сказать, что существует определенный консенсус по данному вопросу – большинство крупных изданий сходятся в том, что протесты 1968 г. до

неузнаваемости изменили не просто несколько стран, но «целый мир», сформировав реальность, в которой мы живем. Эти громкие заявления могут показаться преувеличением, ведь протесты 1968 г. не достигли намеченных результатов – антивоенное движение в США не добилось окончания войны во Вьетнаме, а протесты во Франции не изменили политическую систему Франции. Однако потрясения, произошедшие в 1968 г., имели совершенно иную природу, связанную с глубинными социальными и культурными изменениями, произошедшими в мире. Обычно пишут о том, что те протесты сказались на социальной жизни – ускорили либерализацию частной сферы, были связаны с сексуальной революцией, обозначили поворот в повседневной культуре. Но исследователи совершенно оставляют без внимания другой немаловажный аспект, в частности проблему, которой мы коснемся в данной статье, – это масштабное изменение протестной культуры.

Старые протесты, новые протестующие – старые протестующие, новые протесты

На политической сцене в конце 60-х гг. появляются многочисленные движения, которые, несмотря на свою идеологическую пестроту и совершенно разную на первый взгляд несовместимую направленность, тем не менее переплетались между собой. Наиболее наглядно это видно на примере протестов в США и Франции. В США движение за права человека, антивоенные контркультурные движения были столь тесно связаны между собой в своей деятельности, что их участники просто идентифицировали себя как «Движение» (the Movement) [8]. Оно было скорее сетью взаимодействий, а не привычной группой людей, и в дальнейшем из этой сети вышли движения феминисток, зеленых, за права сексуальных меньшинств и др. Во Франции майские события также объединили удивительно разных участников, единым фронтом выступили и студенты, и рабочие, и служащие.

Это обстоятельство совершенно не вписывается в классическое представление о протестных движениях.

Два вышеописанных примера объединяет одна общая черта: говоря словами Лиотара из его работы «Состояние Постмодерна» [9, р. 144], постепенно исчезает единый метанарратив, который связывает людей в единой политической деятельности. Несмотря на то что этими словами Лиотар описывал состояние постмодерна, еще в 1968 г. начинают угадываться весьма локальные тенденции, которые со временем будут становиться все более эксплицитными. Не метанарративы (единая идеология, единая цель) стали объединять людей в одно движение, а сети взаимодействия, которые конструировали свое собственное символическое пространство, аккумулировавшие людей с разной мотивацией и интересами в одну взаимодействующую сеть. Возникает вопрос о том, как и по какой причине происходило конструирование нового символического пространства. Далее мы сконцентрируемся на майских событиях во Франции.

Интерактивные ритуалы и создание нового символического пространства протеста

За основу возьмем микросоциологическую теорию интерактивных ритуалов (Interactive Ritual Chain Theory) Р. Коллинза [10]. Это направление фокусируется на анализе микросоциальных процессов, во многом унаследовав подход И. Гоффмана к ритуалам взаимодействия с использованием терминов Дюркгейма. С точки зрения теории интерактивных ритуалов не отдельные индивиды создают общественные символы и общественный дискурс в широком смысле, но именно ритуалы взаимодействия (Interactive Rituals), иными словами ситуации и осознанный опыт, приобретенный из схожих ситуаций в прошлом, определяют дискурс, формируют общественные символы, повседневную культуру и во многом – поведение индивидов. Ритуалы взаимодействия включают в себя всевозможные социальные контакты, опосредованные особой социальной средой (социальными институтами), которые используют различные социальные символы, создавая и воспроизводя их через повторяющиеся цепочки взаимодействия.

Для нас принципиальны два аспекта данного подхода. Во-первых, то, что ритуалы взаимодействия преобразуют эмоциональные состояния

участников. Так, Дюркгейм писал, что успешный социальный ритуал позволяет индивиду держаться более уверенно, важно, заставляет проявлять инициативу и т.д. «Проваленный» социальный ритуал, напротив, понижает уровень «эмоциональной энергии», субъект чувствует себя изгоем, отчужденным от прочих участников коммуникации. Таким образом, ритуалы взаимодействия преобразуют эмоциональное состояние человека, «...берут эмоции как ингредиенты и трансформируют их в иные эмоции в качестве результата», заметил Р. Коллинз. Во-вторых, ритуалы взаимодействия создают символы и через их циркуляцию попадают в другие цепочки взаимодействия. Символы становятся успешными и популярными при условии, что они периодически воспроизводятся в процессе социальных интеракций, эмоционально вовлекают участников и обладают особым символическим значением для всех субъектов коммуникации.

Принимая во внимание эти два обстоятельства, можно заметить, что в послевоенной Европе ритуалы взаимодействия зачастую были опосредованными весьма авторитарными социальными институтами. Восточная Европа под контролем Советского Союза создавала авторитарные режимы, ограничивавшие базовые права граждан и свободу их самовыражения. Во Франции с приходом к власти де Голля новая конституция значительно расширила права президента, что позволило назвать этот период как режим «личной власти» де Голля, государственные институты все больше регламентировали повседневную жизнь, возрастало давление на молодежь, выступавшую против войны.

Поэтому майские протесты во Франции зачастую носили символический характер, связанный с так называемым «освобождением» слов, символов, действий, среды общения (т.е. ритуалов взаимодействия), самого дискурса от опосредовавших официальных структур, в первую очередь различных социальных институтов: государства, армии, университета и т.д. Символический характер протеста легко можно обнаружить в обстоятельствах, которые послужили началом восстания.

Поводом для выхода студентов на улицы стали официальные меры, направленные в адрес тех, кто выступал против войны и выражал свой протест в символической форме, разбивая окна парижских офисов Американ-экспресс – компании, рассматриваемой как олицетворение ценностей американского империализма. Когда за-

чинщики, включая Даниэля Кон-Бендита, возглавившего позже в Нантере движение за сексуальные свободы, были схвачены и предстали перед властями, события приобрели стихийный и бесконтрольный характер.

Бунт начался 3 мая, когда сотни студентов собрались на территории Сорбонны, чтобы продемонстрировать свою солидарность с арестованными товарищами. Столкновение с полицией было неизбежным, и волнения стали шириться, вовлекая в свою орбиту студентов, преподавателей, жителей парижских пригородов и рабочих. Бунт охватывал все новые обширные территории, а власти утрачивали контроль над ситуацией. Своего пика волнения достигли 10 мая, когда сотни людей были задержаны и арестованы, а улицы парижского Латинского квартала превратились в баррикады и представляли собой место постоянных столкновений. Поворотный момент настал три дня спустя, 13 мая, с началом всеобщей стачки. В тот день на улицы Парижа вышла огромная демонстрация, ставшая историческим событием и крупнейшим проявлением протеста, который знала французская столица за всю свою историю. Но наиболее примечательным было даже не количество участников шествия. Оно объединило тех, кто никогда ни до, ни после этих событий не выступал единым фронтом, – рабочих, служащих и студентов, требования которых совпали на короткий момент времени.

Если воспринимать протесты 1968 г. как борьбу за символическое пространство и попытку высвободить интерактивные ритуалы от опосредующих общественных структур, то знаменитые майские лозунги занимали в этом противостоянии одно из центральных мест. Естественно, невозможно говорить о лозунгах в отрыве от движения ситуационистов, которые во многом вдохновили студенческие протесты.

Ситуационистская революция, или «Вторжение похитителей символов»

Традиционно считается, что ситуационисты и дискурс ситуационизма сыграли одну из ключевых ролей в студенческих восстаниях 1968 г. Однако ситуационистский интернационал никогда не был массовым движением, на «пике» популярности в него входило всего-навсего 70 человек [11], а сам интернационал в отрыве от 1968 г. не столь хорошо известен даже в исследовательской среде. Поэтому весьма любопытно

то, что отдельные идеи, фразы и в особенности лозунги ситуационистов стали настолько знаменитыми, что их можно встретить даже в современной публицистике, не связанной с политической или событиями 1968 г. Так, на знаменитый ситуационистский лозунг «*Sous les pavés, la plage*» («Под булыжниками мостовой – пляж!») есть вероятность наткнуться как в журнале мод «*Vogue*» [12] (в весьма ироничном контексте в статье про новую пляжную коллекцию), так и в репортаже о «желтых жилетах» в Париже [13], где протестующие воплотили лозунг в жизнь. Это может служить свидетельством об относительном успехе в формировании своего символического пространства.

Бессменным теоретиком и основателем движения был француз Ги Дебор, а другими наиболее известными членами движения стали бельгийский писатель Рауль Ванейгем и датский художник Асгер Йорн. Хотя ситуационистский интернационал распался (в 1972 г., когда в нем состояло только 2 человека), идеи ситуационизма неоднократно доказывали свою утопичность, а лидеры показали полную несостоятельность в организационных вопросах, символический капитал ситуационистов попал как в массовую культуру, так и в общественный дискурс, став частью масштабного изменения протестной культуры.

Ситуационистские «вторжения» в традиционное общественное пространство французского общества можно разделить по следующим направлениям: 1) через памфлеты, листовки и прессу, направленные в первую очередь на студенческие массы; 2) лозунги и лозунги-граффити, которые главным образом наносились на стены в символических частях города; 3) практика «*détournement*»; 4) интеллектуальные работы, в которых излагались социально-политические взгляды ситуационистов, с наиболее заметной работой «Общество спектакля» Ги Дебора и «Революция повседневной жизни» Рауля Ванейгема. Кратко остановимся на первых трех пунктах.

Лозунги ситуационистов в виде граффити украшали стены в забаррикадованном Париже, а их идеи распространялись через парижскую газету «*Internationale Situationniste*» и передавались из уст в уста среди студентов. Ситуационистские плакаты, листовки и памфлеты попадали в студенческую среду в первую очередь через захваченный корпус Сорбонны в 1968 г., и находили отклик даже среди рабочих. Наиболее

показательный и важный памфлет ситуационистов, вдохновивший студенческие протесты, – «О нищете студенческой жизни» [14]. В этой небольшой брошюре весьма эпатажно излагались ключевые моменты взгляда ситуационистов на проблемы студенчества и общества. Согласно памфлету, студенчество маргинализировано и отчуждено, а причина кроется в «государственной идеологии». Как видим, ситуационисты так же считали, что основное противоречие, которое вылилось в майские события, лежит в символической сфере: государство, по их мнению, контролирует и воспроизводит ситуации, роли и стереотипы, из-за которых студенчество чувствует отчуждение. Это видение ситуации укладывается в нашу трактовку событий с точки зрения теории интерактивных ритуалов: тогда желание ситуационистов воспроизводить свои символы, а также присваивать традиционные, перерабатывая их до неузнаваемости, становится вполне закономерным.

У памфлета весьма примечательная история. В 1966 г. шесть радикальных студентов, которые не состояли в ситуационистском интернационале, но были вдохновлены непосредственно этим движением и имели с ним прямые контакты, по бюрократическому недосмотру смогли попасть в руководящие круги AFGES, подразделения UNEF в Страсбурге, крупнейшей организации студенческих профсоюзов. Они издали памфлет, написанный ситуационистским интернационалом, в виде брошюры, которая прилагалась к профсоюзной прессе. Из-за содержания памфлета разразился грандиозный скандал, который стал предметом обсуждения в местной и федеральной прессе – от «Le Nouvel Alsacien» до «Le Monde» [15]. Памфлет быстро обзавелся репутацией в леворадикальной среде, его первый тираж быстро разошелся за несколько месяцев, а в 1967 г. был выпущен дополнительный тираж в 10 тыс. экземпляров. Именно этот памфлет привлек внимание к ситуационистам, из-за чего первые тиражи «Общества спектакля» Ги Дебора, вышедшие годом позже, были распроданы за пару месяцев [15].

Одной из центральных практик, которой пользовались ситуационисты для «захвата символического пространства», был «détournement». Леттристский интернационал изобрел эту практику в 1950-х гг., а позднее ситуационисты применили ее в своих целях. По сути «détournement» означает заимствование массовых культурных символов, рекламных слоганов

и других узнаваемых изображений и выражений и превращение их в новый символ – антитезу старому. Эта практика зачастую воплощалась в подписях на популярных картинах, переименованиях рекламных слоганов, политических лозунгов, а также в пародиях на известные выражения. Позже «détournement» вдохновит тактики панк-движений и других субкультур в 1970 и 1980-х гг.

Студенты в захваченном ими корпусе Сорбонны зачастую прибегали к практикам «détournement» в лучших традициях ситуационистов. Символическое пространство университета пестрило классическими портретами и картинами, окруженными грандиозным и помпезным убранством здания XVII в.: дорогими люстрами, благородными породами дерева – всем тем, что подчеркнуло бы особый статус заведения. Студенты же пытались обесценить символы прошлых эпох, переформировать старую среду, высмеять и спародировать символы, которые раньше олицетворяли величие и грандиозность их университета. Эти методы символического обновления среды совмещали в себе главным образом игру и пародию [16].

Одна из самых знаменитых надписей в университете Сорбонны «Человечество не будет счастливо до тех пор, пока последний бюрократ не будет повешен на кишках последнего капиталиста» была написана поверх академической картины, изображавшей представительных людей, спускавшихся по лестнице. Надпись не призывала к прямому насилию над бюрократами и капиталистами, как могло показаться на первый взгляд, а была пародией на слова философа Жана Мелье, символическим протестом против университетской системы, совмещая одновременно принципы насилия и игры, деконструкцию и созидание новых символов. Другое известное граффити было оставлено студентами уже в 1969 г.: к портрету кардинала Ришелье были пририсованы два облачка с текстом, содержащим ситуационистские лозунги («...Искусство мертво, да здравствует революция!»).

Объектами, против которых протестующие выходили на улицы Парижа, были символы и традиционные структуры государства и общества, воспроизводившие те символы. Это – одновременно символическая борьба за освобождение дискурса и за возможность самостоятельно производить ритуалы взаимодействия за счет коллективного актора, простых индивидов,

участников коммуникации, а не административных и государственных структур, символических бюрократов и капиталистов. Как подметил Мишель де Серто, «...мы начали говорить. Казалось, как будто впервые». Таким образом, государственные и общественные структуры, производя среду и ритуалы взаимодействия, согласно «Обществу спектакля» Ги Дебора, «отчуждали» тех участников коммуникации, которые отказывались приобщаться к существующему дискурсу. В лозунгах мая 1968 г. воплотилось желание сказать: «Я существую», создать собственное символическое пространство и не быть частью политической объективации со стороны общественных институтов. Май 1968 г. через движения радикального студенчества продемонстрировал нового субъекта воспроизводства социальных ритуалов взаимодействия и механизмов, новую среду коммуникации – коллективного субъекта, гражданское общество.

Таким образом, достижения протестов 1968 г. находились не столько в плоскости политики и политических систем, сколько в культурной и социальных сферах, в совершенно новых методах организации и мобилизации общественных движений. Успех, достигнутый протестами 1968 г. в конструировании своего символического пространства и мобилизации населения, стал примером для подражания для всех последующих социальных движений [8], центральный мотив которых – попытка воспроизвести столь же сильный эмоционально заряженный символический капитал для мобилизации движения. Многие современные движения (в первую очередь движение антиглобалистов) существуют на принципах сетевых взаимодействий, без какой-либо классической структуры, пытаясь аккумулировать в себе абсолютно разнородные и несовместимые группы (в случае антиглобалистов – от радикальных экологов до противников аборт), сплачивая их вокруг единого эмоционально заряженного символического каркаса из идей, лозунгов, пространства и т.д., который поддерживает и воспроизводит себя через повторяющиеся интерактивные ритуалы взаимодействия.

Как видим, пример протестов 1968 г., новые методики и фокусы внимания действительно прочно изменили саму природу социальных движений, принципы, по которым социальные движения формируются и функционируют. А

значит, «призрак 1968 года» обречен скитаться не только по Европе, но и по всему миру.

Литература

1. 1968: The year that changed history // The Guardian. 2008. URL: <https://www.theguardian.com/observer/gallery/2008/jan/17/1> (дата обращения: 27.02.2019).
2. 1968: A Glimpse at The Most Influential Year // The Impact. 2008. URL: <https://theimpactnews.com/special-report-archive/2012/02/23/a-glimpse-at-the-most-influential-year/> (дата обращения: 27.02.2019).
3. Eight unforgettable ways 1968 made history // CNN. 2014. URL: <https://edition-m.cnn.com/2014/07/31/us/1968-important-events/index.html?r=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F> (дата обращения: 15.02.2019).
4. The year America unraveled // The Washington Post. 2018. URL: https://www.washingtonpost.com/graphics/2018/national/1968-history-major-events-in-pop-culture/?utm_term=.62ce3331d662 (дата обращения: 05.02.2019).
5. Anniversaire de Mai 68: le 24 mai, le moment des révolutionnaires sans revolution // Le Monde. 2018. URL: https://www.lemonde.fr/societe/article/2018/05/24/anniversaire-de-mai-68-le-24-mai-le-moment-des-revolutionnaires-sansrevolution_5303943_3224.html?xtmc=mai_1968&xtcr=6 (дата обращения: 15.02.2019).
6. 50 powerful stories of people-led resistance and transformation since 1968 that have shaped our world // 50 Years of Counter-Power. 2018. URL: <http://50years.tni.org/> (дата обращения: 15.02.2019).
7. 1968: год, который потряс мир // Новое прошлое / The New Past. 2018. Вып. 4. 276 с.
8. Collins R. Social movements and the Focus of emotional attention // *Passionate politics* / eds. by Goodwin J., Jasper J.M., Polletta F. Chicago, 2001. P. 27–44.
9. Lyotard J.-F. The Postmodern Condition: A Report on Knowledge. Minnesota: University of Minnesota Press, 1984. 144 p.
10. Collins R. Interaction Ritual Chains. Princeton: Princeton University Press, 2004. 440 p.
11. Bonnet A. Situationists / situationist geography // The International Encyclopedia of Geography. N.Y.: John Wiley & Sons, 2017.
12. Идеальное путешествие: совместная коллекция Eres и Vita Kin // Vogue. 2018. URL: <https://vogue.ua/article/fashion/brend/idealnoe-puteshestvie-sovmestnaya-kollekciya-eres-i-vita-kin.html> (дата обращения: 26.02.2019).
13. Paris is burning // Imgur. 2018. URL: <https://imgur.com/gallery/gLA9Eaj> (дата обращения: 15.02.2019).

14. О нищете студенческой жизни [памфлет]. М. : Новости, 2012. 88 с.

15. Михайленко С. К истории одного памфлета. URL: <https://avtonom.org/news/pamflet-o-nishchete-studencheskoi-zhizni-vpervye-polnostyu-na-russkom> (дата обращения: 26.02.2019).

16. McDonough T. *The Beautiful Language of My Century*. London: The MIT Press, 2007. 273 p.

References

1. 1968: The year that changed history. *Guardian*. 2008. Available at: <https://www.theguardian.com/observer/gallery/2008/jan/17/1> (accessed 27.02.2019).

2. 1968: A Glimpse at the Most Influential Year. *The Impact*. 2008. Available at: <https://theimpactnews.com/special-report-archive/2012/02/23/a-glimpse-at-the-most-influential-year/> (accessed 27.02.2019).

3. Eight unforgettable ways 1968 made history. *CNN*. 2014. Available at: <https://edition-m.cnn.com/2014/07/31/us/1968-important-events/index.html?r=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F> (accessed 15.02.2019).

4. The year America unraveled. *The Washington Post*. 2018. Available at: https://www.washingtonpost.com/graphics/2018/national/1968-history-major-events-in-pop-culture/?utm_term=.62ce3331d662 (accessed 05.02.2019).

5. Anniversaire de Mai 68: le 24 mai, le moment des révolutionnaires sans révolution. *Le Monde*. 2018. Available at: https://www.lemonde.fr/societe/article/2018/05/24/anniversaire-de-mai-68-le-24-mai-le-moment-des-revolutionnaires-sans-revolution_5303943_3224.html?xtmc=mai-1968&xtcr=6 (accessed 15.02.2019).

6. 50 powerful stories of people-led resistance and transformation since 1968 that have shaped our world. *50 Years of Counter-Power*. 2018. Available at: <http://50years.tni.org/> (accessed 15.02.2019).

7. 1968: god, kotoryi potryas mir [1968: the Year that Turned the World]. *Novoe proshloe / The New Past*. 2018, iss. 4, 276 p.

8. Collins R. Social movements and the Focus of emotional attention. *Passionate politics*. Ed. by J. Goodwin, J.M. Jasper, F. Polletta. Chicago, 2001, pp. 27-44.

9. Lyotard J.-F. *The Postmodern Condition: A Report on Knowledge*. Minnesota: University of Minnesota Press, 1984, 144 p.

10. Collins R. *Interaction Ritual Chains*. Princeton: Princeton University Press, 2004, 440 p.

11. Bonnet A. Situationists / situationist geography. *The International Encyclopedia of Geography*. New York: John Wiley & Sons, 2017.

12. Ideal'noe puteshestvie: sovместnaya kollektsiya Eres i Vita Kin [Ideal Travel: mutual collection of Eres and Vita Kin]. *Vogue*. 2018. Available at: <https://vogue.ua/article/fashion/brend/idealnoe-puteshestvie-sovmestnaya-kollekciya-eres-i-vita-kin.html> (accessed 26.02.2019).

13. Paris is burning. *Imgur*. 2018. Available at: <https://imgur.com/gallery/gLA9Eaj> (accessed 15.02.2019).

14. O nishchete studencheskoi zhizni [About the Poverty of Student Life]. Moscow: Novosti, 2012, 88 p.

15. Mikhailenko S. K istorii odnogo pamfleta [To the History of one Pamphlet]. Available at: <https://avtonom.org/news/pamflet-o-nishchete-studencheskoi-zhizni-vpervye-polnostyu-na-russkom> (accessed 26.02.2019).

16. McDonough T. *The Beautiful Language of My Century*. London: The MIT Press, 2007, 273 p.

УДК 94 (470.6)''18''

DOI 10.23683/0321-3056-2019-2-44-51

В ПОИСКАХ ИСТОРИЧЕСКОГО КОМПРОМИССА: НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОЕННО-НАРОДНОГО УПРАВЛЕНИЯ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

© 2019 г. А.В. Барнаш ^а

^а Ставропольский государственный педагогический институт,
филиал в г. Ессентуки, Ессентуки, Россия

IN SEARCH OF A HISTORICAL COMPROMISE: SOME PECULIARITIES OF THE MILITARY AND NATIONAL MANAGEMENT IN THE NORTHERN CAUCASUS

A.V. Barnash ^а

^а Stavropol State Pedagogical Institute,
Branch of an Institute in Essentuki, Essentuki, Russia

Барнаш Анна Владимировна –
кандидат исторических наук, доцент,
Ставропольский государственный
педагогический институт, филиал в г. Ессентуки,
ул. Долина роз, 7, г. Ессентуки, 357600, Россия.
E-mail: ann-barnash@yandex.ru

Anna V. Barnash -
Candidate of History, Associate Professor,
Stavropol State Pedagogical Institute,
Branch of an Institute in Essentuki,
Dolina Roz St., 7, Essentuki, 357600, Russia.
E-mail: ann-barnash@yandex.ru

Раскрывается специфика судебно-административных и управленческих усилий российской администрации на Северном Кавказе после завершения активной фазы вооружённого противостояния в крае. Показан поиск компромисса между властями империи и местными обществами в процессе создания оптимальной модели функционирования управленческих структур. Оценивается роль А.И. Барятинского и его предшественников в этом вопросе. Анализируются те сложности, с которыми столкнулись власти по мере реализации задуманных начинаний. Подвергаются анализу изменения и коррективы, которые вносились в систему военно-народного управления по ходу осуществления поставленной задачи. Раскрываются причины, приведшие к отказу от привлечения армии к управлению северокавказскими горцами, как выполнившей свою задачу в конкретно-исторической ситуации.

Ключевые слова: реформы, управление, суд, горцы, администрация, империя, округ, старшины.

The article reveals the specifics of the judicial-administrative and managerial efforts of the Russian administration in the Northern Caucasus after the completion of the active phase of the armed confrontation in the province. The search for a compromise between the authorities of the empire and local societies to create of the optimal model of the functioning of management structures is shown. The role of A.I. Baryatinsky and his predecessors in this matter is appreciated. The difficulties as the implementation of the planned initiatives, that the authorities faced to are analyzed. Changes and adjustments that were made to the system of military-national management in the course of the implementation of the planned project are analyzed. Reveals the reasons that led to the refusal to involve the army in the management of the Northern Caucasian highlanders, as fulfilled its task in a specific historical situation.

Keywords: reforms, administration, court, mountaineers, administration, empire, district, foremen.

В процессе вхождения народов Северного Кавказа в состав Российской империи власти столкнулись с множеством проблем, одна из которых заключалась в нежелании местных обществ принять те властные институты, которые им предлагала, а на практике навязывала царская власть. В свою очередь российская адми-

нистрация не хотела, да и не могла принять те формы управления, которые существовали в регионе. Они не обеспечивали надёжного включения края в общегосударственное пространство, консервировали неприемлемые для него социокультурные особенности местных сообществ (с их набеговой практикой, кровной ме-

стью и т.п. проявлениями патриархального и архаичного мироустройства). Сумев победить наиболее непримиримых противников силою оружия, российские власти, тем не менее, понимали, что впечатление от этой победы для кавказских народов будет недолгим, и его надо подкреплять реальными доказательствами тех позитивных изменений, которые ожидают горские общества от новой политической и социокультурной реальности.

Убедившись за предшествующие десятилетия, что механический перенос общеимперского опыта на местную кавказскую почву не даёт положительного эффекта и более того – озлобляет и отталкивает горские сообщества, уполномоченные российские власти предприняли попытку сформировать в виде эксперимента переходную управленческую модель, основанную на компромиссе интересов сторон, которая включала бы как элементы региональных моделей управления, так и практики, присущие структурам имперской власти [1, с. 85–97; 2, с. 151–208]. Опыт таких шагов уже имелся, но теперь их предполагалось воплотить в жизнь в принципиально новых исторических условиях, а потому и результат ожидался гораздо более значительный.

Уже в годы наместничества князя М.С. Воронцова стало очевидно, что предлагаемая горцам модель управления должна быть максимально простой и понятной. Жители края, незнакомые со способами деятельности государственной бюрократии, тяготились её «бумажной волокитой». Среди них ходила язвительная поговорка о том, что русские даже за зайцами гоняются на арбе [3, с. 45], подчеркивая тем самым её медлительность и неповоротливость.

Высшие сановники империи осознавали эту проблему, но длительное время не могли выработать оптимальной схемы, плохо ориентируясь в местных условиях. При обсуждении судебно-административного управления Кавказом отмечалось, что «самое учреждение, перенесённое сюда из русских губерний, не соображено со степенью гражданственности жителей, которые имеют совершенно иные понятия, верования, обычаи и образ жизни», а потому следовало предложить им иные механизмы регулирования. Ибо, стремясь приобщить местное население к имперским порядкам, следовало исходить из аксиомы, что «единство должно заключаться в единстве власти и в единстве цели, но отнюдь

не в единстве средств, приводящих к той цели» [4, с. 98].

Чтобы имперская модель управления не казалась северокавказским горцам чужой и враждебной, следовало зарезервировать для их представителей места в административном аппарате. Одновременно нужно было сохранить контроль над новыми органами власти, а потому ключевые посты сохранялись за российскими чиновниками. Учитывая, что лучше всего в местной ситуации ориентировались армейские офицеры, поскольку общая ситуация в крае была ещё далека от полного успокоения, предполагалось привлечь военных к такому важному заданию.

Эти принципы стали стержнем формируемой системы военно-народного управления, показавшей, что Петербург сделал правильные выводы и готов был идти на разумный компромисс. Суть его сводилась к сочетанию традиционных и имперских структур управления, максимально возможное невмешательство в быт коренных народов и тщательный отбор компетентных чиновников, имевших опыт взаимодействия с горцами [5, с. 97].

Одним из шагов по выстраиванию такой модели управления стало создание в 1852 г. «мехкеме» среди мирных чеченцев. Это бы судебный орган, в котором заседали русские офицеры и представители от чеченских обществ в лице трёх старшин и одного кадия. Чтобы заинтересовать горцев работать вместе с русскими, им выплачивалось соответствующее их статусу жалование. С целью ограждения членов суда от давления со стороны соплеменников их вместе с семьями переселяли на жительство в русские укрепления.

Обращает на себя внимание то, что в зависимости от характера рассматриваемого дела, обязанности членов мехкеме варьировались. Если требовалось вмешательство духовного лица, деятельность всех остальных ограничивалась лишь совещательными функциями. В случае разбора дела по адату ситуация менялась. Суд являлся альтернативой той практики, которую насаждал в горах имам Шамиль, и способствовал росту авторитета российской администрации [6, с. 42]. На должность председателя учрежденного судебного органа был назначен полковник Бартоломей, офицер, пользующийся авторитетом среди местных жителей, к тому же обладавший знаниями в области исламского права [7, л. 12–13].

Опыт оказался удачным, и уже сами горские общества, по мере распространения российского влияния, стали обращаться к властям с пожеланиями открыть для них такого рода судебно-административные учреждения. Убедившись в беспристрастности судей, даже «немирные» горцы выказывали готовность обращаться к их посредничеству в спорных вопросах. Современник отмечал, что «адат без всякого принуждения приобрёл полное господство в стране и под охраною нашей власти поддерживает в народе порядок, какого только возможно требовать» [4, с. 117].

Имперские власти сочли необходимым устанавливать связи с родоплеменными институтами в лице общин и родовых союзов. Их влияние на жизнь горских сообществ было велико и определяло специфику местного самоуправления. Это прекрасно понимал Кавказский наместник князь А.И. Барятинский, творчески опиравшийся на опыт своих предшественников и сумевший довести до логического конца их начинания. С его именем связывают начало распространения военно-народного управления на Северо-Восточном Кавказе.

В апреле 1858 г. он подготовил «Положение о Кавказской Армии», в котором был раздел, касающийся горских обществ, не вошедших «в состав гражданского управления» [8, с. 168]. Не будет преувеличением сказать, что последующие военные успехи наместника основывались в немалой степени на позитивном изменении отношения горских обществ к российской власти.

Первоочередной задачей князь А.И. Барятинский считал необходимость унификации уголовного права, приближения его требований к повседневной жизни горцев, так как существовала практика за одни и те же проступки назначать разное наказание в разных обществах, что не могло не подрывать веру в объективность имперского судопроизводства. Наместник отдал приказ уточнить «все роды преступлений», за которые местное население подвергалось преследованию, и систематизировать этот список. Были упорядочены правила о пенсиях, которые казна выплачивала горцам за их службу государству, разработаны «правила для наград азиатцев» с учётом социального статуса человека среди соплеменников [9, с.1289].

Если суммировать весь комплекс мер, который предлагал князь А.И. Барятинский, то они сводились к контролю над горским судопроизводством при максимально допустимой автоно-

мии, сохранявшейся за горскими традиционными институтами, основывающимися на адате. Шариат не находился под запретом и не преследовался, но его полномочия ограничивались решением религиозных вопросов. Шамиль, истребляя старую аристократию, толкнул её в лагерь русских, и теперь князь А.И. Барятинский стремился восстановить пошатнувшийся статус этих людей, и при благоприятных обстоятельствах создавать из представителей местных обществ милицейские отряды, наподобие казачьих частей.

Наместником всячески поддерживалось развитие среди горцев, находившихся под покровительством России, торговли, ремёсел, сельского товарного производства. Царская администрация на многочисленных примерах убедила, что зажиточные слои горского населения крайне неохотно участвовали в военных предприятиях сомнительного или авантюрного характера, предлагавшихся им непримиримыми к русским вождями. Российская сторона всячески старалась расширить число таких людей. Те, кто выказывал готовность служить в имперской администрации, могли рассчитывать на достойное вознаграждение. Их пример благотворно сказывался на умонастроениях соотечественников. Не были обойдены вниманием и культурно-просветительные учреждения, с помощью которых предполагалось влиять на менталитет жителей южной окраины страны [5, с. 101–102].

Российским офицерам, «лучшим и способнейшим», которые должны были осуществлять контролирующие функции в горских судебных и административных учреждениях, предполагалось выплачивать дополнительное жалование. Их кандидатуры проходили тщательный отбор и должны были соответствовать тем требованиям, которые предъявлялись к их деятельности [10, с. 3].

Подверглись корректировке и территориально-административные единицы на Кавказе. Власти сочли целесообразным раздробить их, что позволяло лучше учитывать социокультурную специфику конкретной местности. Принимая в расчёт ландшафтное своеобразие региона, этот шаг выглядел разумным и своевременным. С конца 1857 г. появилось четыре округа (Кабардинский, Чеченский, Военно-Осетинский, Кумыкский), к которым в дальнейшем добавили ещё два (Аргунский, Ичкеринский). С подчинением Дагестана на этой территории также приступили к преобразованиям, причём утратив-

шую своё значение Лезгинскую линию ликвидировали [9, с. 1288].

В дальнейшем для лучшей координации работы всей создаваемой на Северном Кавказе судебно-административной системы была учреждена «Особая канцелярия по управлению покорными горцами», учитывая, что по мере побед русского оружия число таких людей возрастало. При этом штат чиновников ограничивался небольшим числом профессионалов, содержание которых не слишком обременяло бюджет. Так, начавшая с 1860 г. свою работу «Канцелярия по управлению кавказскими горцами» включала в свой состав начальника, помощника и писаря, при этом они рассматривали самые разные ситуации из жизни местных народов [11, л. 4].

Доказавшую свою жизнеспособность систему стали внедрять и на Правом фланге Кавказской кордонной линии, где учреждались Нижне-Прикубанское, Тахтамышевское, Закубанское и Карачаевское приставства. Возглавлявшие их русские офицеры могли при необходимости брать себе помощников из числа местных народов.

Несмотря на определенные успехи в деле устройства и функционирования новой для региона судебно-административной системы, тем не менее, назвать её оптимальной было нельзя. Отмечалось, что часто не учитывались исторически сложившиеся этнополитические реалии, что приводило к росту конфронтационных настроений среди вошедших в то или иное наибство или приставство обществ [5, с. 105].

Однако и ранее, до введения вышеупомянутой судебно-административной системы, добиться гармонии и смягчить внутрорегиональную конкуренцию между различными народами не удавалось. В то же время, несмотря на встречаемые трудности и все упущения, имперским властям всё же удалось удержать ситуацию под контролем и обеспечить стабильность на землях, которые отныне считались частью правового пространства российского государства.

По мере того, как накапливался опыт, а население привыкало к новым порядкам, вносились коррективы, способные улучшать формирующиеся административно-правовые институты. К ним следует отнести практику укрупнения горских поселений, которые легче было контролировать и где формировалась элита, видевшая своё будущее на службе государству. Эта практика была апробирована в самых разных обще-

ствах. Её применяли как среди чеченцев, бывших одними из наиболее последовательных противников имперской власти, так и среди осетин, считавшихся лояльными по отношению к России.

Следует обратить внимание на то, что эти преобразования не стали причиной коренной ломки устоявшихся традиций, так как по словам В. Пфафа, «замечательно, что и после введения этого преобразования, в патриархальных (т.е. собственно лучших) осетинских аулах всё оставалось в прежнем виде. Здесь в старшины выбирается всегда то лицо, которое и без того занимает должность и звание родового старшины...» [12, с. 203]. Убедившись в положительных результатах, эту систему стали распространять и на другие районы Северного Кавказа.

Успешно прижившаяся модель судопроизводства привела к тому, что горское население стало больше доверять российским порядкам. В учреждённых округах действовали народные суды, которые возглавляли окружные начальники. Депутаты из числа местных жителей получали за свою работу 200 руб. серебром, а кадии – 300 руб. [13, л. 17–19].

Своим большим успехом российская администрация считала ослабление архаичных горских обычаев, которые были несовместимы с имперским правосознанием. Речь идёт об обычае кровной мести, который полностью не исчез, но, по крайней мере, приобрёл латентные формы, а его масштабы сократились. Государство настойчиво добивалось своей монополии на насилие, видя в этом залог надёжного умиротворения края [14, с. 12].

Власти учитывали то обстоятельство, что горцы нередко не понимали причин недовольства имперской администрации их поступками, и не разбирались, какие их шаги могут быть расценены как преступление. Поэтому было принято решение разработать «Свод уголовных правил», перечисляющих такие проступки, подпадающие под квалификацию преступных [5, с. 106–107].

20 февраля 1860 г. последовали новые шаги властей, направленные на оптимизацию административного деления кавказских земель. Были образованы Терская и Кубанская области, Ставропольская губерния – всё это стало называться Северным Кавказом [9, с. 58].

В губернии действовали имперские гражданские законы, а в перечисленных областях жители подчинялись военно-народному управлению.

Больше всего горцев проживало в Терской области, и для управления ими была создана Канцелярия по управлению горцами Терской области. Значительные полномочия получили Наказные атаманы, в ведении которых были не только казаки, но и горские общества.

В дальнейшем, когда военные действия в крае окончательно прекратились, командующие войсками получили звание Начальников Терской и Кубанской областей, наделённых правами разрабатывать проекты местных правовых актов, решать текущие вопросы в деле управления подчинённой им территории. Эта власть регламентировалась специальными положениями, в которых были обозначены, среди прочего, права и обязанности представителей горской администрации. Власти старались не дискредитировать органы горского самоуправления, всячески подчёркивали их значимость и оговорённую самостоятельность.

Вызывает интерес разработанная в 1860 г. для окружных начальников инструкция, специально предназначенная для организации управления «покорными» горцами. Этот обширный документ состоял из 8 глав, разбитых на 97 параграфов, и касался полномочий чинов окружного управления. Заслуживает внимания тот факт, что власти на местах обладали значительной самостоятельностью и могли без оглядки на вышестоящее руководство своевременно и оперативно реагировать на происходившие изменения. В экстренных случаях за ними сохранялось право на применение вооружённой силы для подавления мятежей. Но и объём задач, стоящий перед ними, был обширен. Они должны были следить за выполнением повинностей, собирали информацию об обычаях и традициях горцев с целью улучшения управления ими, могли распределять казённые средства, предназначенные для оказания помощи тем семьям, которые пострадали от стихийных бедствий, награждали или наказывали чиновников, утверждали кандидатуры аульных старшин и мулл, которых выдвигали горские общества, разбирали при необходимости мелкие правонарушения и т.п. [5, с. 109–111].

Действовали они преимущественно через участковых начальников, которые непосредственно работали с населением, среди прочего выдавая билеты на право перемещаться по краю. Это был весьма серьёзный способ оказания воздействия на горцев, так как без такого разрешения они могли быть арестованы казачьими и армейскими патрулями [15, с. 42–44].

С ними контактировали и представители низшего звена аульного правления – старшины. Это были люди, пользующиеся авторитетом не только в среде, которая их выдвигала, но и у русского начальства. Как правило, они достигали компромисса и выступали в роли ретрансляторов между требованиями российских властей и пожеланиями горцев.

Примечательно, что во время массовых волнений, произошедших на Северо-Восточном Кавказе в 1877–1878 гг., многие из них сохранили верность узаконенной власти и вынуждены были бежать, спасая свою жизнь от рук мятежников [16, с. 138]. Оценивать этот факт однозначно нельзя. Несмотря на внимательный отбор низовых управленческих кадров, среди этих людей было немало тех, кто злоупотреблял своим положением и поэтому боялся стать жертвой разгневанных односельчан.

Очередное совершенствование системы военно-народного управления предложил в январе 1862 г. начальник Терской области князь Д.И. Святополк-Мирский. После недолгого обсуждения его начинания получили высочайшее одобрение и 29 мая 1862 г. приобрели силу закона. Новое «Положение об управлении Терской областью» состояло из 37 разделов, посвящённых регламентированию действий аппарата управления, прерогатив судебных органов, границ между областями и т.д. [5, с. 114–119].

При оценке данного Положения обращает на себя внимание явно возросший опыт российской администрации, которая уже довольно неплохо ориентировалась в местной специфике и пыталась учитывать особенности отдельных частей региона. Но сохранялись и серьёзные недостатки. Новый управленческий аппарат дорого обходился казне, а итоговая сумма оценивалась в 11 427 руб. 60 коп. Это почти в два раза превосходило прежние траты, а местных сборов на покрытие убытков не хватало. Властям приходилось изыскивать дополнительные возможности на стороне, но эти финансовые затраты рассчитывали окупить политической стабилизацией края.

Между тем ситуация в регионе претерпела существенные изменения, которые были связаны с переселением немалой части горских народов в Турцию. Среди этих выселенцев (мухаджиров) было немало тех, кто не соглашался на компромисс с империей. Те же, кто решил остаться на родине, вынуждены были примириться с требованиями российских властей и

переселиться на равнинные земли. Здесь их было легче контролировать, а кроме того, легче наделять необходимым количеством земли.

Остававшиеся в горах общества также получали возможность снизить остроту традиционной для региона проблемы малоземелья [17, с. 75]. Естественно, что все эти процессы влияли на систему военно-народного управления, в которой, наряду с безусловными достоинствами, всё отчётливее стали проявляться и недостатки, требовавшие исправления.

В январе 1865 г. Кавказский наместник обратился к военному министру с запиской, в которой изложил своё видение накопившихся проблем. В частности, им отмечалось, что начальники отделов чрезмерно загружены различными обязанностями, и в итоге не могут эффективно справляться с возложенной на них миссией. Сложно было разграничить функции начальника округа и начальника отдела, а периодически возникавшие конфликты интересов подрывали авторитет властей в глазах местных народов, поскольку различные инстанции фактически дублировали деятельность друг друга, создавая хаос и неопределённость в управлении.

В то же время приобщение горцев к мирной жизни вызывало определенный оптимизм у властей, и небезосновательно звучали предложения вообще отказаться от практики управления с помощью военных чинов и передать все их полномочия гражданской администрации [18, л. 1–6].

Высказанные замечания были найдены справедливыми, и в сентябре 1865 г. Терская область была разделена на округа, за исключением Срединного отдела, в котором сохранялась должность военного начальника. По этому принципу были произведены изменения и в Кубанской области. Расширилось число горцев, привлекаемых к службе в органах местного самоуправления.

В русле этой тенденции следует рассматривать шаги, предпринятые в декабре 1869 г., когда Терскую область разделили на семь полицейских округов, а в Кубанской области учредили пять уездов. Управлялись Области на основе общих правил о губернских учреждениях империи.

Однако наместник, отдавая должное внесенным коррективам, считал, что это является паллиативной мерой: «...не смотря на убеждение в полной пригодности военно-народной администрации для горцев и при дальнейшем ходе их гражданского развития ходатайствовать о слия-

нии всех смежно-живущих элементов населения обеих областей, Терской и Кубанской, под ведением одной, общей для всех, гражданской администрации. Доведение горского населения до того состояния, при котором подобное слияние становится возможным, есть самое лучшее свидетельство в пользу деятельности военно-народной администрации» [10, с. 118].

Точка зрения Кавказского наместника великого князя Михаила Николаевича была одобрена, и согласно постановлению правительства от 30 декабря 1869 г. с 1 января 1871 г. военно-народное управление упразднилось. Ему на смену приходило гражданское устройство края. Такое решение в сложившихся обстоятельствах представлялось вполне разумным и оправданным. Имеющие место в регионе случаи насилия не являлись массовыми и достаточно эффективно пресекались властями при поддержке небольшой части местных горцев. Что касается опасения потерять контроль над ситуацией, то к элементам военно-народного управления всегда можно было вернуться, что и продемонстрировали дальнейшие события.

Привлечение армии к несвойственным ей управленческим и полицейским обязанностям не могло практиковаться на постоянной основе. Такая мера изначально предполагала определенный временной промежуток, связанный и вызывавшийся как военно-политической обстановкой в крае, так состоянием умонастроения в местных горских сообществах, так и степенью понимания её развития сторонами, их способностью идти навстречу друг другу.

Предпринимавшиеся со стороны российских властей административно-правовые преобразования в крае не могли не проходить без трудностей, которые вызывались нетерпением или недостаточным знанием местных кавказских условий и традиционного горского мира. Много вредила делу ожесточенность силового противостояния. Однако успехи русского оружия и постепенный опыт взаимодействия с горскими обществами, несмотря на многие ошибки и несуразности, позволили российской стороне найти приемлемые для горских сообществ формы административно-правового регулирования местной жизни.

Утверждаясь на Кавказе, имперские власти вынуждены были видеть в местных народах полноправных подданных империи. Иначе быть не могло, поскольку все иные подходы грозили перманентностью военного противостояния и

связанными с ним эксцессами. Ни по нравственным критериям, ни по экономическим параметрам на практике такого развития ситуации имперская государственность не могла себе позволить, несмотря на противоречивость в её действиях и существовавшие разногласия.

Кроме того, к 60–70-х гг. XIX в. перипетии событий и ход социально-политических и экономических процессов в крае приблизили участников кавказского противостояния к переоценке своих возможностей, приблизили к пониманию неизбежности компромиссов в их взаимодействиях, что постепенно и пошагово демонстрировалось сторонами и что вело к возможности пусть и вынужденного мирного сосуществования на новых для них основаниях.

Литература

1. Клычников Ю.Ю. Деятельность А.П. Ермолова на Северном Кавказе (1816–1827) / под ред. и с послесл. В.Б. Виноградова. Ессентуки, 1999. 135 с.
2. Лазарян С.С. Военно-политическая и административно-правовая деятельность князя М.С. Воронцова в Кавказском крае. 1845 – 1854 гг. / под ред. Ю.Ю. Клычникова. Пятигорск : ПГЛУ, 2012. 323 с.
3. Пржецлавский П.Г. Шамиль и его семья в Калуге. Записки полковника П.Г. Пржецлавского // Русская старина. 1878. Т. 21. С. 41–64.
4. Иваненко В. Разлад между уголовным законом и народным обычаем на Кавказе и его влияние на преступность // Русская мысль. 1904. № 6. С. 89–135.
5. Невская Т.А., Кондрашева А.С. Северный Кавказ: традиционное общество и реформы (конец XVIII – начало XX в.). Ставрополь : Изд-во СКФУ, 2015. 368 с.
6. Муханов В.М. Покоритель Кавказа князь А.И. Барятинский. М. : Центрполиграф, 2007. 228 с.
7. Российский государственный военный исторический архив. Ф. 38. Оп. 7. Д. 200.
8. Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. Тифлис, 1907. Т. I. 616 с.
9. Акты, собранные кавказскою археографическою комиссиею. Тифлис, 1904. Т. XII. 1552 с.
10. Всеподданнейший отчёт главнокомандующего Кавказской Армией по военно-народному управлению за 1863–1869 гг. СПб., 1870. 120 с.
11. Российский государственный военный исторический архив. Ф. 38. Оп. 7. Д. 387.
12. Пфаф В. Народное право осетин // Сборник сведений о Кавказе / под ред. Н. Зейдлица. Тифлис, 1871. Т. I. С. 177–220.

13. Российский государственный военный исторический архив. Ф. 38. Оп. 7. Д. 347.

14. Клычников Ю.Ю. Северный Кавказ: старые проблемы в новом измерении (историко-политические очерки) / под ред. и с предисл. С.Л. Дударева. Пятигорск : ПГЛУ, 2016. 99 с.

15. Бобровников В.О. Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие : очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана. М. : Восточная литература, 2002. 368 с.

16. Северный Кавказ в составе Российской империи. М. : Новое литературное обозрение, 2007. 460 с.

17. Максудов С. Чеченцы и русские. Победы, поражения, потери. М. : ИГПИ, 2010. 480 с.

18. Российский государственный военный исторический архив. Ф. 38. Оп. 7. Д. 493.

References

1. Klychnikov Yu.Yu. *Deyatel'nost' A.P. Ermolova na Severnom Kavkaze (1816–1827)* [The Activities of A.P. Ermolov in the Northern Caucasus (1816–1827)]. Ed. V.B. Vinogradov. Essentuki, 1999, 135 p.
2. Lazaryan S.S. *Voenno-politicheskaya i administrativno-pravovaya deyatel'nost' knyazya M.S. Vorontsova v Kavkazskom krae. 1845 – 1854 gg.* [The Military-Political and Administrative-Judicial Activities of Prince M.S. Vorontsov in the Caucasian Region. 1845–1854]. Ed. Yu.Yu. Klychnikov. Pyatigorsk: PGLU, 2012, 323 p.
3. Przhetslavskii P.G. Shamil' i ego sem'ya v Kaluge. *Zapiski polkovnika P.G. Przhetslavskogo* [Shamil and His Family in Kaluga. The Notes of Colonel P.G. Przetslavski]. *Russkaya starina*. 1878, vol. 21, pp. 41–64.
4. Ivanenko V. Razlad mezhd u golovnym zakonom i narodnym obychem na Kavkaze i ego vliyanie na prestupnost' [The Discord Between the Criminal Law and Folk Tradition in the Caucasus and Its Influence on the Criminality]. *Russkaya mysl'*. 1904, No. 6, pp. 89–135.
5. Nevskaya T.A., Kondrasheva A.S. *Severnyi Kavkaz: traditsionnoe obshchestvo i reformy (konets XVIII – nachalo XX v.)* [The Northern Caucasus: Traditional Society and Reforms (the End of 18th - the Beginning of the 20th Century)]. Stavropol: Izd-vo SKFU, 2015, 368 p.
6. Mukhanov V.M. *Pokoritel' Kavkaza knyaz' A.I. Baryatinskii* [The Conqueror of the Caucasus Prince A.I. Baryatinski]. Moscow: Tsentrpoligraf, 2007, 228 p.
7. Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv [The Russian State Military-Historical Archives]. Fund 38. In. 7. File 200.
8. Esadze S. *Istoricheskaya zapiska ob upravlenii Kavkazom* [The Historical Note on Management of the Caucasus]. Tiflis, 1907, vol. I, 616 p.

9. Akty, sobrannye kavkazskoyu arkhograficheskoyu komissieyu [The Statements, Collected by Caucasian Archaeographical Committee]. Tiflis, 1904, vol. XII, 1552 p.
10. Vsepoddanneishii otchet glavnokomanduyushchego Kavkazskoi Armiei po voenno-narodnomu upravleniyu za 1863–1869 gg. [The Report of the Commander-in-Chief of the Caucasian Army on Military National Management of 1863-1869]. Saint Petersburg, 1870, 120 p.
11. Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv [The Russian State Military-Historical Archives]. Fund 38. In. 7. File 387.
12. Pfaf V. [The National Law of Ossetes]. *Sbornik svedenii o Kavkaze* [Collection of Information about the Caucasus]. Ed. N. Zeidlits. Tiflis, 1871, vol. I, pp. 177-220.
13. Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv [The Russian State Military-Historical Archives]. Fund 38. In. 7. File 347.
14. Klychnikov Yu.Yu. *Severnyi Kavkaz: starye problemy v novom izmerenii (istoriko-politicheskie ocherki)* [The Northern Caucasus: Old Problems in New Measuring (Historical-Political Essays)]. Ed. S.L. Dudarev. Pyatigorsk: PGLU, 2016, 99 p.
15. Bobrovnikov V.O. *Musul'mane Severnogo Kavkaza: obychai, pravo, nasilie: ocherki po istorii i etnografii prava Nagornogo Dagestana* [Moslems of the Northern Caucasus: Tradition, Law, Violence: Essays on History and Ethnography of the Mountainous Dagestan]. Moscow: Vostochnaya literatura, 2002, 368 p.
16. *Severnyi Kavkaz v sostave Rossiiskoi imperii* [The Northern Caucasus in the Complement of the Russian Empire]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2007, 460 p.
17. Maksudov S. *Chechentsy i russkie. Pobedy, porazheniya, poteri* [Chechens and Russians: Victories, Defeats, Losses]. Moscow: IGPI, 2010, 480 p.
18. Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv [The Russian State Military-Historical Archives]. Fund 38. In. 7. File 493.

Поступила в редакцию / Received

14 мая 2019 г. / May 14, 2019

УДК 94(47).084.3

DOI 10.23683/0321-3056-2019-2-52-61

ПОПЫТКИ СОЗДАНИЯ «ЮЖНО-РУССКОЙ» ВЛАСТИ В 1919 ГОДУ*

© 2019 г. А.В. Венков^а

^а Федеральный исследовательский центр Южный научный центр
Российской академии наук, Ростов-на-Дону, Россия

ATTEMPTS TO CREATE A "SOUTH RUSSIAN" GOVERNMENT IN 1919

A.V. Venkov^а

^а Federal Research Centre The Southern Scientific Centre,
Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russia

Венков Андрей Вадимович –
доктор исторических наук, профессор,
заведующий лабораторией казачества,
Федеральный исследовательский центр
Южный научный центр
Российской академии наук,
пр. Чехова, 41, г. Ростов-на-Дону, 344006, Россия.
E-mail: andrey_venk@rambler.ru

Venkov Andrey Vadimovich -
Doctor of History, Professor,
Head of Cossacks Laboratory,
Federal Research Centre
The Southern Scientific Centre,
Russian Academy of Sciences,
Chekhov Ave, 41, Rostov-on-Don, 344006, Russia.
E-mail: andrey_venk@rambler.ru

Анализируются попытки руководства белых казаков Дона и Кубани создать в 1919 г. федеративное объединение на Юге России, чему препятствовало командование Вооруженных сил Юга России, боровшееся за Единую и Неделимую Россию. К 1919 г. казаки Юга России образовали свои квазигосударства, достаточно независимые политически и экономически, однако вынуждены были контактировать с командованием ВСЮР, поскольку не могли в одиночку противостоять большевикам. Во время победоносных боев в 1919 г. они требовали предоставить им автономию после победы над большевиками или даже организовать федеративное устройство Юга России. Большинство казаков (донцы, терцы и русскоязычные «линейцы») было согласно на автономию, украиноязычное меньшинство («черноморцы») требовало установления федеративных отношений и искало поддержки у других государственных субъектов, образовавшихся во время Гражданской войны на Юге бывшей Российской империи. К единому мнению лидеры казаков не пришли. Попытки воплотить в жизнь идею «Южно-Русской» власти имели место лишь после разгрома Вооруженных сил Юга России и оказались безрезультатны.

Ключевые слова: Юг России, казаки, федерация, автономия, Южно-Русская конференция, Вооруженные силы Юга России.

The article is devoted to the attempts of the leaders of White Cossacks of the Don and Kuban to create the Federal Union in the South of Russia in 1919. The creation of this Association was hampered by the command of the Armed forces of Southern Russia, which fought for United and Indivisible Russia. In 1919, the Cossacks of Southern Russia created their own quasi-state, quite independent politically and economically, but they were forced to contact with the command of the armed forces of South Russia, because they were not able, alone, to confront the Bolsheviks. During the victorious battles in 1919, they demanded to have the autonomy after the victory over the Bolsheviks, or even to organize a Federal system of the South of Russia. The majority of Cossacks (Donets, Tertsy and Russian-speaking "linemen") agreed on autonomy, the Ukrainian-speaking minority ("Chernomorets") demanded the establishment of Federal relations and sought support from other state entities formed during the civil war in the South of the former Russian Empire. The leaders of the Cossacks did not come to the consensus. Attempts to realize the idea of "South Russian" power took place only after the defeat of the Armed forces of Southern Russia and were unsuccessful.

Keywords: South of Russia, Cossacks, Federation, autonomy, South Russian conference, Armed forces of the South of Russia.

* Работа выполнена в рамках реализации государственного задания ЮНЦ РАН на 2019 год, тема 00-19-15 (проект № 0256-2019-0042, № госрегистрации 1201354248).

Планы создания южно-русской власти были плодом усилий централистских и сепаратистских сил внутри антибольшевистского движения на Юге России и воздействия на них стран Антанты, которые обратили самое пристальное внимание на Юг России, когда отсюда ушли германские и австро-венгерские войска. Более того, страны-союзницы еще в декабре 1917 г. поделили Россию на сферы влияния. Последние исследования по этому вопросу нашли свое отражение в ряде диссертаций, монографических работ и статей Р.Г. Гагкуева, А.С. Пученкова, В.Ж. Цветкова и др. [1–4]. Важнейшими источниками по теме являются местная периодическая печать («Приазовский край»), а также архивные материалы, хранящиеся в РГАСПИ, РГВА и ГАРО.

Командование Добровольческой армии (а затем Вооруженных сил Юга России), естественно, было против каких-либо местных правительств с претензиями на функции государственной власти, но вынуждено было мириться с ними из-за относительной малочисленности самих «добровольцев». Цели Добровольческой армии, воюющей за Единую и Неделимую Россию, совпадали с целями Франции, которая хотела бы иметь мощное союзное государство к востоку от разгромленной, но все еще внушающей страх Германии. Но сама Добровольческая армия пока дислоцировалась на территории, отошедшей в сферу влияния Англии, а прагматичные англичане не стремились к скорейшему восстановлению России. Черчилль считал: «...Мы должны попытаться объединить в единую военную и политическую систему все пограничные государства, враждебные большевикам, заставив каждое из них сделать так много, как оно может» [5]. И такая политика была на руку местным квазигосударственным образованиям, стоявшим в оппозиции к деникинским «добровольцам».

Кубанская Рада имела соглашение с Деникиным о совместном представительстве на Парижской конференции, но тем не менее послала свою делегацию в Париж с наказом требовать возрождения России в качестве федеративной республики. Кроме того, делегация должна была добиваться признания международным сообществом «за Кубанским краем прав отдельного штата» и установления международных гарантий против нападения большевиков на Кубань [6].

29 января (11 февраля) 1919 г. Рада приняла декларацию, в которой заявила, что признает

посланную в Париж общую русскую делегацию во главе с С. Д. Сазоновым, а кубанская делегация, представляющая все группы населения края, посылается ей в помощь, чтобы Сазонов не забыл интересов Кубани. В той же декларации особо оговаривалось, что Кубань стоит за федерацию в первую очередь трех казачьих государств – Дона, Кубани и Терека [7].

Тогда же была высказана мысль о проведении южно-русской конференции с целью создания государства на федеративных началах. Это было повторением резолюции Рады от 11 (24) ноября 1918 г., когда обсуждалось российское представительство на мирной конференции в Париже. Резолюция предполагала образование «Южно-Русского союза на федеративных началах» до Всероссийского Учредительного собрания нового созыва [8].

Сторонники проведения конференции на Кубани сразу же разделились на два лагеря: одни были за объединение только с казачьими образованиями, с Доном и Терекком, другие, как показали их последующие заявления, хотели создавать федеративное государство, куда вошли бы еще Ставрополье, Дагестан, Черноморье, Крым, Грузия, Азербайджан и Армения [7, с. 301].

Идея создания такой федерации абсолютно не устраивала командование Вооруженных сил Юга России. Но, невзирая на то, что «добровольцы» вместе с кубанскими частями в это время вели бои против большевиков в непосредственной близости от кубанской территории, Кубанская Рада 13 (26) февраля 1919 г. приняла решение провести в Екатеринодаре конференцию заинтересованных государств и заключить их союз на федеративных началах в марте 1919 г. [9]. Предполагалось, что будущий союз будет действовать самостоятельно, «лишь согласуя свои действия в области военного дела с главным командованием Вооруженными силами Юга России» [10].

Вряд ли сроки, намеченные Радой, были реальны. И все же Рада направила свои делегации на Терек и в Закавказье. В феврале 1919 г. официальный кубанский представитель впервые появился на Дону [11].

Активность кубанцев подтолкнула притихшую после присоединения Дона к Вооруженным силам Юга России борьбу между «ориентациями» – между «самостийниками» и «централистами». Однако, по мнению штабиста Донской армии В. Добрынина, «...в вопросе

борьбы двух партий “самостийников” и “централистов” нельзя обойти молчанием главного факта. В этой борьбе ломали копья лишь политические деятели, широкие же казачьи массы, конечно, не могли уяснить разницы между “федерацией” и “автономией”» [12].

Своего рода компромиссом стала идея вернуться к созданному в 1917 г., но ничем себя не проявившему Юго-Восточному Союзу. К этой идее казачьих политиков подтолкнула телеграмма донскому Большому Войсковому Кругу от Колчака от 2 (15) марта 1919 г. об «объединении всех казачьих войск в общем национальном деле» [13]. Идея объединения казачьих войск была отнюдь не новой, и Деникин воспринимал ее с недоверием. Но сам факт параллельной переписки Колчака с Деникиным и с Кругом заставлял Деникина отнестись к этой идее со вниманием.

Возродить Юго-Восточный Союз на принципах 1917 г., когда он объединял казачью и горскую верхушки, Деникин и его сторонники на Дону (донские кадеты) не хотели. Решено было при сохранении прежнего названия сузить круг членов Союза. По мнению донской служилой верхушки, идеальным было бы объединение только казачьих областей – «однородных и единомысленных членов» [14].

Переговоры о воссоздании Юго-Восточного Союза от имени Дона поручили вести председателю Большого Войскового Круга В. Харламову, стороннику Деникина и лидеру донских кадетов. В апреле 1919 г. Харламов посетил Терское и Кубанское войска. Терцы и часть кубанцев (русскаяязычные «линейцы») дали согласие начать объединение с возрождения Юго-Восточного Союза. Астраханские и уральские казаки прислали просьбу включить их в этот Союз. Далее все тот же Харламов получил полномочия казачьих войск вести переговоры теперь уже с Деникиным о воссоздании указанного Союза [15]. Так кадеты и деникинцы взяли под контроль и возглавили сепаратистский (по своей идее) процесс воссоздания Союза и направили его в нужное им русло – объединить казачьи войска и Добровольческую армию, а затем сорвать возможное создание «расширенного» федеративного союза. Терцы, донцы и централисты-линейцы идею Юго-Восточного Союза поддерживали.

В ходе этого противостояния «черноморцы»-кубанцы, представители украиноязычной Западной Кубани, пошли на обострение. Они

уклонились от рассмотрения вопроса об общем Сенате, уже созданном на Дону из сенаторов-беженцев. Это предложение выдвигал Войсковой Круг и его поддерживал Деникин. В противовес кубанцы-федералисты заговорили о создании федерации путем объединения Юго-Восточного Союза, Грузии и Украинской Народной Республики, провозглашенной петлюровцами и возглавляемой Директорией. Их лидер Л.Л. Быч в 1919 г. издал книгу «От Южно-Русского союза к федеративной России» [16].

Их попытка провести в марте 1919 г. в Екатеринодаре конференцию и заключить некий федеративный союз не удалась. В марте на обратной дороге с Дона деникинцами было задержано украинское петлюровское посольство во главе с Веселовским [17]. 15 (28) марта Деникин запретил вывоз продовольствия в Грузию [18].

Однако под влиянием группы «черноморцев» Кубанское краевое правительство приняло решение созвать в Екатеринодаре южно-русскую конференцию и пригласить на нее представителей Крыма, Украины и Закавказья [19]. Параллельно была создана комиссия для выяснения, как отнесутся предполагаемые члены федерации к самой идее объединения [20]. Не имея четких ответов, Кубанское правительство все же разослало приглашения южным правительствам прибыть на конференцию к 5 (18) мая 1919 г. Такое же приглашение получил и Деникин, перебравшийся к тому времени с Кубани в Ростов, а затем и в Таганрог [21]. Но Деникин призывы федералистов проигнорировал, а в предполагаемый день открытия южно-русской конференции по его приказанию началась «разгрузка» Екатеринодара от лиц, прибывших из Закавказья, Турции, Персии, и лиц без определенных занятий.

Одновременно, начиная с 14 (27) апреля, «линейцы» и сам Кубанский атаман Филимонов вели переговоры с донской делегацией, прибывшей на Кубань во главе с Харламовым, о воссоздании Юго-Восточного Союза. Филимонов информировал донцов о решении Рады провести конференцию с участием Крыма, Украины и Закавказья, но сам согласился начать объединение с восстановления Юго-Восточного Союза [22].

В мае запланированная «черноморцами» конференция опять-таки не состоялась. На призыв откликнулись далеко не все приглашаемые. Грузия вообще стояла за полную независимость. В результате идея объединения в один союз До-

на, Кубани, Терека и Добровольческой армии, как бы этот союз ни назывался, оставалась наиболее реальной.

Во исполнение этого проекта начали проводиться конкретные меры по административному и экономическому объединению указанных образований. С целью наладить экономическую жизнь 10 (23) марта в Екатеринодаре прошло совещание во главе с самим Деникиным по товарообмену между областями. Особое Совещание при Деникине учредило Совет по делам торговли из представителей, Дона, Кубани и Терека [23]. Представитель Дона М. М. Казмичев вел переговоры с «добровольцами», кубанцами и терцами об устройстве управления государственного банка [24]. 10 (23) мая в Ростове собрался съезд горнопромышленников Юга России [25]. Преодолевая сопротивление кубанцев, деникинцы, донцы и терцы объединили управления путями сообщений, почт и телеграфов и без участия Кубани объединили управление продовольственным делом [26].

Объединительная работа шла и по линии церкви. Митрополит Платон открыл в Ставрополе Южно-Русский Собор.

Нельзя сказать, что деникинцы, донцы и терцы работали без трений, рука об руку. В марте 1919 г. деникинским командованием были объявлены «Временные положения о гражданском управлении», конкретизировавшие административное деление: в частности из ряда занятых областей был создан Терско-Дагестанский край во главе с «главноначальствующим».

Казаки увидели в этом попытку подчинить терское казачество через «главноначальствующего» деникинцам. 22 мая (4 июня) 1919 г. донская казачья верхушка выразила протест: «Подлежащий обсуждению проект управления Терско-Дагестанским краем совершенно уничтожает автономию Терского войска, против чего Дон заявляет решительный протест» [27]. Деникин был поставлен в известность: «Казачество на Дону мыслит себя единым со всеми казачьими войсками и немедленно приступает к образованию Юго-Восточного Союза между Доном, Кубанью и Терком при сохранении полного единения с Главнокомандующим всеми Вооруженными силами Юга России...» [27, л. 60–60 об.]. 22 мая (4 июня) начинаются переговоры Кубанского краевого правительства с председателем Донского правительства генералом П. Х. Поповым о Юго-Восточном Союзе, который теперь рассматривается как южно-русское государ-

ственное образование, объединяющее казачьи области. 27 мая (9 июня) с той же целью прибыла на Дон терская делегация во главе с терским атаманом Вдовенко [28].

Этим действиям Деникин противопоставил объединение более высокого уровня – признал верховную власть адмирала А.В. Колчака. Делалось это при поддержке англичан, которые готовили признание главенства Колчака со стороны Вооруженных сил Юга России и поддержку ими военных операций Колчака.

Антанта, встревоженная распространением революции в Европе, сделала ставку на армию Колчака, имеющую возможность ударом с востока отвлечь Красную Армию от похода на Запад. В переломный момент боев на Восточном фронте, в разгар Уфимской операции Красной Армии (25 мая – 19 июня 1919 г.) Совет Четырех 12 июня вынес решение о дальнейшем оказании военной и материальной помощи «Омскому правительству», что «по сути означало признание его де факто в качестве “правительства” России» [29].

В тот же день 30 мая (12 июня) на банкете в честь проводов английского представителя Бриггса Деникин заявил о признании верховной власти Колчака [30], «не спросясь казаков», что вызвало, как считали «централисты», «в самостоятельных кругах растерянность» [31]. Кубанское правительство собрало по этому поводу Раду. Деникин же разослал донскому, кубанскому и терскому атаманам приглашение: «Прошу Вас с председателем правительства прибыть в Екатеринодар 6 июня для обсуждения вопросов, связанных с моим признанием единой национальной власти в лице адмирала Колчака. Деникин» [32]. Собравшимся был задан вопрос: «С Русью или против?», но и здесь попытка опереться на административную верхушку казачьих правительств сработала не в полной мере. Атаманы согласились с признанием власти Колчака, но кубанский атаман Филимонов, мотивируя тем, что казаки – чисто русские люди, наиболее сильные в физическом и моральном отношении, «заявил, что казачьи верхи имеют “полное право быть привлеченными к государственному строительству”» [33]. То есть в отличие от «черноморцев», которые хотели самостоятельности, «линейцы» и другие «централисты» высказали претензии на участие в общерусской государственной власти.

Что касается представительных казачьих органов (Круги и Рада), то они власть Колчака

признавать не торопились, зато заявили, что после признания Колчака Деникиным необходимость в Особом Совещании при главнокомандующем (деникинском правительстве) отпала, и надо форсировать созыв конференции по объединению государственных образований Юга России и возродить Юго-Восточный Союз казачьих войск [34]. Причем Кубанская Рада предполагала вариант Южно-Русского Союза с включением в него не только Дона, Кубани и Терека, но и Дагестана. О создании в будущем такого союза кубанцы поставили в известность Осетию, Кабарду и Ингушетию.

Конференция была назначена на 11 (24) июня 1919 г. в городе Ростове-на-Дону, и о времени ее проведения Кубанская Рада предупредила Грузию, Армению и Азербайджан. Для участия в конференции от Кубани были выбраны в основном сторонники «федералистов»

В разгар работы конференции 14 (27) июня глава Кубанской делегации, председатель Рады Н.С. Рябовол был убит неизвестным в офицерской форме. На Кубани это расценили как удар деникинцев, и Законодательная Рада закрыла на территории Кубани деникинские газеты [35].

Н.А. Почешхов считает, что с этим политическим убийством «была похоронена идея союза как объединения казачьих государственных образований на принципах федерализма» [36].

Однако Южно-Русская конференция продолжила свою работу. Ею заинтересовались конкурировавшие с англичанами французы и правительство Азербайджана. Астраханские калмыки просили, чтоб их приняли во Всевеликое Войско Донское, и для этого хотели объединиться с донскими калмыками.

Донцы на заседании 27 июня (10 июля) огласили заслуживающий внимания проект. Особое Совещание они предполагали упразднить, собрать Учредительный съезд и избрать на нем совет министров при главнокомандующем под названием «Временное правительство Юга России». Учредительный съезд планировалось собрать из представителей Дона, Кубани и Терека, включая атаманов, председателей правительств, еще по два члена от каждого правительства и по пять членов от каждого законодательного учреждения. Главнокомандующий должен был представить свою делегацию, которая не превышала бы числом делегации казачьих войск. Предполагалось также создать некий законосовещательный орган, включающий по два представителя от каждого войска и по пять – от каж-

дого Круга и Рады. Предлагалось включить в этот орган по одному человеку от занятых большими губерний и по одному от таких городов, как Харьков, Одесса и Екатеринослав [37]. То есть этот орган должен был представлять не закавказские территории и не территории, подвластные украинским националистам, а земли, где уже установилась деникинская власть. В целом возражений у членов конференции против донского проекта не было, и военное командование отнеслось к нему сочувственно, но при детальном рассмотрении его появились поправки и вспыхнули дебаты.

Высказывались предложения, что надо создавать не законосовещательный, а законодательный орган и необходимо формальное соглашение между военным командованием и краевым правительством как договаривающимися сторонами [38].

Все это вызывало озабоченность Деникина и командования ВСЮР. Будучи на Тереке, Деникин заявил, выступая 29 июня (12 июля) на Терском войсковом Круге: «Теперь можно заключить местное соглашение, но строить новую государственную власть – значит дробить силы и противодействовать объединению России» [39]. Кадетский Национальный Центр о новом Южно-Русском, или Юго-Восточном Союзе также высказался отрицательно [40]. Генерал Май-Маевский, командующий Добровольческой армией, говорил о донских казаках так: «Если бы не Африкан Богаевский (донской атаман. – А.В.), они давно бы образовали демократическую республику» [41].

По мере роста фронтовых успехов Деникина его отношение к казакам ухудшалось. Ситуация, по словам очевидцев, складывалась так, как весной 1919 г. в наступающей армии Колчака. Там были «великие надежды. Мираж Москвы... И опасения казачьего засилья – и в низах, и на верхах...» [42].

Деникин осознавал роль казачьих войск в Вооруженных силах Юга России, но сам являлся приверженцем идеи «русской национальной диктатуры». В ответ на донские предложения он выдвинул встречные: он считал, что русское государство продолжает существовать и имеет верховного правителя А.В. Колчака, поэтому любое переустройство государства или его частей может осуществляться по воле верховного правителя или его полномочных заместителей; сам Деникин признал власть Колчака и действует от его имени, поэтому создание при Дени-

кине каких-либо новых органов власти возможно по воле верховного правителя, но не какого-то учредительного съезда; переговоры Деникина с представителями областей имеют «лишь значение обмена мнений» и не зависят от числа голосов; Деникин соглашался, что представители от казачьих областей «могут именоваться правительством» Юга России; представители этих областей могут войти в это правительство «с портфелями по своим делам»; он соглашался на создание законосовещательного органа по территориальному принципу, но с вхождением в него «представителей общегосударственного интереса», этот орган не имеет права влиять на образование правительства при главнокомандующем или выражать недоверие ему; «отдельные области русского государства могут заключать между собою соглашения для целей культурного и экономического характера, но образование ими союзов государственно-правового значения стояло бы в противоречии с идеей государственного единства России» [43].

Как видим, суть разногласий между конференцией и Деникиным сводилась к тому, что казаки стремились организовать местную власть для казачьих областей, а Деникин, боявшийся, что казачьи правительства попытаются взять под контроль всю власть на Юге, заявлял, что цель переговоров – «не создание новой власти, а определение порядка вхождения казачьих земель в общегосударственный строй» [44]. Глава донской делегации В.Харламов, лидер донских кадетов, пытался примирить Деникина и казачьи делегации, а вернее – подчинить последние первому. Донцы и придерживающиеся их взглядов терцы часто вступали в частные переговоры с Деникиным, чем вызывали недовольство кубанцев. По коренному вопросу областной политики единой точки зрения не было. Донцы стояли за автономию, кубанцы – за федерацию, но часть донцов под автономией понимала федеративные отношения с Россией [45]. Конференция постоянно прерывалась, так как делегации уезжали консультироваться со своими правительствами и представительными органами.

Стороны не могли найти компромисса в вопросе о роли Высшего Совета при главнокомандующем: казаки настаивали на законодательных функциях, Деникин был согласен на законосовещательные [46].

Свой вариант выхода из создавшегося тупика предлагал кубанцам оренбургский атаман Дутов, занимавший у Колчака пост походного ата-

мана всех казачьих войск и генерал-инспектора кавалерии русской армии. Дутов надеялся на соединение и предлагал отстаивать казачьи права после победы над большевиками: «...а там общей казачьей семьей мы и решим, кто и где будет» [47]. Но вряд ли оренбургский атаман, чье войско было гораздо меньше кубанского, был авторитетом для украиноязычных «черноморцев». Еще одним раздражающим фактором для них стали бои деникинцев с петлюровцами на территории Украины.

Необходимо отметить, что, сопротивляясь деникинцам, казачьи войска не были едины. Советская разведка сообщала в июле 1919 г.: «Последнее время между кубанцами и донцами наблюдаются разногласия» [48]. То же наблюдалось внутри Кубанской области, где шла борьба «черноморцев» и «линейцев». Кубанская делегация в Париже, относительно неоднородная, не имея на то достаточных полномочий, просила принять Кубань в Лигу Наций [49], и в июле 1919 г. заключила договор о дружбе с враждебным терскому казачеству Меджлисом горских народов.

В сентябре 1919 г. кубано-«добровольческие» противоречия стали известны советской разведке. 11 сентября разведсводка Южного фронта сообщала: «По слухам, генерал Деникин переехал из Екатеринодара будто бы в связи с волнением кубанцев, которые возмущены сбором хлеба англичанами. Кубанцы покидают фронт эшелонами с артиллерией и обозами, направляют на родину для защиты своих интересов» [50]. Взятые пленные показали, что «англичане приезжали менять машины на хлеб... кубанцы протестуют, были столкновения» [51]. Большевистское подполье в Ростове объясняло причины конфликта так: «Причина конфликта ясная. Деникин заставляет Кубань расплачиваться хлебом и другим сырьем с Англией за получаемое вооружение и обмундирование, которым снабжает главным образом Добровольческую армию... Кроме того кубанцы требуют расширения своей территории за счет Донской области в награду за то, что защищали Дон...» [52].

15 октября 1919 г. Политбюро РКП(б) решает: «Запросить Реввоенсовет Юговостфронта и Донской исполком о способах использования в военно-политических целях антагонизма донцов и кубанцев с Деникиным (использование Миронова)» [53]. Примерно в это же время казачьи делегации в Париже выходят на контакт с большевиками и передают им некие предложе-

ния через французского социалиста Ф. Лорио [54]. И хотя обращался к Ф. Лорио непосредственно представитель Дона П. Скачков, Деникин, раздраженный несговорчивостью кубанцев, организовал на Кубани переворот [55].

Во время протекавшего на Кубани противостояния на заседании Южно-Русской конференции было зачитано письмо кубанского представителя Макаренко с просьбой отложить работу конференции до конца заседаний Рады. Макаренко предполагал, что кубанскую делегацию вообще могут отозвать [56], т. е. указывал на возможность срыва всей работы конференции.

Работа конференции сорвана не была, но на создание Южно-Русского правительства Деникин пошел лишь 25–26 января (7–8 февраля) 1920 г., когда борьба была практически проиграна, а большая часть территории Дона белыми утрачена. Как считал А.И. Деникин, «обе стороны пришли к соглашению под давлением обстановки, без особой радости и без больших надежд» [55, с. 329].

Таким образом, Южно-Русская конференция и попытки создания Южно-Русского правительства были отголоском автономистских (донцы и «линейцы») и федералистских («черноморцы») настроений казаков Юга России. «Автономисты» надеялись отстоять свои права путем объединения казачьих квазигосударственных образований, «федералисты» искали поддержку у соседних национальных регионов. Попытки и тех и других были обречены, поскольку не наблюдалось единства среди самих казачьих структур, а некоторые из привлекаемых «федералистами» субъектов стремились к полному отделению от России. Настроения казачьих образований шли в разрез с идеями Единой и Неделимой России, проводимыми руководством ВСЮР. Само «добровольческое» командование шло на уступки казачьим структурам лишь в условиях поражений и в целом смогло не допустить создания какого-либо федеративного образования на Юге России.

Литература

1. Гагкуев Р.Г. Белое движение на Юге России. Военное строительство, источники комплектования, социальный состав. 1917–1920 гг. М., 2012. 704 с.
2. Пученков А.С. Антибольшевистское движение на Юге и Юго-Западе России (ноябрь 1917 – январь 1919 гг.): идеология, политика, основы режима вла-

сти: дис. ... д-ра ист. наук. СПб.: Санкт-Петербургский ин-т истории РАН, 2014. 958 с.

3. Пученков А.С. Национальный вопрос в идеологии и политике южнорусского Белого движения в годы Гражданской войны. 1917–1919 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2005. 25 с.

4. Цветков В.Ж. Основные тенденции и перспективы изучения Белого движения // Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: очерки истории и историографии. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. С. 239–260.

5. Скаба А.Д. Парижская мирная конференция и иностранная интервенция в стране Советов (январь – июнь 1919 г.). Киев: Наукова думка, 1971. С. 29–30.

6. Деникин А.И. Очерки русской смуты. Минск: Харвест, 2002. Т. 4. С. 46.

7. Скобцов Д.Е. Драма Кубани // Белое дело. Кубань и Добровольческая армия. М.: Голос, 1992. С. 300.

8. Кубанская Рада о возрождении России // Приазовский край. 1918. 15 (28) нояб. С. 1.

9. В Кубанской Раде // Приазовский край. 1919. 19 февр. (4 марта). С. 1.

10. Резолюция Кубанской Рады // Приазовский край. 1919. 20 февр. (5 марта). С. 1.

11. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 861. Оп. 1. Д. 25. Л. 53 об.

12. Добрынин В. Дон в борьбе с коммуной на Донце и Маныче (февраль – май 1919 г.). Прага, 1922. С. 23.

13. Телеграмма от Колчака Донскому атаману // Приазовский край. 1919. 2 (15) апр. С. 1.

14. Юго-Восточный союз // Приазовский край. 1919. 24 апр. (7 мая). С. 1.

15. Большой Войсковой круг: доклад В.А. Харламова // Приазовский край. 1919. 23 апр. (6 мая). С. 2.

16. Зимина В.Д. Белое дело взбунтовавшейся России. М.: РГГУ, 2006. С. 258.

17. Украинское посольство // Приазовский край. 1919. 10 (23) марта. С. 1.

18. Приказ ген. Деникина // Приазовский край. 1919. 21 марта (3 апр.). С. 1.

19. Южно-русская конференция // Приазовский край. 1919. 4 (17) апр.

20. Юго-Восточный союз // Приазовский край. 1919. 31 марта (13 апр.).

21. Конференция южных правительств // Приазовский край. 1919. 18 апр. (1 мая).

22. Большой Войсковой круг: на Кубани // Приазовский край. 1919. 23 апр. (6 мая). С. 2.

23. Особый совет по делам торговли // Приазовский край. 1919. 2 (15) мая. С. 1.

24. Большой Войсковой круг: выборы в комиссии // Приазовский край. 1919. 15 (28) мая. С. 2.
25. Съезд горнопромышленников Юга России // Приазовский край. 1919. 12 (25) мая. С. 3.
26. Соколов К.Н. Правление генерала Деникина // Белое дело. Кубань и Добровольческая армия. М. : Голос, 1992. С. 84.
27. ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 4211. Л. 60 об.
28. Прибытие терцев // Приазовский край. 1919. 30 мая (12 июня). С. 1.
29. Гражданская война и военная интервенция в СССР. 1918–1922 : энциклопедия. М. : Советская энциклопедия, 1983. С. 423.
30. Политический банкет // Приазовский край. 1919. 2 (15) июня. С. 1.
31. К признанию адмирала Колчака // Приазовский край. 1919. 4 (17) июня. С. 1.
32. Телеграмма ген. Деникина // Приазовский край. 1919. 6 (19) июня. С. 1.
33. Филимонов А.П. Разгром Кубанской Рады // Белое дело. Кубань и Добровольческая армия. М. : Голос, 1992. С. 287.
34. Слухи о судьбе Особого Совещания // Приазовский край. 1919. 9 (22) июня. С. 2.
35. В Законодательной Раде // Приазовский край. 1919. 16 (29) июня. С. 1.
36. Почешхов Н.А. Социально-экономические и военно-политические проблемы в северо-западных районах Юга Европейской России в период гражданской войны (1917–1921 гг.). Ростов н/Д. : Изд-во Рост. ун-та, 2006. С. 131.
37. Гражданская власть на Юге России // Приазовский край. 1919. 29 июня (12 июля). С. 1.
38. А-в Вл. Работы Южно-русской конференции // Приазовский край. 1919. 14 (27) июля. С. 1.
39. Речь генерала Деникина на Терском Круге // Приазовский край. 1919. 6 (19) июля. С. 1.
40. Всероссийский Национальный Центр о Южно-Русском союзе // Приазовский край. 1919. 22 июня (5 июля). С. 2.
41. Макаров П.В. Адъютант генерала Май-Маевского. Из воспоминаний начальника отряда красных партизан в Крыму. Л. : Прибой, 1929. С. 61.
42. Казачество. Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. Ростов н/Д. : Ростиздат, 1992. С. 123.
43. Основные положения генерала Деникина // Приазовский край. 1919. 20 июля (2 авг.). С. 1.
44. Указания главнокомандующего представителям Южно-Русской конференции // Приазовский край. 1919. 26 июля (8 авг.). С. 1.
45. Малиновский И. Автономизм или федерализм // Приазовский край. 1919. 11 (24) июля. С. 1.
46. Южно-Русская конференция // Приазовский край. 1919. 23 июля (5 авг.). С. 1.
47. ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 4208. Л. 3.
48. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 100. Оп. 3. Д. 340. Л. 211.
49. Ходатайство Быча // Приазовский край. 1919. 2 (15) июля. С. 2.
50. РГВА. Ф. 100. Оп. 3. Д. 2213. Л. 45.
51. РГВА. Ф. 192. Оп. 3. Д. 1333. Л. 420 об.
52. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 554. Оп. 1. Д. 3. Л. 44.
53. Деятельность Центрального Комитета партии в документах (события и факты). 14 октября – 1 ноября 1919 г. // Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 165.
54. Венков А.В. Антисоветские органы разведки и контрразведки на Дону в 1918–1919 годы // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2018. № 1. С. 81.
55. Венков А.В. Кубанский казачий сепаратизм в годы Гражданской войны на юге России. Саарбрюкен : LAP, 2015. С. 292–298.
56. К созданию южно-русской власти // Приазовский край. 1919. 3 (16) нояб. С. 1.

References

1. Gagkuev R.G. *Beloe dvizhenie na Yuge Rossii. Voennoe stroitel'stvo, istochniki komplektovaniya, sotsial'nyi sostav. 1917–1920 gg.* [White Movement in the South of Russia. Military Construction, Sources of Recruitment, Social Composition. 1917–1920]. Moscow, 2012, 704 p.
2. Puchenkov A.S. *Antibol'shevistskoe dvizhenie na Yuge i Yugo-Zapade Rossii (noyabr' 1917 – yanvar' 1919 gg.): ideologiya, politika, osnovy rezhima vlasti: dis. ... d-ra ist. nauk* [Anti-Bolshevik Movement in the South and South-West of Russia (November, 1917 - January, 1919): Ideology, Politics, the Basis of the Regime of Power]. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskii in-t istorii RAN, 2014, 958 p.
3. Puchenkov A.S. *Natsional'nyi vopros v ideologii i politike yuzhnorusskogo Belogo dvizheniya v gody Grazhdanskoi voyny. 1917–1919 gg.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [The National Question in the Ideology and Politics of the South Russian White Movement During the Civil War. 1917–1919]. Saint Petersburg, 2005, 25 p.
4. Tsvetkov V.Zh. [The Main Trends and Prospects in the Research of the White Movement]. *Rossiya v gody Grazhdanskoi voyny, 1917–1922 gg.: ocherki istorii i istoriografii* [Russia During the Civil War, 1917–1922: Essays on History and Historiography]. Moscow; Saint

Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2018, pp. 239-260.

5. Skaba A.D. *Parizhskaya mirnaya konferentsiya i inostrannaya interventsia v strane Sovetov (yanvar' – iyun' 1919 g.)* [Paris Peace Conference and Foreign Intervention in the Country of the Soviets (January - June, 1919)]. Kiev: Naukova dumka, 1971, pp. 29-30.

6. Denikin A.I. *Ocherki russkoi smuty* [Sketches of Russian Distemper]. Minsk: Kharvest, 2002, vol. 4, p. 46.

7. Skobtsov D.E. [Kuban Drama]. *Beloe delo. Kuban' i Dobrovol'cheskaya armiya* [White Case. Kuban and the Volunteer Army]. Moscow: Golos, 1992, p. 300.

8. Kubanskaya Rada o vrozozhdenii Rossii [Kuban Rada on the Revival of Russia]. *Priazovskii krai*. 1918, Nov. 15 (28), p. 1.

9. V Kubanskoi Rade [In Kuban Rada]. *Priazovskii krai*. 1919, Feb. 19 (March 4), p. 1.

10. Rezolyutsiya Kubanskoi Rady [Revolution of Kuban Rada]. *Priazovskii krai*. 1919, Feb. 20 (March 5), p. 1.

11. *Gosudarstvennyi arkhiv Rostovskoi oblasti (GARO)* [State Archive of Rostov Region (SARR)]. Fund 861. In. 1. File 25. L. 53 ob.

12. Dobrynin V. *Don v bor'be s kommunoi na Dontse i Manyche (fevral' – mai 1919 g.)* [Don in the Fight against the Commune on the Donets and Manych (February – May, 1919)]. Praga, 1922, p. 23.

13. Telegramma ot Kolchaka Donskomu atamanu [Telegram from Kolchak to Don Ataman]. *Priazovskii krai*. 1919, Apr. 2 (15), p. 1.

14. Yugo-Vostochnyi soyuz [Southeast Union]. *Priazovskii krai*. 1919, Apr. 24 (May 7), p. 1.

15. Bol'shoi Voiskovoi krug: доклад V.A. Kharlamova [The Big Military Circle: Report of V.A. Kharlamov]. *Priazovskii krai*. 1919, Apr. 23 (May 6), p. 2.

16. Zimina V.D. *Beloe delo vzbuntovavsheysia Rossii* [White Case of Rebellious Russia]. Moscow: RGGU, 2006, p. 258.

17. *Ukrainskoe posol'stvo* [Ukrainian Embassy]. *Priazovskii krai*. 1919, March 10 (23), p. 1.

18. Prikaz gen. Denikina [The Order of the General Denikin]. *Priazovskii krai*. 1919, March 21 (Apr. 3), p. 1.

19. Yuzhno-russkaya konferentsiya [South Russian Conference]. *Priazovskii krai*. 1919, Apr. 4 (17).

20. Yugo-Vostochnyi soyuz [South Russian Union]. *Priazovskii krai*. 1919, March 31 (Apr. 13).

21. Konferentsiya yuzhnykh pravitel'stv [Southern Governments Conference]. *Priazovskii krai*. 1919, Apr. 18 (May 1).

22. Bol'shoi Voiskovoi krug: na Kubani [Large Military Circle: on the Kuban]. *Priazovskii krai*. 1919, Apr. 23 (May 6), p. 2.

23. *Osobyi sovet po delam trgovli* [Special Trading Council]. *Priazovskii krai*. 1919, May 2 (15), p. 1.

24. Bol'shoi Voiskovoi krug: vybory v komissii [The Big Military Circle: Commission Elections]. *Priazovskii krai*. 1919, May 15 (28), p. 2.

25. S"ezd gornopromyshlennikov Yuga Rossii [Conference of Miners of the South of Russia]. *Priazovskii krai*. 1919, May 12 (25), p. 3.

26. Sokolov K.N. [Rulling of General Denikin]. *Beloe delo. Kuban' i Dobrovol'cheskaya armiya* [White Case. Kuban and the Volunteer Army]. Moscow: Golos, 1992, p. 84.

27. GARO [SARR]. Fund 46. In. 1. File 4211. L. 60 ob.

28. Pribytie tertsev [Arrival of Tertsy]. *Priazovskii krai*. 1919, May 30 (June 12), p. 1.

29. *Grazhdanskaya voina i voennaya interventsia v SSSR. 1918–1922* [Civil War and Military Intervention in the USSR. 1918-1922]. Encyclopedia. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1983, p. 423.

30. Politicheskii banket [Political Banquet]. *Priazovskii krai*. 1919, June 2 (15), p. 1.

31. K priznaniyu admirala Kolchaka [To the admiral Kolchak's confession]. *Priazovskii krai*. 1919, June 4 (17), p. 1.

32. Telegramma gen. Denikina [Telegram of General Kolchak]. *Priazovskii krai*. 1919, June 6 (19), p. 1.

33. Filimonov A.P. [The Defeat of the Kuban Rada]. *Beloe delo. Kuban' i Dobrovol'cheskaya armiya* [White Case. Kuban and the Volunteer Army]. Moscow: Golos, 1992, p. 287.

34. Slukhi o sud'be Osobogo Soveshchaniya [Rumors about the Fate of the Special Session]. *Priazovskii krai*. 1919, June 9 (22), p. 2.

35. V Zakonodatel'noi Rade [In the Legislative Rada]. *Priazovskii krai*. 1919, June 16 (29), p. 1.

36. Pocheshkhov N.A. *Sotsial'no-ekonomicheskie i voenno-politicheskie problemy v severo-zapadnykh raionakh Yuga Evropeiskoi Rossii v period grazhdanskoi voiny (1917–1921 gg.)* [Socio-economic and Military-political Problems in the North-western Regions of Southern European Russia during the Civil War (1917-1921)]. Rostov-on-Don: Izd-vo Rost. un-ta, 2006, p. 131.

37. *Grazhdanskaya vlast' na Yuge Rossii* [Civil Power in the South of Russia]. *Priazovskii krai*. 1919, June 29 (July 12), p. 1.

38. A-v VI. Raboty Yuzhno-russkoi konferentsii [Works of the South Russian Conference]. *Priazovskii krai*. 1919, July 14 (27), p. 1.

39. Rech' generala Denikina na Terskom Kruge [The Speech of General Denikin on the Terek Circle]. *Priazovskii krai*. 1919, July 6 (19), p. 1.

40. Vserossiiskii Natsional'nyi Tsentr o Yuzhno-Russkom soyuze [All-Russian National Center on the South-Russian Union]. *Priazovskii krai*. 1919, June 22 (July 5), p. 2.

41. Makarov P.V. *Ad'yutant generala Mai-Maevskogo. Iz vospominanii nachal'nika otryada krasnykh partizan v Krymu* [Adjutant of General Mai-Mayevsky. From the Memoirs of the Chief of the Red Partisan Detachment in the Crimea]. Leningrad: Priboi, 1929, p. 61.
42. *Kazachestvo. Mysli sovremennikov o proshlom, nastoyashchem i budushchem kazachestva* [Cossacks. Thoughts of Contemporaries about the Past, Present and Future of the Cossacks]. Rostov-on-Don: Rostizdat, 1992, p. 123.
43. Osnovnye polozheniya generala Denikina [The Main Provisions of General Denikin]. *Priazovskii krai*. 1919, July 20 (Aug. 2), p. 1.
44. Ukazaniya glavnokomanduyushchego predstaviteleyam Yuzhno-Russkoi konferentsii [Instructions of the Commander-in-Chief to the Representatives of the South-Russian Conference]. *Priazovskii krai*. 1919, July 26 (Aug. 8), p. 1.
45. Malinovskii I. Avtonomizm ili federalizm [Autonomy or Federalism]. *Priazovskii krai*. 1919, July 11 (24), p. 1.
46. Yuzhno-Russkaya konferentsiya [South Russian Conference]. *Priazovskii krai*. 1919, July 23 (Aug. 5), p. 1.
47. GARO [SARR]. Fund 46. In. 1. File 4208. L. 3.
48. Rossiiskii gosudarstvennyi voennyi arkhiv (RGVA) [Russian State Military Archive (RSMA)]. Fund 100. In. 3. File 340. L. 211.
49. Khodataistvo Bycha [Petition of Bych]. *Priazovskii krai*. 1919, July 2 (15), p. 2.
50. RGVA [RSMA]. Fund 100. In. 3. File 2213. L. 45.
51. RGVA [RSMA]. Fund 192. In. 3. File 1333. L. 420 ob.
52. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii (RGASPI) [Russian State Archive of Social and Political History (RSASPH)]. Fund 554. In. 1. File 3. L. 44.
53. Deyatel'nost' Tsentral'nogo Komiteta partii v dokumentakh (sobytiya i fakty). 14 oktyabrya – 1 noyabrya 1919 g. [The Activities of the Central Committee of the Party in the Documents (events and facts). October 14 - November 1, 1919]. *Izvestiya TsK KPSS*. 1990, No. 4, p. 165.
54. Venkov A.V. Antisovetskie organy razvedki i kontrrazvedki na Donu v 1918–1919 gody [Anti-Soviet Intelligence and Counterintelligence Agencies on the Don in 1918–1919]. *Izv. vuzov. Sev.-Kavk. region. Obshchestv. nauki*. 2018, No. 1, p. 81.
55. Venkov A.V. *Kubanskii kazachii separatizm v gody Grazhdanskoi voyny na yuge Rossii* [Kuban Cossack Separatism during the Civil War in Southern Russia]. Saarbrücken: LAP, 2015, pp. 292–298.
56. K sozdaniyu yuzhno-russkoi vlasti [To the Creation of the Southern Russian Government]. *Priazovskii krai*. 1919, Nov. 3 (16), p. 1.

Поступила в редакцию / Received

24 апреля 2019 г. / April 24, 2019

УДК 94(470.62/.67)«19»

DOI 10.23683/0321-3056-2019-2-62-66

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ СЕВЕРОКАВКАЗСКОГО ФРОНТИРА (КОНЕЦ XVIII – СЕРЕДИНА XIX В.)

© 2019 г. А.А. Вертикова ^а

^а Армавирский государственный педагогический университет, Армавир, Россия

TRANSFORMATION OF ETHNIC IDENTITY IN THE CONDITIONS OF THE NORTH CAUCASIAN FRONTIER (THE END OF 18th - THE MIDDLE OF 19th CENTURIES)

A.A. Vertikova ^а

^а Armavir State Pedagogical University, Armavir, Russia

Вертикова Анна Андреевна –
аспирант,
кафедра всеобщей и отечественной истории,
Армавирский государственный
педагогический университет,
ул. Р. Люксембург, 159, г. Армавир, 352901, Россия.
E-mail: a.vertikova@mail.ru

Anna A. Vertikova -
Postgraduate,
Department of General and National History,
Armavir State
Pedagogical University,
R. Lyuksemburg St., 159, Armavir, 352901, Russia.
E-mail: a.vertikova@mail.ru

Анализируется, как в условиях фронта происходил процесс интеграции народов Северного Кавказа в социокультурное пространство России. Объектом исследования послужили отдельные представители северокавказских этносов, вошедшие в контакт с российской действительностью в первой половине XIX в., когда интеграционный процесс еще только набирал силу. Выявлено, что процесс аккультурации, которому подвергались представители этносов региона, поступая на военную службу в российскую армию, имел различный уровень интенсивности. В зависимости от длительности и частоты российско-горских контактов, ряда субъективных факторов, активные участники интеграционного процесса в регионе со стороны коренного населения могли либо сохранять прежнюю этническую идентичность и традиционный образ жизни, либо оказывались в состоянии пограничной идентичности.

Ключевые слова: фронт, этническая идентичность, многоуровневая идентичность, пограничная идентичность, аккультурация, социокультурная интеграция, северокавказское просветительство, российскость.

The article analyzes the process of integration of the North Caucasus peoples into the sociocultural space of Russia which took place in the conditions of the frontier. The object of the research is the individual representatives of the North Caucasian ethnic groups who came into contact with the Russian reality in the first half of 19th century, when the integration process was still gaining in intensity. The study revealed that the process of acculturation, to which representatives of ethnic groups in the region were subjected, while entering military service in the Russian army, had a different level of intensity. Depending on the duration and intensity of contacts between Russia and the highlanders, a number of subjective factors, active participants in the integration process in the region by the indigenous population either maintained the same ethnic identity and traditional lifestyle, or found themselves in a state of borderline identity.

Keywords: frontier, ethnic identity, multi-level identity, borderline identity, acculturation, sociocultural integration, North Caucasian enlightenment, Russianness.

С конца XX в. в зарубежной и отечественной науке активно разрабатываются новые подходы к осмыслению и анализу северокавказских исторических событий, прежде всего Кавказской войны, с применением теории фронта [1, р. 227–248].

В первой половине XIX в. в условиях северокавказского фронта шел процесс поступательного российско-горского сближения, в дальнейшем переросший в социокультурную интеграцию. Пути такого сближения были различны. Так, представители горской феодальной

знати могли оказаться в системе российского влияния, зачислившись в казачье сословие. Например, в 1807 г. 20 абазин-клычевцев были приняты в Кубанский линейный казачий полк. Абазинскому князю Атажуку Клычеву был дан чин хорунжего. Но опыт оказался неудачен. В 1813 г. хорунжий А. Клычев, уличенный «в грабежах», бежал к немирным горцам [2, с. 37].

По мнению С.Л. и Д.С. Дударевых, традиционная северокавказская набеговая практика в процессе российско-горского сближения, оказавшись вне российских законов, постепенно «переместилась из прикладной в идеологическую плоскость, приобретя фольклорно-этнографический оттенок». Одновременно военная культура этносов Северного Кавказа постепенно вписывалась в общероссийский военно-культурный контекст, в чем исследователи видят воплощение процессов российскости [3, с. 91–92].

Учитывая специфику ментальности и образа жизни северокавказской этнической элиты, служба в российской армии являлась наиболее распространенным способом вовлечения в российскую социальную среду, и к середине XIX в. подобный опыт у народов региона стал массовым.

Подобный личностный выбор горской знати сопровождался состоянием «расколотов идентичности», которое было вызвано, с одной стороны, их статусом российских офицеров или чиновников, а с другой – этническим происхождением и сохранявшимися связями с родным социумом. Однако, испытывая внутренний конфликт «идентичностей долга службы и чувства солидарности, общности кровных уз, каждый из горцев преодолевал и переживал его самостоятельно» [4, с. 107], приходя в итоге к тому или иному решению.

Представитель кабардинских феодалов Адиль-Гирей Хаджи Атажукин с 1795 по 1799 г. находился в российской ссылке в г. Екатеринославе. Ее причиной стало участие Атажукина в шариятском движении на Кавказе. Дослужившись до звания майора российской армии, участвуя на стороне Российской империи в русско-турецкой войне 1787–1791 гг., он, тем не менее, неоднократно нарушал присягу, данную российскому императору. В 1800 г. бежал к закубанским абазинам и собирался насильно увести с собой кумских абазин, являвшихся подданными Российской империи [5, с. 21]. Деятельность А.-Г. Атажукина становится вполне

понятна, если учесть, что он в свое время обучался арабской и татарской грамоте, а также совершил хадж в Мекку. Современные исследователи характеризуют его как приверженца традиционной культурной ориентации [3, с. 93].

В 1808 г. пристав Кабарды И.П. Дельпоццо в своем труде «Записка о Большой и Малой Кабарде» писал: «Есть некоторые из владельцев, коим Россия старалась давать все средства, чтобы могли пользоваться и сносить лучшую жизнь, и именно: владелец полковник Атажук Хаммурзин служил в последней войне против турок, пожалован бриллиантовою медалью и по некоторому сомнению был сослан жить в Екатеринбург, оставил все русское и принял свои кабардинские обычаи. Это отчего? Ежели ни есть от того, что наш образ жизни имеет перед их глазами противное» [6].

Данный взгляд при ближайшем рассмотрении оказывается односторонним, так как по материалам новейших исследований становится ясно: в отличие от А.-Г. Атажукина, А. Хаммурзин, сохранив свою культурную идентичность, в политической сфере, в конечном итоге, выбрал российскую сторону; так, в 1804 г. он принимал участие в подавлении восстания кабардинцев против российских властей [3, с. 94].

Наряду с А. Хаммурзиным, столь же критично кабардинский пристав охарактеризовал еще двух князей, оказавшихся в сфере российского влияния: Темирбулата Мисостова, обучавшегося в Горном кадетском корпусе в Петербурге, а затем служившего в Новотроицком кирасирском полку, и Измаил-Бея Атажукина. По поводу последнего И.П. Дельпоццо указывал, что «полковник Измаил Атажуков служил в армии... после долго жил в Петербурге, пожалован кавалером ордена святого великомученика Георгия 4-го класса и бриллиантовою медалью, говорит и пишет по-русски и по-французски и имеет жалованья 3000 руб.; получив столь много милостей, как бы надлежало мыслить о нем. Правда, что он живет в Георгиевске, но в прочем все напротив: он жену свою держит в Кабарде, сына родного, который имеет 10 лет от роду, отдал на воспитание одному своему узденю, молодому и весьма глупому человеку. Когда едет в Кабарду, снимает с себя крест, медаль и темляк положит в карман» [6].

Измаил Атажукин был ярким общественным деятелем Кабарды рубежа XVIII – XIX вв. Он принадлежал к наиболее ранней плеяде северокавказских просветителей (или, по мнению со-

временных исследователей, был ближайшим предшественником просветителей). Наряду с русским и французским владел турецким и татарским языками. Ему принадлежат работы: «Краткое описание жителей горских Черкес», «Записка о жителях Кавказа», «О беспорядках на Кавказской линии и способах прекратить оные» [3, с. 95]. Атажукин стремился решать российско-горские противоречия мирным путём. Этот неординарный человек старался сохранять свою традиционную культуру, одновременно получив прекрасное европейское образование. Предположительно именно он стал прототипом главного героя поэмы М.Ю. Лермонтова «Измаил-Бей» [7, с. 6]. Из приведенных биографических сведений становится ясно, что И. Атажукин являлся носителем многоуровневой идентичности, вмещавшей не только кавказскую, но и российскую культурную составляющую.

Процесс аккультурации, особенно на начальной стадии, не отличался стабильной поступательностью и мог быть прерван. Среди факторов, определявших верность данной российскому императору присяги, были «степень успешности карьеры, особенности отношений с сослуживцами и начальством, наличие/отсутствие устойчивых личных связей с членами горской оппозиции имперской власти, приверженность религиозным верованиям» [4, с. 107].

В своих воспоминаниях генерал Г.И. Филиппсон воссоздает обобщенный образ российского военного, вышедшего из среды народов Северного Кавказа: «Горец славился подвигами, и если ожидал, что русское начальство подвергнет его наказанию, то бежал к немирным и там старался обратить на себя особенное внимание предприимчивостью и удалством. Часто такие беглецы делались известными предводителями хищнических партий. Случалось и то, что из мирных бежали к немирным люди, ни за что не преследуемые, но собственно, чтобы прославиться своими подвигами и усовершенствоваться в разбойничьей войне. Чрез такую высшую академию прошли многие молодые люди, как например абазинский князь Мамат-Гирей Лоов, Адиль-Гирей Капланов-Нечев, впоследствии бывшие генерал-майорами (Г.И. Филиппсон ошибается: оба упомянутых князя дослужились в российской армии до чина полковника. – А.В.), носившие тонкое белье и кутившие хорошие сигары» [8, с. 97].

Следует отметить, что упомянутые Г.И. Филиппсоном ногайский и абазинский князья, вопреки своему непростому прошлому, в конечном итоге обрели стойкую пророссийскую ориентацию, оказав существенное влияние на упрощение российско-горского интеграционного процесса. Так, М.-Г. Лоов после тридцати пяти лет службы в российской армии в 1863 г. завершил свою военную карьеру в чине полковника и продолжил «служить правительству на поприще гражданской деятельности»: он принимал участие в наделении горцев землей, в освобождении крестьян от крепостной зависимости, способствовал обезоруживанию населения после завершения Кавказской войны и учреждению в регионе земской стражи. Но, пожалуй, наиболее значимой можно считать его деятельность в образовательной сфере. Лоов содействовал открытию горских школ, поддерживал кавказских мальчиков, учившихся в Ставропольской гимназии. Своим личным примером бывший полковник способствовал распространению гражданского сознания среди горской молодежи в 1860-е гг. [9, с. 82–83].

Примерно так же, как у М.-Г. Лоова, складывалась карьера у осетина М.А. Кундухова, который в 12 лет был отправлен в Петербург. Военная служба для него началась после окончания в 1836 г. Павловского военного училища. Он участвовал в свите именитых горцев, сопровождавших Николая I в поездке по Северному Кавказу; ему неоднократно поручалось мирное урегулирование конфликтов с местными народами; с 1846 г. находился в Варшаве для вербовки офицеров в горский кавалерийский полк, который входил в состав дислоцированной в Польше российской армии; в годы Крымской войны руководил организацией горского конного ополчения; с конца 1850-х гг. – назначен начальником Военно-Осетинского, затем – Чеченского округа, в 1860 г. ему было присвоено звание генерал-майора [10].

Совершенно неожиданно М.А. Кундухов в 1865 г. переезжает в Турцию. Спустя несколько лет, в ходе русско-турецкой войны 1877–1878 гг. сражался против бывших своих сослуживцев. По мнению В.В. Дегоева, именно успешная карьера вынудила М. Кундухова «острее ощутить трагическую раздвоенность человека, пришедшего через трудный опыт к нравственному выбору – долг перед царем или долг перед своим народом: с некоторых пор в

его представлениях одно стало исключать другое» [10].

М.А. Кундухов представлял собой характерный тип человека пограничной идентичности. Увлеченный идеями преобразования, модернизации Кавказа, он стремился активно участвовать в этом процессе, боролся и беспощадно искоренял традиционные нормы жителей региона, при этом частично сам находился под властью обычая: в своих воспоминаниях он признается, что в соответствии с законом кровной мести, убил «одного негодяя». На исходе Кавказской войны и в первые послевоенные годы, стал испытывать глубокий конфликт между идеальными представлениями о роли России в регионе и действительностью, когда он стал очевидцем ошибок царских властей при решении земельного, сословного и религиозного вопросов на Северном Кавказе.

В пространстве северокавказского фронта встречались эпизоды многократных переходов горцев с одной на другую сторону. В этом отношении показательна биография чеченца Бата Шамурзаева, попавшего в детстве в плен к русским. Начав служить в российской армии, Шамурзаев некоторое время занимал должность переводчика при начальнике левого фланга Кавказской линии, но из-за конфликта с сослуживцами бежал к Шамилю. Имам назначает переезжчика наибом, но по причине излишне независимого поведения, Б. Шамурзаев лишается должности. Это становится поводом нового бегства: уже на сторону России. Здесь он активно участвует в процессе переселения чеченцев на равнину, получает чин поручика и должность Качкалыковского наиба в Чечне [11, с. 127–128].

Пограничная идентичность периода российско-горского интеграционного процесса проявлялась не только в форме смены политической ориентации. Она затрагивала глубинные уровни личности, что очень хорошо демонстрируют биографические сведения отдельных горцев, вошедших в контакт с российской культурой. Анализ поведения личности в условиях фронта представлен в художественном творчестве северокавказского просветителя А.-Г. Кешева. В своих произведениях он неоднократно возвращается к судьбе горца, вовлеченного в российско-кавказский интеграционный процесс. Для «своих» такой человек становится «урусом», потому что живет среди иноверцев, русских [12, с. 29].

Итак, понимание механизма культурной адаптации, которую испытывали участники российско-горского интеграционного процесса в условиях северокавказского фронта, можно получить, анализируя судьбы российских военных из горской среды. Данная категория местного населения в первой половине XIX в. была многочисленна. Причем существует явно выраженная тенденция увеличения этой группы людей фронта к завершающей стадии Кавказской войны.

Можно выделить несколько стандартных сценариев аккультурационного процесса, который претерпевали участники северокавказского фронта из числа военных горцев. Во-первых, значительная часть горцев так и не смогла интегрироваться в российское социокультурное пространство. Данная группа стала более многочисленной на рубеже XVIII – XIX вв., когда тенденция сближения между двумя культурами только набирала динамику.

Гораздо более массовая часть представителей северокавказских этносов, вошедших в контакт с российским миром в условиях Кавказской войны, сохранила избранный вектор сближения с Россией. Эта новая генерация горцев, с одной стороны, сохраняла многие черты своей этнической культуры и менталитет, но при этом имела прочную ориентацию на Россию, а также четкое представление о новых культурных стандартах [3, с. 104]. В рамках второй группы горцев, вошедших в тесное взаимодействие с российской культурной средой, можно выделить опять-таки как минимум два личностных сценария. Одни весьма удачно проходили аккультурацию, становясь носителями многоуровневой идентичности (этнической, региональной, государственной), другие – испытывали тяжелый личностный кризис, который был обусловлен длительным сохранением пограничной идентичности, когда человек фронта, оказываясь «выброшен» из привычной этнической среды и не мог основательно адаптироваться в российском социокультурном пространстве.

Литература

1. Barret T.M. Crossing Boundaries: The Trading Frontiers of the Terek Cossacks // Russia's Orient: Imperial Borderlands and Peoples, 1700–1917 / ed. by D. R. Brower, E. J. Lazzerini. Bloomington, 1997.
2. Колесников В.А. Из ранней истории Кубанского линейного казачьего полка // Вопросы северокавказского региона.

рокавказской истории : сб. науч. ст. аспирантов и соискателей. Вып. 1. Армавир : Изд-во АГПИ, 1996. С. 33–37.

3. Дударев Д.С., Дударев С.Л. Северный Кавказ глазами представителей российского общества первой половины – середины XIX века. Армавир; Ставрополь : Дизайн-студия Б, 2017. 402 с.

4. Урушадзе А.Т. Генезис фронтирных идентичностей в эпоху Кавказской войны // Научная мысль Кавказа. 2014. № 4. С. 100–110.

5. Абазины : историко-этнографический очерк. Черкесск : Карачаево-Черкесское отд.-е Ставропольского кн. изд-ва, 1989. 234 с.

6. Дельпоццо И.П. Записка о Большой и Малой Кабарде // Восточная литература. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1800-1820/Skassi/text1.htm> (дата обращения: 12.02.2019).

7. Виноградов А.В. Лермонтовская Кубань (историко-литературоведческие этюды). Армавир : Изд-во АГПИ, 1997. 64 с.

8. Филипсон Г.И. Кавказская война. Воспоминания. М. : Университетская типография, 1885.

9. Виноградов В.Б., Ктиторова О.В. Воплощение «российскости» в судьбе Магомет-Гирея Лоова // Вопросы северокавказской истории : науч. сб. Вып. 7. Армавир : АПП, 2002. С. 76–84.

10. Дегоев В.В. Генерал Муса Кундухов: история одной иллюзии. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/K/kunduhov-mussa/memuari/21> (дата обращения: 21.03.2019).

11. Шутова Т.А. Всадник в алом башлыке. К 200-летию со дня рождения М.Ю. Лермонтова // Культура и время. 2014. № 3/4 (53). С. 118–133.

12. Ктиторова О.В. Этническая идентичность в условиях межкультурных контактов // История и обществознание : науч. и учеб.-метод. ежегодник ист. факультета АГПУ. Вып. 13. Армавир : РИО АГПУ, 2016. С. 26–30.

References

1. Barret T.M. Crossing Boundaries: The Trading Frontiers of the Terek Cossacks. *Russia's Orient: Imperial Borderlands and Peoples, 1700-1917*. Ed. by D.R. Brower, E.J. Lazzerini. Bloomington, 1997.

2. Kolesnikov V.A. [From the Early History of the Kuban Linear Cossack Regiment]. *Voprosy severokav-*

kazskoi istorii [Questions of North Caucasian History]. Collection of Scientific Articles of Graduate Students and Applicants. Armavir: Izd-vo AGPI, 1996, iss. 1, pp. 33-37.

3. Dudarev D.S., Dudarev S.L. *Severnyi Kavkaz glazami predstavitelei rossiiskogo obshchestva pervoi poloviny – serediny XIX veka* [The North Caucasus Through the Eyes of Representatives of the Russian Society of the First Half - Mid of 19th Century]. Armavir; Stavropol: Dizain-studiya B, 2017, 402 p.

4. Urushadze A.T. *Genezis frontirnykh identichnostei v epokhu Kavkazskoi voyny* [The Genesis of Frontier Identities in the Age of the Caucasian War]. *Nauchnaya mysl' Kavkaza*. 2014, No. 4, pp. 100-110.

5. *Abaziny* [Abazins]. Historical and Ethnographic Essay. Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskoe otd.-e Stavropol'skogo kn. izd-va, 1989, 234 p.

6. Del'potstso I.P. [Note about the Big and Small Kabarda]. *Vostochnaya literatura*. Available at: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1800-1820/Skassi/text1.htm> (accessed 12.02.2019).

7. Vinogradov A.V. *Lermontovskaya Kuban' (istoriko-literaturovedcheskie etyudy)* [Lermontov's Kuban (Historical and Literary Studies)]. Armavir: Izd-vo AGPI, 1997, 64 p.

8. Filipson G.I. *Kavkazskaya voyna. Vospominaniya* [Caucasian War. Memories]. Moscow: Universitetskaya tipografiya, 1885.

9. Vinogradov V.B., Ktitorova O.V. [The Incarnation of "Russianness" in the Fate of Magomet-Girey Loov]. *Voprosy severokavkazskoi istorii* [Questions of North Caucasian history]. Scientific Collection. Armavir: APP, 2002, Iss. 7, pp. 76-84.

10. Degoev V.V. *General Musa Kundukhov: istoriya odnoi illyuzii* [General Musa Kundukhov: the Story of One Illusion]. Available at: <https://litresp.ru/chitat/ru/K/kunduhov-mussa/memuari/21> (accessed 21.03.2019).

11. Shutova T.A. *Vsadnik v aлом bashlyke. K 200-letiyu so dnya rozhdeniya M.Yu. Lermontova* [Horseman in a Scarlet Hood. To the 200th Anniversary of the Birth of M.Yu. Lermontov]. *Kul'tura i vremya*. 2014, No. 3/4 (53), pp. 118-133.

12. Ktitorova O.V. [Ethnic Identity in the Context of Intercultural Contacts]. *Istoriya i obshchestvoznaniye* [History and Social Studies]. Scientific and Educational Yearbook of the History Department of the ASPU. Armavir: RIO AGPU, 2016, iss. 13, pp. 26-30.

ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ПАДЕНИЯ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ В ОЦЕНКАХ В. Т. СИРОТЕНКО

© 2019 г. Д.А. Волошин ^а

^а Армавирский государственный педагогический университет, Армавир, Россия

PRE-REVOLUTIONARY NATIONAL HISTORIOGRAPHY OF THE FALL OF THE ROMAN EMPIRE IN THE ASSESSMENT OF V. T. SIROTENKO

D.A. Voloschin ^а

^а Armavir State Pedagogical University, Armavir, Russia

Волошин Дмитрий Алексеевич –
кандидат исторических наук, доцент,
кафедра всеобщей и отечественной истории,
Армавирский государственный
педагогический университет,
ул. Р. Люксембург, 159, г. Армавир, 352901, Россия.
E-mail: voloschindim@mail.ru

Dmitry A. Voloschin –
Candidate of History, Associate Professor,
Department of General and National History,
Armavir State
Pedagogical University,
R. Lyuksemburg St., 159, Armavir, 352901, Russia.
E-mail: voloschindim@mail.ru

Представлена характеристика взглядов известного отечественного медиевиста В. Т. Сиротенко, касающихся оценки достижений дореволюционной отечественной историографии в изучении проблем падения Римской империи, специфики взаимоотношений римлян и варваров. Выявлены параметры, определявшие для В. Т. Сиротенко научную значимость того или иного исторического произведения рассматриваемого периода, уровень его прогрессивности и состоятельности; обозначены представления автора относительно степени интегрированности отечественной исторической науки в европейскую. Отмечено, что для В. Т. Сиротенко научное наследие Н. Д. Фюстеля де Куланжа явилось своего рода «антиэталоном», в соотношении с которым он определял состоятельность заключений дореволюционных историков. Выражена степень важности, которую приписывал Сиротенко фактам упорного сопротивления рабов, колонов, мелких свободных крестьян и ремесленников варварским вторжениям и карательным походам, а также свидетельствам их активного участия в защите римских городов.

Взгляды историков, к которым обращается В. Т. Сиротенко (Я. А. Рубан, И. К. Кайданов, Н. В. Гоголь, Т. Н. Грановский, П. Н. Кудрявцев, С. В. Ешевский, И. М. Гревс, П. Г. Виноградов, Д. М. Петрушевский), раскрыты посредством сравнительно-сопоставительных характеристик; выявлена ключевая исследовательская задача В. Т. Сиротенко, заключающаяся в попытке ответа на вопрос, насколько устойчивой можно считать идею о той или иной мере сочувствия угнетенных и обездоленных масс Римской империи к внешнему врагу применительно к данному периоду развития исторической науки.

Ключевые слова: историческая наука, историография, падение Римской империи, варвары.

The article presents the characteristics and outlook of the famous Russian medievalist V. T. Sirotenko regarding the evaluation of the achievements of pre-revolutionary Russian historiography in the study of the problems of the fall of the Roman Empire, the dynamics of the relationship between the Romans and the Barbarians. The parameters of the scientific significance of a particular historical work of the period under consideration, the level of its progressivity and sustainability determined by V. T. Sirotenko are identified; the author's submissions regarding the degree of integration of Russian historical science into the European one are indicated. It is noted that the scientific heritage of N. D. Fustel de Coulanges was a kind of “against the standard” for V. T. Sirotenko, in relation to which he defined the viability of the reports of the pre-revolutionary historians. The degree of importance that Sirotenko attributed to the facts of stiff resistance of slaves, coloni, minor free farmers and craftsmen to barbaric invasions and retributive campaigns, as well as evidence of their active participation in the protection of Roman cities is shown.

The views of the historians referenced in V. T. Sirotenko's works (J.A. Ruban, I.K. Kaidanov, N.V. Gogol, T.N. Granovsky, P.N. Kudryavtsev, S.V. Yeshevsky, I.M. Greaves, P.G. Vinogradov, D.M. Pietrushevsky) are revealed through comparative characteristics; identified key research objective of V. T. Sirotenko. It is the attempt to answer the question of how stable the idea of varying degrees of sympathy for the oppressed and marginalized masses of the Roman Empire to an external enemy can be considered and how is it applicable to the period of development of historical science.

Keywords: *historical science, historiography, fall of the Roman Empire, barbarians.*

Имя В. Т. Сиротенко прочно ассоциируется с целым блоком дискуссионных тем по вопросу перехода от античности к средним векам в Европе. Однако первостепенное внимание исследователь уделял проблеме взаимоотношений, складывавшихся между народными массами римского и варварского миров, активно противодействуя распространению идей своих научных оппонентов, настаивавших на естественности союза местного населения и вторгавшихся варваров.

Высокая оценка достижений отечественной досоветской историографии данной проблемы стала своего рода приметой нашего времени. Выдающиеся ученые, создававшие исторические нарративы на уровне современных им «европейских стандартов», сегодня получают самые лестные и комплиментарные характеристики. Такая ситуация с неизбежностью порождает момент противопоставления тому общему формату восприятия, который доминировал в профессиональной среде советской исторической науки.

В этой связи обращение к историографическим оценкам Василия Трофимовича Сиротенко, который отвергал господствовавшую «в нашей науке теорию союза народных масс Римской империи и варваров как один из факторов перехода от рабовладения к феодализму» [1, с. 131], является вполне уместным и необходимым. Какую характеристику давал представителям дореволюционной науки советский историк, высоко оценивавший вклад классиков марксизма в изучение темы, утверждавший, что в 30-е гг. XX в. советская историография вышла на лидирующие позиции, но при этом кардинально расхопившийся с последней по принципиальным темам?

Изучение структуры и содержания научных изданий В. Т. Сиротенко убеждает, что «дореволюционная», или «досоветская историография» как отдельный и самостоятельный текстовый блок в них отсутствует. Соответствующий материал в достаточно сжатом виде представлен в предваряющей части его «Введения в историю международных отношений в Европе во второй половине IV – начале VI вв.» [2]; в порядке краткого упоминания некоторых фамилий ученых в учебных пособиях «Народные движения в поздней римской империи и образование варварских королевств» [3, с. 3] и «Народные дви-

жения в Северной Африке и королевство вандалов и аланов» [4, с. 4].

Однако максимально подробно и последовательно автор рассматривает тему в своей диссертации [5] в рамках главы «Историография истории международных отношений в Европе второй половины IV – начала VI века» [5, с. 16–216].

Характерно, что материал, касающийся отечественной исторической науки, в структурном отношении имеет лишь одну «цезуру» – выделенный блок «Советская историография» занимает 40 страниц, что составляет 1/5 часть общего объема текста историографической части первого тома диссертации. Персоналии досоветского периода как бы «вплетены» в авторскую схему, являющую пример сочетания нескольких критериев для собственного построения. В схеме В. Т. Сиротенко основополагающим является принцип хронологической последовательности (от эпохи гуманизма до работ 60-х гг. XX в.), конкретизированный (при возможности) указанием персоналий, принадлежности их, например, к «прогрессивной», или «реакционно-дворянской» историографии, а также выделением национальных историографий («Русские историки второй половины XIX – начала XX века», «историки ФРГ» и т.д.).

Наиболее ранний (или «старший») исследователь, к произведению которого обращается Сиротенко, – это Я. А. Рубан и его «Разсуждение историческое...» [6]. Полагая, что на исследовании этого историка «заметно отразились» [5, с. 44] взгляды просветителей, В. Т. Сиротенко явно не соглашается с автором, видевшим причину успехов варварских вторжений в развращении нравов римлян. По мнению Сиротенко, Рубан обратил внимание на стремительность вторжений и их тяжелейшие последствия, однако ему не удалось вскрыть действительных условий, благоприятствовавших успехам варварских завоеваний.

Следующим в обзоре дан представитель «реакционно-дворянской историографии» И.К. Кайданов, которого автор подозревает в ангажированности, но при этом называет его работы оказавшими заметное влияние на формирование взглядов по проблеме [5, с. 4]. Причины ослабления Римской империи Кайданов видел во всеобщем развращении нравов [7, с. 225–226], а взаимоотношения римлян и варваров описывал

в духе традиции христианских апологетов, утверждая будто «римский народ, стенавший под игом деспотизма, не оказывал надлежащего сопротивления <...> и даже почитал их нашествие великим для себя благодеянием и средством к облегчению горькой своей участи» [8, с. 3].

Характеризуя развитие исторической науки в России первой половины XIX в., Сиротенко подчеркивает: «...русские историки опирались на достижения передовой западноевропейской исторической мысли и широкие публикации источников, предпринятые в Германии, Франции и других странах именно в это время» [5, с. 57]. Важную роль в развитии исторических знаний по проблеме он отводит Н. В. Гоголю с его идеями о том, что Римская империя III–V вв. зашла в безвыходный тупик: необходимость безопасности требовала увеличения войск, что «произвело непомерные налоги и подати» [9, с. 108]. Автору явно импонирует внимание Гоголя к данным исторических источников при освещении темы взаимоотношений империи с германскими племенами в III–V вв. [5, с. 59], подмеченное им же растущее использование империей варваров в своих интересах [9, с. 112]. Едва ли не центральное (в смысловом отношении) место в обзоре занимает мысль Гоголя, что «опустошительные наводнения варварских народов совершенно изменили вид земель, составлявших Западную Римскую империю» [9, с. 113].

Т. Н. Грановского Сиротенко относит к продолжателям лучших традиций историков Просвещения и Реставрации. Именно этот историк обратил внимание на глубокий кризис Римской империи и вскрыл внутренние причины, которые вели ее к гибели: «Не германцы сокрушили Римскую империю, а сама она отдалась им, вследствие внутренней органической порчи, точившей ее» [10, с. 312]. Наиболее важной и показательной Сиротенко посчитал следующую цитату, касающуюся вандальского завоевания: «...большая часть без сопротивления взята; жители убиты или обращены в рабство <...> Победители разделили между собой лучшие земли. Туземцы лишены всякой собственности...» [11, с. 72].

Историк П. Н. Кудрявцев, по мнению Сиротенко, «правильно» [5, с. 63] рассматривал историю поздней Римской империи как борьбу старого и нового, когда «совершалось великое дело, зачинался новый мир на развалинах старого» [12, с. 10]. Однако он не обратил внимания

на ожесточенную классовую борьбу в империи, толкавшую рабовладельцев на поиски выхода из создавшегося положения. Поэтому переоценил роль варварских племен и больше того – в работе «Римские женщины» Кудрявцев дает уже полностью идеалистическое объяснение причин падения римской империи, увидев их в «глубоком падении нравов и учреждений» [13, с. 1]. Рассматривая варваров только в качестве грозы римской империи, Кудрявцев не уделял внимания сложным отношениям между империей и варварами и политике использования варваров в качестве ударной силы Римской империи.

Вообще Сиротенко особо подчеркивает противоречивость взглядов Кудрявцева, усматривая причины этого в противоречивости условий его времени, влиянии социального фактора и исторических традиций [5, с. 63].

С. В. Ешевский, по мнению Сиротенко, относится к продолжателям демократических традиций Грановского и Кудрявцева и, подобно Робертсону и Гизо, рассматривает переход от античности к средневековью как великий переворот, который стремится объяснить, исходя из причин внутреннего порядка. Так, падение Римской империи он связывает с упадком ее хозяйственной жизни, в частности в землевладении и обезлюдении страны, что привело к уменьшению доходов казны [5, с. 64]. И если раньше Рим выступал своего рода экономическим локомотивом развития провинций, то к V в. он лишь «налагал на провинции беспрестанно новые налоги» [14, с. 154–155]. Это, считает Сиротенко, свидетельствует о том, что Ешевский попросту повторил ставшее почти общепринятым положение, будто варвары использовали внутреннюю слабость Римской империи и завоевали ее [15, с. 74].

Но в другом, согласно Сиротенко, данный автор сделал «крупный шаг вперед» [5, с. 65]: он обратил внимание на выступление угнетенных масс Галлии против существующих социальных порядков [16, с. 57, 117] и на упорное сопротивление жителей Галлии варварам-завоевателям [16, с. 128, 131, 134]. Правда, далее Сиротенко относится к идеям Ешевского критически, утверждая, что тот принял без достаточных оснований мнение Кайданова, что германцы находили в римских провинциях поддержку среди угнетенных масс. Тезис Ешевского о наличии у германцев единомышленников – ветеранов римской армии, выходцев из варварских племен – Сиротенко парирует словами: «Однако в источ-

никах нет сведений, что римские колонии ветеранов состояли не из самих римлян, а из варваров, и чтобы ветераны помогли варварам одержать победу. Зато в источниках имеются многочисленные факты, не замеченные Ешевским» [5, с. 65], свидетельствующие о том, что те же сельские жители давно привыкли видеть в варварах своих врагов. Кроме того, Ешевский подметил, что в III–V вв. варвары, вступая в пределы империи, оставались там и становились союзниками местной знати и защитниками империи [16, с. 134]. Однако, по мнению Сиротенко, он не выяснил истинных причин этого и объяснил это идеалистически – ссылаясь на «чарующее влияние Рима, его огромное нравственное и умственное превосходство» [16, с. 135]. Истинная причина, согласно Сиротенко, куда банальнее – варваров привлекали богатства империи, созданные трудом многих поколений [5, с. 66]. В целом Сиротенко высоко оценивает работу Ешевского «Аполлинарий Сидоний», причисляя ее к наивысшим достижениям буржуазной медиевистики, однако историю взаимоотношений варваров и римлян, представленную в ней, считает односторонней.

Завершающий блок интересующих нас персоналий представлен В. Т. Сиротенко в разделе «Русские историки второй половины XIX – начала XX века» и содержит характеристику взглядов И. М. Гревса, П. Г. Виноградова и Д. М. Петрушевского. Во вступительной его части Сиротенко отмечает благотворное влияние идеологии демократического движения 50–60-х гг. на развитие «русской буржуазной историографии второй половины XIX в.» [5, с. 87], обнаружившей материалистические тенденции в разрешении насущных теоретических вопросов.

Историк И. М. Гревс, выступивший против националистических тенденций и критиковавший Н. Д. Фюстель де Куланжа за его «решительную апологию всего, связанного с традициями Римской империи» [17, с. 120], порочные приемы в обращении с источниками, на допущенные им искажения, неточности и крупные натяжки, естественным образом оказался в фокусе особого исследовательского интереса Сиротенко. Его (Гревса) «Очерки из истории римского землевладения» [18] Сиротенко называет «крупным вкладом в изучение истории Римской империи» [5, с. 88]; в них он показал значение крупного римского землевладения как одного из элементов зарождавшегося феодального строя, продемонстрировал действительные послед-

ствия сосредоточения земли в руках немногих собственников, разорение куриалов и рост зависимости всего населения от крупных землевладельцев. В целом текстовый блок, посвященный Гревсу, написан в концепции противопоставления с соответствующими идеями Н. Д. Фюстель де Куланжа, явно не разделяемыми Сиротенко.

Все та же линия на критику Фюстель де Куланжа присутствует и при характеристике П. Г. Виноградова, который в своей работе «Происхождение феодальных отношений в лангобардской Италии» указывает на несостоятельность доводов Фюстель де Куланжа, выводившего средневековые порядки из римских. Но самое главное – Виноградов отбросил теорию союза местного населения и варваров, которую пропагандировал Фюстель де Куланж, используя материал истории остготского и лангобардского завоевания.

Ключевым по своей значимости для Сиротенко явился тезис данного автора относительно взаимоотношений лангобардов и местного населения Италии: лангобарды сначала ограничились разного рода частными насилиями, захватами и грабежами, а их герцоги, закончившие завоевание главной части Италии, обложили римских собственников повинностью, равной трети дохода, в пользу отдельных лангобардов [19, с. 117]. Как полагал Сиротенко, Виноградов сделал крупный шаг вперед в сравнении с Гревсом, так как уделил особое внимание проблемам образования колоната, увидел глубокие исторические корни феодальных отношений еще в III–V вв. [5, с. 90]. Однако при всем этом Виноградову казалось, что переход от рабовладельческих к феодальным порядкам совершался автоматически, и этот пассаж Сиротенко явно не разделял.

На прямом противопоставлении предыдущему историку Сиротенко построил характеристику взглядов Д. М. Петрушевского: «В отличие от Виноградова, который отказался принять теорию союза местного населения и варваров, Д. М. Петрушевский взял эту теорию в том виде, в каком ее пропагандировал Фюстель де Куланж» [5, с. 91], будто завоевания сравнительно легко достались германцам, поскольку для римского населения переход под власть варварских королей означал освобождение от невыносимого векового гнета. Ссылаясь на одного лишь Сальвиана, Петрушевский утверждал, что имеются многочисленные факты приглашения варваров местным населением и якобы галльские

багауды находились в сношениях с германцами [20, с. 195]. По этому поводу В. Т. Сиротенко замечает, что Петрушевский умалчивает о многочисленных фактах, засвидетельствовавших многолетнюю борьбу багаудов против варваров, сведения об участии багаудов в борьбе против гуннов на Каталаунских полях. Тем самым, согласно Сиротенко, Петрушевский явно исказил картину отношений местных жителей и варваров, его тезис о связях багаудов с Аттилой Сиротенко называет фантастической беспочвенной догадкой [5, с. 92], несостоятельной перед лицом свидетельств обратного свойства – общенародной борьбы жителей Галлии против гуннов.

В. Т. Сиротенко предполагает, что, оценивая причины успеха варваров, Петрушевский исходил не из анализа конкретных фактов, а из теории дворянско-реакционной историографии, что очень сближает его по целому ряду пунктов с И.К. Кайдановым [8, с. 3]. Следующее искажение касается освещения вестготского восстания 378 г. н.э., когда якобы «к восставшим в большом количестве присоединились римские крестьяне и рабы, и весь Балканский полуостров подвергся страшному разгрому» [20, с. 177]. На самом же деле, уточняет Сиротенко, только в начале восстания на сторону вестготов перешла часть их сородичей и часть рабочих фракийских рудников, а после Адрианопольской битвы был только один случай перехода на их сторону трехсот человек. При этом Петрушевский ни слова не сказал о борьбе основной массы жителей Балканского полуострова, и прежде всего, крестьян и горожан против вестготов (оборона Адрианополя, Никополя, Перинфа и Константинополя, вступление колонов и рудокопов в ряды армии Феодосия для борьбы против вестготов) [18, с. 93].

Все вышеперечисленное дало основание ученому резюмировать: подобно Фюстель де Куланжу, Петрушевский отрицает самый факт завоевания варварами провинций Западной Римской империи и утверждает, будто ничего подобного здесь не было [20, с. 183], а варвары, не имея намерения разрушить Римскую империю [20, с. 181], занимали ее мирным путем [20, с. 180].

Таким образом, ключевая исследовательская задача, которую ставил перед собой В. Т. Сиротенко, изучая взгляды дореволюционных отечественных историков, заключалась в попытке ответа на вопрос, насколько устойчивой можно считать идею о той или иной мере сочувствия угнетенных и обездоленных масс Римской империи к внешнему врагу применительно к этому

периоду развития исторической науки и с учетом степени интегрированности ее в европейскую. В своих редких обобщающих отступлениях Сиротенко отмечал в качестве положительного факта то, что русские историки отказались от одностороннего подхода к историческому материалу, который был характерен для западноевропейских историков и выражался в романистической и германистической теориях; приветствовал развитие материалистических тенденций при подходе к решению кардинальных теоретических проблем, равно как и тесную связь отечественной исторической науки с европейской. Взгляды историков, к которым обращается В. Т. Сиротенко (Я. А. Рубан, И.К. Кайданов, Н. В. Гоголь, Т. Н. Грановский, П.Н. Кудрявцев, С. В. Ешевский, И. М. Гревс, П.Г. Виноградов, Д. М. Петрушевский), раскрыты посредством сравнительно-сопоставительных характеристик; и хотя автор активно прибегает к контраргументации, в ряде случаев его критика производит впечатление достаточно сдержанной, особенно в сравнении с его же критикой, адресованной персоналиям современной ему советской исторической науки.

Но, как и в случае с советскими историками, взгляды дореволюционной историографии расценивались В. Т. Сиротенко сквозь своего рода решетку ключевых аспектов-сигнификаторов, имевших для автора первостепенную значимость:

Аспект 1 – признание | игнорирование автором фактов упорного сопротивления рабов, колонов, мелких свободных крестьян и ремесленников варварским вторжениям и карательным походам.

Аспект 2 – признание | игнорирование автором фактов активного участия рабов и колонов в защите римских городов во время осады их варварами.

Эти аспекты могли конкретизироваться и дополняться такими историографическими фактами, как признание (игнорирование) союза римских императоров с предводителями варваров с целью использования их войск для подавления революционных, оппозиционных и сепаратистских движений, союза провинциальных группировок господствующего класса империи с варварскими предводителями ради использования их войск в своих классовых и групповых интересах; фактов увеличения количества рабов, реставрации рабовладельческих порядков и ухудшения положения рабов и колонов в варварских королевствах.

При этом для В. Т. Сиротенко научное наследие Н. Д. Фюстель де Куланжа явилось своего рода «антиэталоном», в соотнесении с которым он определял, по большому счету, состоятельность заключений дореволюционных историков (естественно, с учетом хронологического фактора). Это имело принципиальное значение, так как именно в распространенности теории Фюстель де Куланжа Сиротенко видел первопричину той непротиворечивости, с которой всем известные тезисы о рабах и варварах, сокрушивших Рим, вошли в исследовательские практики советских историков.

Литература

1. *Нюркаева А. З.* Исследование проблем древности, средневековья и славяноведения в пермском университете (к 75-летию университета) // Античность Европы : межвузов. сб. науч. ст. / под ред. И.Л. Маяк, А.З. Нюркаевой. Пермь : Изд-во Перм. гос. ун-та, 1992. С. 121–139.
2. *Сиротенко В. Т.* Введение в историю международных отношений в Европе во второй половине IV – начале VI вв. Пермь : Изд-во Перм. гос. ун-та, 1973. Ч. I : Источники. 175 с.
3. *Сиротенко В. Т.* Народные движения в поздней римской империи и образование варварских королевств : учеб. пособие. Днепропетровск : Изд-во Днепропетр. гос. ун-та, 1988. 80 с.
4. *Сиротенко В. Т.* Народные движения в Северной Африке и королевство вандалов и аланов : учеб. пособие. Днепропетровск : Изд-во Днепропетр. гос. ун-та, 1990. 80 с.
5. *Сиротенко В. Т.* Международные отношения в Европе второй половины IV – начала VI в. : дис. ... д-ра ист. наук : в 3 т. Т. 1. Пермь, 1968. 425 с.
6. *Рубан Я. А.* Разсуждение историческое о возмутительном и насильственном переселении в средних веках варварских северных народов в провинции Римской империи, пришедшей тогда в безсилие, и напоследок ими до основания разоренной: С присокуплением перемен, возпоследовавших отсюда в народном духе, в нравах, в религии, в науках, в торговле и в образе правления, сочиненное Императорского Московского университета студентом Яковом Рубаном для получения достоинства магистра философии и свободных наук. М. : Унив. тип. у А. Светушкина, 1789. 198 с.
7. *Кайданов И. К.* Руководство к познанию всеобщей политической истории, сочиненное профессором Императорского Царскосельского лицея, коллежским советником и кавалером Иваном Кайдановым : 2-е изд. Ч. 1 : Древняя история. СПб. : Тип. Карла Крайя, 1823. 235 с.

8. *Кайданов И. К.* Руководство к познанию всеобщей политической истории, сочиненное профессором Императорского Царскосельского лицея, коллежским советником и кавалером Иваном Кайдановым : 2-е изд. Ч. 2 : История средних веков. СПб. : Тип. Карла Крайя, 1823. 205 с.

9. *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. : в 14 т. / под ред. Н.Ф. Бельчикова и др. М. : Изд-во АН СССР, 1952. Т. 9: Наброски, конспекты, планы, записные книжки / ред. Г. М. Фридендер. 684 с.

10. *Грановский Т. Н.* Полн. собр. соч. Т. 2. СПб. : Издание Н. О. Мертца, 1905. 371 с.

11. *Грановский Т. Н.* Лекции Т. Н. Грановского по истории средневековья: авт. конспект и записи слушателей / предисл., подготовка текста и примеч. С.А. Асиновской. М. : Изд-во АН СССР, 1961. 240 с.

12. *Кудрявцев П. Н.* Судьбы Италии от падения Западной Римской империи до восстановления ее Карлом Великим: обозрение Остгот-Лангобардского периода итальянской истории. М. : Унив. тип., 1850. 714 с.

13. *Кудрявцев П. Н.* Римские женщины : ист. рассказы по Тациту. 3-е изд. М. : Унив. тип. (Катков и К°), 1875. 437 с.

14. *Ешевский С. В.* Сочинения. Ч. 3. М. : Издание К. Солдатенкова, 1870. 711 с.

15. *Ешевский С. В.* Сочинения. Ч. 2. М. : Издание К. Солдатенкова, 1870. 613 с.

16. *Ешевский С. В.* С. Аполлинарий Сидоний: Эпизод из литературной и политической истории Галлии V века. М. : Тип. В. Готье, 1855. 346 с.

17. *Гревс И. М.* Новое исследование о колонате // Журн. Министерства Народного Просвещения. 1836. Отд. II. Ноябрь. С. 118–165.

18. *Гревс И. М.* Очерки из истории римского землевладения (преимущественно во времена империи). СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1899. Т. 1. 651 с.

19. *Виноградов П. Г.* Происхождение феодальных отношений в лангобардской Италии. СПб. : Тип. В.С. Балашева, 1880. 348 с.

20. *Петрушевский Д. М.* Очерки из истории средневекового общества и государства. 4-е изд. М. : Научное слово, 1917. 402 с.

References

1. Nyurkaeva A. Z. [Study of the Problems of Antiquity, Medievalism and Slavic Studies at the Perm University (on the 75th Anniversary of the University)]. *Antichnost' Evropy* [Antiquity of Europe]. Intercollegiate Collection of Scientific Articles. Eds. I.L. Mayak, A.Z. Nyurkaeva. Perm: Izd-vo Perm. gos. un-ta, 1992, pp. 121-139.

2. Sirotenko V.T. *Vvedenie v istoriyu mezhdunarodnykh otnoshenii v Evrope vo vtoroi polovine IV – nachale VI v.* [Introduction to the History of International Relations in Europe in the Second Half of 4th - Early 6th Centuries]. Perm: Izd-vo Perm. gos. un-ta, 1973, part I: Sources, 175 p.

3. Sirotenko V. T. *Narodnye dvizheniya v pozdnei rimskoi imperii i obrazovanie varvarskikh korolevstv* [Popular Movements in the Late Roman Empire and the Formation of Barbarian Kingdoms]. Students Book. Dnepropetrovsk: Izd-vo Dnepropetr. gos. un-ta, 1988, 80 p.

4. Sirotenko V. T. *Narodnye dvizheniya v Severnoi Afrike i korolevstvo vandalov i alanov* [Popular Movements in North Africa and the Kingdom of the Vandals and Alans]. Students Book. Dnepropetrovsk: Izd-vo Dnepropetr. gos. un-ta, 1990, 80 p.

5. Sirotenko V. T. *Mezhdunarodnye otnosheniya v Evrope vtoroi poloviny IV – nachala VI v.:* dis. ... d-ra ist. nauk [International Relations in Europe of the Second Half of 4th century]. In 3 vol. Perm, 1968, vol. 1, 425 p.

6. Ruban Ya.A. *Razsuzhdenie istoricheskoe o vozmutitel'nom i nasil'stvennom pereselenii v srednikh vekakh varvarskikh severnykh narodov v provintsii Rimskoi imperii, prishedshei togda v bezsilie, i naposledok imi do osnovaniya razorennoi: S prisovokupleniem peremen, vozposledovavshikh ottudu v narodnom dukhe, v nravakh, v religii, v naukakh, v trgovle i v obraze pravleniya, sochinennoe Imperatorskago Moskovskago universiteta studentom Yakovom Rubanom dlya polucheniya dostoinstva magistra filosofii i svobodnykh nauk* [Historical discourse on the outrageous and forcible resettlement in the Middle Ages of the barbarian northern peoples in the provinces of the Roman Empire, which then fell into weakness, and finally by them to the bottom of the devastated: in commerce and in the form of government, composed by the Imperial University of Moscow University as a student of Yakov Ruban to obtain the degree of a Master of Philosophy and Free Sciences]. Moscow: Univ. tip. u A. Svetushkina, 1789, 198 p.

7. Kaidanov I. K. *Rukovodstvo k poznaniyu vseobshchei politicheskoi istorii, sochinennoe professorom Imperatorskago Tsarskosel'skago litseya, kollezhskim sovetnikom i kavalerom Ivanom Kaidanovym* [Guide to the cognition of universal political history, written by a professor of the Imperial Tsarskoye Selo Lyceum, collegiate adviser and cavalier Ivan Kaidanov]. 2nd ed. Part 1: Ancient History. Saint Petersburg: Tip. Karla Kraiya, 1823, 235 p.

8. Kaidanov I. K. *Rukovodstvo k poznaniyu vseobshchei politicheskoi istorii, sochinennoe professorom Imperatorskago Tsarskosel'skago litseya, kollezhskim sovetnikom i kavalerom Ivanom Kaidanovym* [Guide to the cognition of universal political history, written by a

professor of the Imperial Tsarskoye Selo Lyceum, collegiate adviser and cavalier Ivan Kaidanov]. 2nd ed. Part 2: Medieval History. Saint Petersburg: Tip. Karla Kraiya, 1823, 205 p.

9. Gogol' N. V. *Poln. sobr. soch.* [Full collection of works]. In 14 vol. Ed. N.F. Bel'chikov et al. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1952. Vol. 9: Outlines, drafts, plans, notebooks. Ed. G.M. Fridlender, 684 p.

10. Granovskii T. N. *Poln. sobr. soch.* [Full Collection of Works]. Saint Petersburg: Izdanie N. O. Merttsa, 1905, vol. 2, 371 p.

11. Granovskii T.N. *Lektsii T. N. Granovskogo po istorii srednevekov'ya* [Lectures of T. N. Granovsky on the History of the Middle Ages]. Author's Essay and Recording of Students. Foreword, Preparation of the Text and Notes by S.A. Asinovskaya. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1961, 240 p.

12. Kudryavtsev P. N. *Sud'by Italii ot padeniya Zapadnoi Rimskoi imperii do vosstanovleniya ee Karlom Velikim: obozrenie Ostgotov-Langobardskogo perioda ital'yanskoi istorii* [The Fate of Italy from the Fall of the Western Roman Empire to its Restoration by Charles the Great: A Review of the Ostgoth-Lombard Period of Italian History]. Moscow: Univ. tip., 1850, 714 p.

13. Kudryavtsev P. N. *Rimskie zhenshchiny: ist. rasskazy po Tatsitu* [Roman Women: Tacitus Stories]. 3rd ed. Moscow: Univ. tip. (Katkov i K°), 1875, 437 p.

14. Eshevskii S. V. *Sochineniya* [Works]. Part 3. Moscow: Izd. K. Soldatenkova, 1870, 711 p.

15. Eshevskii S.V. *Sochineniya* [Works]. Part 2. Moscow: Izd. K. Soldatenkova, 1870, 613 p.

16. Eshevskii S.V. S. *Apollinariy Sidonii: Epizod iz literaturnoi i politicheskoi istorii Gallii V veka* [Apollinaris Sidonius: An episode from the literary and political history of Gaul of the 5th century.]. Moscow: Tip. V. Got'e, 1855, 346 p.

17. Grevs I.M. *Novoe issledovanie o kolonate* [A New Study of Colonate]. *Zhurn. Ministerstva Narodnogo Prosveshcheniya*. 1836, D. II, November, pp. 118-165.

18. Grevs I.M. *Ocherki iz istorii rimskogo zemlevladieniya (preimushchestvenno vo vremena imperii)* [Essays from the History of Roman Landowning (mainly during the Empire)]. Saint Petersburg: Tip. M.M. Stasyulevicha, 1899, vol. 1, 651 p.

19. Vinogradov P.G. *Proiskhozhdenie feodal'nykh otnoshenii v langobardskoi Italii* [The Origin of Feudal Relations in Lombard Italy]. Saint Petersburg: Tip. V.S. Balasheva, 1880, 348 p.

20. Petrushevskii D.M. *Ocherki iz istorii srednevekovogo obshchestva i gosudarstva* [Essays from the History of Medieval Society and the State]. 4th ed. Moscow: Nauchnoe slovo, 1917, 402 p.

КИБЕРНЕТИКА, ТЕОРИЯ ДЕМОКРАТИИ И НЕОЛИБЕРАЛЬНЫЙ ДИСКУРС В СОВЕТСКОМ САМИЗДАТЕ 1970-Х ГОДОВ

© 2019 г. А.А. Гросс^а, М.А. Пономарева^а

^а Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

CYBERNETICS, THE THEORY OF DEMOCRACY AND NEOLIBERAL DISCOURSE IN THE SOVIET SAMIZDAT OF 1970S

A.A. Gross^а, M.A. Ponomareva^а

^а Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Гросс Андрей Александрович –
магистрант,
Институт истории и международных отношений,
Южный федеральный университет,
ул. Большая Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону,
344090, Россия.
E-mail: andrey.gross.1@mail.ru

Andrey A. Gross -
Master's Degree Student,
Institute of History and International Relations,
Southern Federal University,
Bolshaya Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don,
344090, Russia.
E-mail: andrey.gross.1@mail.ru

Пономарева Мария Александровна –
кандидат исторических наук, доцент,
заведующая кафедрой
отечественной истории XX–XXI вв.
Институт истории и международных отношений,
Южный федеральный университет,
ул. Большая Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону,
344090, Россия.
E-mail: ponomariya@sfedu.ru

Maria A. Ponomareva -
Candidate of History, Associate Professor,
Head of the Department of National History
of 20th-21st Centuries,
Institute of History and International Relations,
Southern Federal University,
Bolshaya Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don,
344090, Russia.
E-mail: ponomariya@sfedu.ru

В публичном дискурсе до сих пор бытует мнение о существовании «железного занавеса», ограничивавшего развитие советской общественной мысли. Это представление распространяется советскими диссидентами даже на самый свободный домен позднесоветской культуры – самиздат. Вместе с тем советские диссиденты и скрытые «инакомыслящие» в 1970-е гг. писали политические сочинения, которые находились в западном интеллектуальном тренде. На них, как и на западных политических ученых, влияла теория кибернетики, применявшаяся последними для анализа как биологических, так и социальных систем.

Рассматриваются два самиздатских текста из Архива Международного Мемориала, содержащих рассуждения о политических режимах с позиции теории кибернетики в 1970-е гг. Высказано предположение, что обе работы, одна из которых не имела авторства, а другая была опубликована под псевдонимом, принадлежат известному биологу-кибернетике А.А. Малиновскому. Предпринимается попытка проанализировать его представления о «демократии» и «диктатуре», выявить источники мышления о «политическом» и исследовать рецепцию кибернетики в его политических работах. Анализ данных работ позволяет выявить в советском «инакомыслии» 1970-х гг. классическое либеральное мышление о «политическом» и вновь подвергнуть вопросу границы интеллектуальной несвободы в позднем Советском Союзе.

Ключевые слова: инакомыслие, самиздат, советские диссиденты, либерализм, неолиберализм, теория демократии, кибернетика, Александр Малиновский.

The idea of “the Iron curtain” restricting social thought in the late Soviet Union is still present in Russian public discourse. Paradoxically enough, the former Soviet dissidents extend this view on the freest domain of late Soviet culture - the samizdat. At the same time, the Soviet dissidents had been writing political essays in 1970s which were connected to the western intellectual trend. They, like many famous western political scientists of their time, were influenced by the theory of cybernetics and applied it to the analyses of social systems. In our article we analyze two samizdat texts from the Archive of the International Memorial. The dissident author had been analyzing political regimes from the perspective of Cybernetics in 1970s. Although he did not mention his real name, we conclude, that it was a famous biologist-cybernetician Alexandr Alexandrovich Malinovsky. In our article we reveal his ideas on “democracy” and “dictator-

ship”, examine the sources of his political thought and his application of cybernetics to the analysis of political systems. The result of our study broadens the view on Soviet intellectual dissidence as we find classical liberal thinking in the analyzed texts. It also poses the question of limits of intellectual unfreedom in the late Soviet Union.

Keywords: dissidence, samizdat, Soviet dissidents, liberalism, neoliberalism, theory of democracy, cybernetics, Alexandr Malinovsky.

Зарубежная литература ушла в «спецхраны» ... Даже специалистов к ней допускали с трудом. Остальные же могли знакомиться с зарубежной мыслью лишь по трудам наших критиков – но кроме ругательств, уничтожающих эпитетов и прямых измышлений, там, как правило, трудно было что-либо найти. Это нанесло огромный вред. Не только студенты, но и специалисты, большая часть ученых просто пропустили несколько важных десятилетий развития общественной мысли.

Георгий Арбатов, 2002 [1, с. 13]

В целом, ценность самиздатовских текстов довольно низка, причины понятны: люди жили в консервной банке, запаянной со всех сторон, информационный поток ограничивался русскими философами, цитатами из советских изданий и книжками ИНИОНа с грифом ДСП, которые ходили только в Москве.

Виктор Давыдов, 12.08.2018 [2]

Метафора «железного занавеса», отделившего советскую социальную мысль от западных интеллектуальных поветрий, до сих пор живет в публичном дискурсе. Парадоксально, но она же распространяется советским диссидентом В. Давыдовым на самый свободный домен позднесоветской культуры – самиздат. Ранее об интеллектуальной изоляции советских диссидентов, жизнь которых в определенном смысле центрировалась вокруг самиздата, писала Л. Алексеева [3, с. 191, 194]. С одной стороны, вопрос об изоляции советской «второй культуры» представляется надуманным, ведь в самиздате «ходили» тексты западных ученых, философов и литераторов, с другой – находиться в контексте – значит испытывать влияние, отвечать на одни и те же «насуточные» (для «всего мира», а не «своего» общества) вопросы и заимствовать языки для разговора о таких вопросах. Например, советские диссиденты размышляли о «тоталитаризме», причем их представления о нем совпадали с западными концепциями Х. Арендт, З. Бжезинского и Дж. Оруэлл [4]. В нашей статье на примере двух самиздатских текстов, посвященных классификации политических режимов, мы собираемся показать, что социальная мысль в советском самиздате соответствовала и другой тенденции в западной политической науке 1950–1960-х гг. А именно – использованию кибернетики в анализе политических режимов.

Кибернетика, определяемая как теория или наука об управлении и связи в машинах и живых организмах [5, с. 56; 6, с. 149–151], появилась на Западе после Второй мировой войны и предложила универсальный способ объяснения как механических и биологических, так и социальных процессов. В послесталинском СССР она была взята на вооружение советскими учеными в качестве инструмента деидеологизации науки [7]. Основатель кибернетики, американский математик Н. Винер, считал ее не только академической дисциплиной, но и способом мышления о социальных институтах, направленном против чрезмерного контроля над разнообразными коммуникациями, происходящими в них. Его критика «сверхдетерминированных систем» относилась как к США периода «маккартизма», так и к Советскому Союзу [7, р. 99–100; 8, р. 71].

На Западе влияние кибернетики распространилось на социальные науки, дав жизнь теориям таких известных социологов и политических ученых, как К. Дойч, Д. Истон и А. Этциони. Используя методологические предпосылки и терминологический аппарат кибернетики, ученые приходили к выводу, что современные человеческие общества представляют собой системы обратной связи между политическими элитами и «обществом». «Управляемое» общество (его различные единицы) проводит в жизнь

решения элит, которые представляют собой «вывод» информации из «центра» системы. Общество в свою очередь имеет интересы и запросы, которые оно «возвращает» («вводит») в центр вместе с результатами выполнения решений. Тем самым достигается согласование целей элит и интересов «общества», а общественная система постоянно подвергается корректирующим изменениям [9, 10]. В приложении к социальным наукам кибернетика становилась анти-тоталитарной теорией: не случайно упомянутые ученые были адвокатами демократии и предлагали кибернетические описания диктатур [9, 11].

По словам математика и лингвиста В. Успенского, в СССР с конца 1950-х гг. кибернетика приобрела характер неформального общественного движения [12]. Известные советские диссиденты В. Турчин и В. Сокирко находились под влиянием кибернетики, когда писали свои политические трактаты [13]. Кроме них в самиздате «ходили» еще несколько работ, анализу которых будет посвящена следующая часть статьи. В отличие от текстов Турчина и Сокирко они не были опубликованы в традиционной печати (в тамиздате) и не подвергались анализу в литературе. В то же время рецепция кибернетики в этих текстах неотличима от той, которая была в западных социальных науках.

Тексты, о которых пойдет речь дальше, сохранились в «Архиве истории инакомыслия» Международного Мемориала. Один из них, по-видимому, является четвертой главой (перед названием стоит цифра 4) какой-то большой работы. Он начинался на машинописном листе под номером 136 и имел название «Демократия – что это такое?» [14, л. 85]. Эта работа 1973 г. сохранилась в Ленинградской коллекции: архиве самиздата, собиравшемся ленинградскими диссидентами в том числе из текстов, «ходивших» в Москве. Другая работа, написанная в 1974 г. и отложившаяся в том же архиве, имела название «Глазами натуралиста. К вопросу о трех типах общественной организации» [15]. В отличие от первой она представляла собой отдельную статью. Кроме этого, на первом листе второй работы можно прочесть псевдоним Богдан Е., под которым решил скрыться автор. Дальше мы будем обозначать эти тексты как I и II соответственно.

При первом знакомстве с данными работами возникает мысль о том, что их автором был

один человек. В обоих случаях он дает определение терминам «демократия» и «диктатура» и приводит их черты. Оба текста написаны в академическом стиле, а их выводы всецело основаны на кибернетике. Поразительное сходство неолиберального дискурса, в рамках которого они написаны, а также сходство поднимаемых в них вопросов позволяет нам говорить о том, что их автором был один человек.

Анализируя данные тексты, мы не только интересовались тем, как кибернетика смогла повлиять на социальное знание в СССР, но и тем, как язык кибернетики был препарирован для политических целей. Несмотря на «академический антураж» данных работ, нам представляется, что интенцией автора не являлось переопределение научных понятий. Следуя подходу К. Скиннера к анализу политических идей, мы склонны считать содержание данных текстов всецело привязанным к общественно-политическому контексту, в котором они были написаны [16]. Поэтому в данных работах нас занимали политические и этические проблемы, которые волновали автора. На какие политические вопросы он отвечает? С какими позициями по этим вопросам спорит и какие ходы (как на уровне теории кибернетики, так и на уровне этики) использует для обоснования своей? Таким образом, кроме вопроса о влиянии кибернетики на мысль автора о политических режимах, мы попытаемся ответить на вопрос об интенциях, вызвавших появление на свет данных работ. Последний вопрос относится к их источникам: какую литературу читал автор и как он использовал ее в своих работах? Установление прочитанных текстов позволит определить «интеллектуальный горизонт» автора, решившего рассуждать о политических режимах в эпоху «застоя». Сопоставление ссылок на те или иные произведения с его собственными умозаключениями имеет самостоятельную ценность: оно позволит определить, как первые могли восприниматься или использоваться для иллюстрации политических проблем и обоснования своей позиции в споре о политических и этических проблемах.

Отвечая на вопрос, поставленный в названии текста I, автор предлагал следующее определение демократии:

«Современная демократия представляет собой не что иное, как свободу производства, продажи, приобретения и потребления информации. Она переносит в область производства и

потребления информации законы капиталистического рынка» [14, л. 85].

Схожее определение находим в тексте II:

«Политическая демократия представляет собой распространение законов товарного конкурентного рынка на области политики, идеологии, производства, обращения и потребления информации любого типа: научно-технической, эстетической, идеологической, экономической и т.п.» [15, л. 135].

Информация – центральное понятие для кибернетики. В качестве эпиграфа к тексту I автор приводит цитату Н. Винера из его книги «Кибернетика и общество» (М., 1958):

«Действенно жить – это значит жить, располагая правильной информацией» [14, л. 85].

Заметим, однако, что он не утверждает, что демократия работает по принципам саморегулирующихся («кибернетических») систем. Демократия для автора – свобода производства и продажи информации, она работает по «законам рынка». «Информация» в данном случае означает продукцию интеллектуалов и не имеет отношения к кибернетике. Дальше становится ясно, что автор приравнивает демократию к свободе слова: «...здесь никто не лишен права (*иначе это не демократия* (здесь и дальше выделено автором. – А.Г., М.П.)): 1) права подвергать обсуждению законный правопорядок; 2) права предлагать или продавать свои мысли тем, кого они привлекают и интересуют, обмениваться ими с единомышленниками и оппонентами; 3) права пропагандировать свои убеждения, т.е. активно воздействовать на общественную идеологическую конъюнктуру» [14, л. 90]. Противоположность демократии – диктатура – означала для него «крайнюю степень монополизма в области информационного предложения» [14, л. 86].

Почему автор предлагал такие определения демократии и диктатуры? Иначе, что он *делал*, когда давал такие определения? Полагаем, что таким образом он выступал против свободы слова и интеллектуальной свободы в СССР. О них нередко заходит речь в обеих работах. В тексте I утверждается, что советское государство обладает «монополией» на «информационное производство», а также является единственным заказчиком продукции интеллектуалов [14, л. 87]. О подчиненности интеллектуалов в условиях «диктатуры» было написано и в тексте II: «жесточайший контроль индустрии знаний», «жесточайшие методологические и идеологические установки

Центра, которым подчинены ученые, идеологи и художники», в чем также угадываются черты советской реальности» [15, л. 132].

Другая проблема, которую автор данных текстов видел в «диктатурах», заключалась в «массовых потерях информации» [14, л. 88]. «Диктатуры» плохи не просто потому, что они самостоятельно производят информацию. «Потеря информации», которую мог произвести кто-то еще, ведет к тому, что общество лишается знания о самом себе и об окружающем мире [14, л. 91; 15, л. 132]. Это утилитарное обоснование вредности «диктатуры» накладывалось в текстах автора на дискурс «тоталитаризма». Информационная монополия «диктатуры» означала для него подмену «действительности» идеологией: «...один бедный комплекс идей, “повторенный тысячекратно” (А. Галич), становится единственной (или основной) духовной пищей поколения и формирует в значительной мере все социально существенные представления. Когда вся или почти вся циркулирующая в обществе информация воспроизводит одну – единственную мировоззренческую модель, последняя начинает занимать в сознании общественного человека место самой действительности. Эта односторонность создает в конце концов впечатление массового психоза, страшного обеднения общественной идеологии, духовной жизни и умственных способностей общества, необходимой приверженности к абсурдам целой нации, что характерно для *всех вариантов устойчивого тоталитаризма*» [14, л. 88].

Автор был знаком с дискурсом «тоталитаризма» по романам «Обитаемый остров» братьев Стругацких и «1984» Дж. Оруэлла. В тексте I он ссылается на «Обитаемый остров» для обоснования тезиса о том, что обязательная идеология занимает место самостоятельного мышления человека. Ту же мысль в тексте II он иллюстрирует сюжетом романа Оруэлла. И в том, и в другом случае автор определяет самостоятельное мышление, выбор целей и принятие решений основополагающими для человека с точки зрения кибернетики [14, л. 88–89; 15, л. 129]. Вместе с этим он лишь проводит сравнения некоторых черт «диктатур» с известными «тоталитарными» антиутопиями. Хотя этот дискурс был ему знаком, его мышление о политических режимах было организовано не им, а кибернетикой. Она в свою очередь была интегрирована в неолиберальный дискурс, в рамках которого «инакомыслящий» размышлял о публичной жизни в целом.

В отличие от текста I, где ссылки на Н. Винера не связаны с рецепцией его кибернетических идей, в тексте II кибернетика была препарирована для характеристики политических режимов. Пользуясь выражением английского кибернетика У. Эшби, автор определял «центр диктатуры» как «машину, производящую решения» или «выполняющую подходящий отбор» [17; 15, л. 126]. Здесь «диктатура» представлена в виде системы обратной связи, в которой «общество» соединено с «центром диктатуры» через «субординированный исполнительный аппарат». «Диктатура» по определению устроена плохо и работает только посредством «принуждения или поощрения». «Ни команды, идущие по каналу I (т. е. из “центра” к “обществу”. – А.Г., М.П.), ни сведения, поступающие по каналу II (из “общества” в “центр”. – А.Г., М.П.), попадая на вход своих адресатов, не оказывают на них автоматическое воздействие. Сведения, идущие по каналу II, Центр использует произвольно, по своему усмотрению: может их вообще не использовать, может, как это ни абсурдно, требовать от отправителей фальсификации отчетных данных. Команды, идущие по каналу I, сами по себе, без дополнительного принуждения или поощрения, тоже не вызывают у получателя реакции, предусмотренной центром» [15, л. 126].

Неэффективность «диктатуры» обусловлена тем, что эффективное управление сложными системами, подобными обществу, требует слишком большого количества информации, а централизованный характер «диктатуры» не позволяет ей собирать достаточное количество достоверной информации [15, л. 128]. В данном случае автор вступал в дискуссию с экономистами, рассуждавшими о применении ЭВМ в планировании, в частности с В.И. Терешенко (Лит. газета. 1970. № 33) и Н.Т. Федоренко (Новый мир. 1970. № 10), которые писали о широте хозяйственных связей в советской экономике [15, л. 127].

Утилитарное обоснование несостоятельности диктатуры соединяется здесь с биолого-кибернетическим дискурсом, который «натурализует» общественные отношения и обосновывает либеральную этику автора. По его мнению, частям любых систем свойственно осуществлять «личные цели», людям в общественных системах – преследовать личные интересы. «Глобальный» способ организации, подобный диктатурам, не свойствен «живой досоциальной

природе». Он подчиняет все части системы одной цели, которую только и может выполнять эффективно в условиях ограниченности информации, – сохранению «монополии центра». Напротив, «всей органической живой природе» характерен «локальный» или «демократический» способ организации. В последнем индивидуальные цели частей системы не элиминируются, а объединяются таким образом, чтобы приносить пользу всей системе. «Демократический» способ организации общественных систем тождествен естественному отбору: в нем заложен «конкуренторыночный» принцип. Применительно к «демократии» как политическому режиму этот принцип выражается в перманентной борьбе партий и идеологий. Отсутствие подобной «конкуренции» означает победу «диктатуры» [14, л. 89]. Говоря о «локальном способе организации» общественных и природных систем, автор ссылаясь на статью биологов Ю. Васильева, И. Гельфанда, Ш. Губермана и М. Шика «Взаимодействие в биологических системах» в 6–7 номерах журнала «Природа» за 1969 г.

«Демократические структуры конфликтны, подвижны, и опасность монополизации *никогда* не исключается из их конкурентно-рыночной ситуации. Демократия как принцип должна постоянно противодействовать монополистическим тенденциям своих антагонизирующих составляющих... Особенность борьбы за демократию против монополизма заключается в том, что эта борьба *никогда* не сможет окончиться настолько *полной* победой демократии, чтобы появилась возможность социального мира (прекращения битвы за демократию): *полной* бывает только монополия, демократия не допускает и предполагает постоянную борьбу разнообразных тенденций; в этом допущении, а следовательно – и в этой борьбе и заключается ее существо» [14, л. 89, 94]. «В [демократии. – А.Г., М.П.] постоянно действуют и соревнуются антагонистические монополистические тенденции, борьба между которыми и образует реальную действительность демократии; нельзя полностью предусмотреть и раз навсегда предотвратить возможность победы и абсолютизации какой-то из борющихся тенденций, ибо прекращение подобной борьбы уже само по себе означало бы победу тотала» [15, л. 135–136].

Мы уже встречали этот парадоксальный неолиберальный дискурс, в рамках которого автор вел разговор о демократии. Уподобление поли-

тического устройства рынка, а политической борьбы – рыночной конкуренции теперь встраивается им в теорию кибернетики. На место утилитаристской этики становится этика либерального индивидуализма и рыночных отношений, прикрытые разговором о «функциях» элементов системы и естественном отборе.

Отождествление демократии с перманентной дискуссией ставило перед автором вопрос о границах свободы слова. Неолиберальный дискурс давал ему основания для оправдания абсолютной свободы слова. По словам автора, «конкуренторыночный отбор» идеологий в демократии производится на основании общественного спроса. «Рыночные механизмы» демократии не предполагают этической оценки идей, поэтому «демократический политический рынок» может приводить к установлению «диктатур» [15, л. 136]. В то же время попытка запретить те или иные идеологии («пропаганду расизма, жестокости, насилия, аморализма, тоталитаризма») наталкивается на необходимость создания специального органа, способного злоупотреблять правом определения их полезности или вредности на основании всегда несовершенных критериев. Напротив, в «демократии» общество само определяет ценность идей в ходе «идеологической битвы» или «конкуренторыночного отбора» [15, л. 135; 14, л. 91–92]. В этой связи любое новое знание не должно сталкиваться с какими-либо превентивными барьерами [14; 15, л. 132].

Эта аргументация автора напоминает защиту свободы слова и мысли Дж. Стюарта Милля во второй главе его эссе «О свободе». Мы не можем утверждать, что он читал знаменитый трактат либерального философа, однако автор ссылался на другого либерального мыслителя того же времени – Г. Спенсера. Последний, по его мнению, доказал «совпадение понятий “конкуренция” и “свобода” еще в 1890-е гг.» [15, л. 136; 18].

Итак, «киберяз» помог автору данных работ обосновать либеральную этику, с которой он был знаком через Г. Спенсера. Мы не знаем о других источниках его мышления о политических режимах (кроме упомянутого уже Н. Винера), однако автор также разделял классическое либеральное подозрение к прямой демократии (в тексте II – «примитивной»). Последняя, по его мнению, подавляет мнения «меньшинств», наделяет властью граждан, не обладающих необходимыми компетенциями и не предполагает контроля «пассивного большинства» над непре-

менно возникающим органом реализации его «воли» [15, л. 122–123].

Нам представляется, что под псевдонимом Богдан Е. скрывался известный ученый-биолог Александр Александрович Малиновский (1909–1996). Он был ведущим советским ученым, занимавшимся проблемами применения кибернетики к биологическим процессам в 1960–1970-е гг. Сын известного революционера Александра Богданова (отсюда псевдоним Богдан Е.), он являлся отцом левого диссидента Александра Александровича Малиновского, публиковавшегося в самиздате под псевдонимом А. Михайлов. Сам ученый в начале 1970-х гг. распространил машинописную копию стенограммы своего анти-лысенковского выступления на VII Конгрессе по генетике в 1939 г. и не понаслышке был знаком с ограничением интеллектуальной свободы в Советском Союзе [19, с. 10]. Научная карьера Малиновского, занимавшегося функциональными корреляциями в человеческом организме и эволюционной биологией, объясняет ссылки на некоторые специальные работы биологов в тексте II, в частности на работу немецкого зоолога Антона Дорна «Происхождение позвоночных животных и принцип смены функций» (М., 1937) и статью известного советского физиолога Петра Анохина в сборнике «Философские проблемы высшей нервной деятельности и психологии» (М., 1963) [15, л. 130–131].

К сожалению, доказательство данной гипотезы на сегодняшний день невозможно – личный архив ученого недоступен для работы исследователей, часть его в неразобранном состоянии находится дома у его внука А.А. Малиновского. Несмотря на это, данные тексты, даже без знания точного авторства, позволяют расширить наше представление о позднесоветской интеллектуальной истории. Их автор предлагал классический либеральный подход к организации политики, который не имел аналогов в советском самиздате.

Литература и примечания

1. Арбатов Г. Человек системы: наблюдения и размышления очевидца её распада. М.: Вагриус, 2002. 464 с. (Мой XX век).
2. URL: https://www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=539231326489308&id=100012073364093 (дата обращения: 20.05.2019).

3. Алексеева Л. История инакомыслия в СССР. Новейший период. Вильнюс; Москва : Весть, 1992. 332 с.

4. Bergman J. Was the Soviet Union Totalitarian? The View of Soviet Dissidents and the Reformers of the Gorbachev Era // *Studies in East European Thought*. 1998. Vol. 50, Iss. 4. P. 247–281.

5. Винер Н. Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине. 1948–1961. М. : Наука, 1983. 344 с.

6. Колмогоров А. Кибернетика // БСЭ. Т. 20. М. : Большая советская энциклопедия, 1953. 644 с.

7. Gerovitch S. From Newspeak to Cyberspeak: A History of Soviet Cybernetics. Cambridge (Mass.); London: The MIT Press, 2002. 384 p.

8. Noble D. Forces of Production: A Social History of Industrial Automation. New Brunswick, London: Transaction Publishers, 2011. 427 p.

9. Etzioni A. Toward a Theory of Societal Guidance // *The American Journal of Sociology*. 1967. Vol. 73, № 2. P. 173–187.

10. Easton D. An Approach to the Analysis of Political Systems // *World Politics*. 1957. Vol. 9, № 3. P. 383–400.

11. Barnes S., Deutsch K.W. The nerves of government: Models of political communication and control. New York: The Free Press, 1963 // *Behavioral Science*. 1965. Vol. 10(1). P. 81–83.

12. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/1997/24/uspensky.html> (дата обращения: 20.05.2019).

13. Мы имеем в виду работу «Очерки растущей идеологии (Антигэлбрейт)», опубликованную Сокирко в самиздате в 1970 г. под псевдонимом Буржуадемов К., и работу Турчина «Инерция страха. Социализм и тоталитаризм» (Нью-Йорк : Хроника, 1978).

14. Архив Международного Мемориала (АМА). Ф. 102. Оп. 1. Д. 7.

15. АМА. Ф. 102. Оп. 1. Д. 3.

16. Скиннер К. Значение и понимание в истории идей // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М. : Новое литературное обозрение, 2018. С. 53–123.

17. Эшби У. Что такое разумная машина // Кибернетика ожидаемая и кибернетика неожиданная. М. : Наука, 1968.

18. По-видимому, речь идет о работе «Основания этики» (1892–1893 гг.).

19. Малиновский А.А. Тектология. Теория систем. Теоретическая биология. М. : Эдиториал УРСС, 2000. 448 с.

References

1. Arbatov G. *Chelovek sistemy: nablyudeniya i razmyshleniya ochevidtsa ee raspada* [The Man of the System: Observations and Reflections of an Eyewitness to its Disintegration]. Moscow: Vagrius, 2002, 464 p.

2. Available at: https://www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=539231326489308&id=100012073364093 (accessed 20.05.2019).

3. Alekseeva L. *Istoriya inakomysliya v SSSR. Noveishii period* [History of Dissent Thought in the USSR. Newest Period]. Vilnius; Moscow: Vest', 1992, 332 p.

4. Bergman J. Was the Soviet Union Totalitarian? The View of Soviet Dissidents and the Reformers of the Gorbachev Era. *Studies in East European Thought*. 1998, vol. 50, Iss. 4, pp. 247–281.

5. Viner N. *Kibernetika, ili Upravlenie i svyaz' v zhivotnom i mashine. 1948–1961* [Cybernetics, or Control and Communication in the Animal and the Machine. 1948–1961]. Moscow: Nauka, 1983, 344 p.

6. Kolmogorov A. [Cybernetics]. *BSE* [Great Soviet Encyclopedia]. Vol. 20. Moscow: Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya, 1953, 644 p.

7. Gerovitch S. *From Newspeak to Cyberspeak: A History of Soviet Cybernetics*. Cambridge (Mass.); London: The MIT Press, 2002, 384 p.

8. Noble D. *Forces of Production: A Social History of Industrial Automation*. New Brunswick, London: Transaction Publishers, 2011, 427 p.

9. Etzioni A. Toward a Theory of Societal Guidance. *The American Journal of Sociology*. 1967, vol. 73, No. 2, pp. 173–187.

10. Easton D. An Approach to the Analysis of Political Systems. *World Politics*. 1957, vol. 9, No. 3, pp. 383–400.

11. Barnes S., Deutsch K.W. The nerves of government: Models of political communication and control. New York: The Free Press, 1963. *Behavioral Science*. 1965, vol. 10 (1), pp. 81–83.

12. Available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/1997/24/uspensky.html> (accessed 20.05.2019).

13. We are referring to the work “Essays on a Growing Ideology (Antigelbraith)”, published by Sokirko in samizdat in 1970 under the nickname K. Bourgeudemov, and the work of Turchin “Inertia of Fear. Socialism and totalitarianism (New York: Khronika, 1978).

14. *Arkhir Mezhdunarodnogo Memoriala (AMA)* [Archive of International Memorial (AIM)]. Fund 102. In. 1. File 7.

15. АМА [AIM]. Fund 102. In. 1. File 3.

16. Skinner K. [Meaning and Understanding in the History of Ideas]. *Kembridzhskaya shkola: teoriya i praktika intellektual'noi istorii* [Cambridge School: Theory and Practice of Intellectual History]. Eds. T. Atnashev, M. Velizhev. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2018, pp. 53-123.

17. Eshbi U. [What is an Intelligent Machine]. *Kibernetika ozhidaemaya i kibernetika neozhidannaya* [Cyber-

netics Expected and Cybernetics Unexpected]. Moscow: Nauka, 1968.

18. Apparently, we are talking about the work “Foundations of Ethics” (1892-1893).

19. Malinovskii A.A. *Tektologiya. Teoriya sistem. Teoreticheskaya biologiya* [Tectology. Systems Theory. Theoretical Biology]. Moscow: Editorial URSS, 2000, 448 p.

Поступила в редакцию / Received

28 апреля 2019 г. / April 28, 2019

К ВОПРОСУ О ТОПОНИМИИ ГОРОДА НАХИЧЕВАНЬ-НА-ДОНУ

© 2019 г. С.С. Козлов ^а

^а Ростовский областной музей краеведения, Ростов-на-Дону, Россия

TO THE QUESTION OF TOPONYMY OF NAKHICHEVAN-ON-DON

S.S. Kozlov ^а

^а Rostov Regional Museum of Local History, Rostov-on-Don, Russia

Козлов Сергей Сергеевич –
старший научный сотрудник,
Музей русско-армянской дружбы,
Ростовский областной музей краеведения,
ул. Большая Садовая, 79, г. Ростов-на-Дону,
344052, Россия.
E-mail: sid.220788@bk.ru

Sergey S. Kozlov -
Senior Researcher,
Museum of Russian-Armenian Friendship,
Rostov Regional Museum of Local History,
Bolshaya Sadovaya St., 79, Rostov-on-Don,
344052, Russia.
E-mail: sid.220788@bk.ru

Рассмотрена история формирования наименований улиц и площадей г. Нахичевань-на-Дону, несущих в себе важные сведения о прошлом города. Актуальность исследования обусловлена тем, что под влиянием различных обстоятельств старые названия заменялись новыми, а прежние наименования, сохранившиеся на фотооткрытках, издававшихся в Москве и Санкт-Петербурге, нередко искажены, названия улиц на них перепутаны. Малоизвестны, а иногда и вообще неизвестны названия улиц и площадей, которые были даны им при основании города. Здесь предпринята попытка исследовать на основе архивных документов и литературы «народные» названия площадей и улиц старой Нахичевани, указы управы г. Нахичевань-на-Дону о присвоении городским улицам и площадям названий и номеров домов. Раскрывается влияние социально-экономических и градостроительных процессов на наименование улиц, площадей, общественных зданий, объектов духовного и культурно-исторического наследия.

Ключевые слова: культурно-исторический облик, улицы и площади г. Нахичевань-на-Дону, история г. Нахичевань-на-Дону.

The history of the formation of streets and squares' names of the city of Nakhichevan-on-Don, bearing important information about the past of the city is considered. The relevance of the study is due to the fact that under the influence of various circumstances, the old names were replaced by new ones, and the former names that were preserved on photo postcards published in Moscow and St. Petersburg are often distorted, and the names of the streets are confused. The names of streets and squares, which were given to them at the foundation of the city are little known, and sometimes unknown at all. Here, an attempt to investigate, on the basis of archival documents and literature, the "folk" names of the squares and streets of old Nakhichevan and the decrees of the Council of the city of Nakhichevan-on-Don about assigning names and house numbers to city streets and squares has been made. The influence of socioeconomic and town-planning processes on the toponymy of streets, squares, public buildings, objects of spiritual, cultural and historical heritage is revealed.

Keywords: cultural and historical appearance, streets and squares of the city of Nakhichevan-on-Don, history of the city of Nakhichevan-on-Don.

Нахичевань-на-Дону – город, основанный на правом берегу реки Дон армянами – переселенцами из Крыма. В научной литературе об истории Нахичевани довольно подробно описаны история, быт, культура населения [1], развитие архитектуры и градостроительства города [2]. Упоминается и о топонимии города. Чаще всего

указываются названия начала XX в. и реже современные названия. В краеведческой и научно-популярной литературе авторы пишут о прежних названиях улиц без ссылок на источники или же приводят «народные», неофициальные названия. Так, И. Келле-Шагинов в своих воспоминаниях называет 1-ю Софиевскую улицу

Базарной [3, с. 256], упоминает некую Сырьевскую улицу [3, с. 20]. В документах городской управы, в прошениях о регистрации домовладений за 1874 г., указываются вместо адресов номера кварталов и участков, например: «В нахичеванскую городскую управу от нахичеванской мещанки Анны Степановны Курдовой. Прошение. Имеется в Нахичевани-на-Дону в 1-й части 37 квартала под № 650 деревянный дом крытый тесом с деревянным при нем домиком и сараем крытым камышом выстроенный мной на приобретенной в 1850 году у нахичеванского мещанина Арутюна Чеботарева» [4, л. 59], или же так: «подворье, пустопорожнее место имеющееся в 3-м участке города... действительно принадлежит Азовскому мещанину Федору Воронцову» [4, л. 5].

Часто в качестве адреса просто указывали фамилию владельца, например: «дом М.И. Балабанова», «дом М.М. Попова», «дом Сармакешева» и т.д. О.Х. Халпахчян дает информацию о планировке города [2, с. 15]. Респонденты, опираясь на воспоминания своих бабушек и дедушек, также достоверно знают названия улиц лишь с начала XX в., о более раннем периоде им или неизвестно, или же они пользуются «народными» названиями. В открытых письмах с изображениями улиц и площадей Нахичевани, выпускавшихся московскими, петербургскими изданиями, допущены ошибки в названиях, имеются неточности даже в тех открытках, что выпускались в Ростове-на-Дону и в Нахичевани-на-Дону. Таким образом, топонимия Нахичевани-на-Дону оказывается «белым пятном» в истории города.

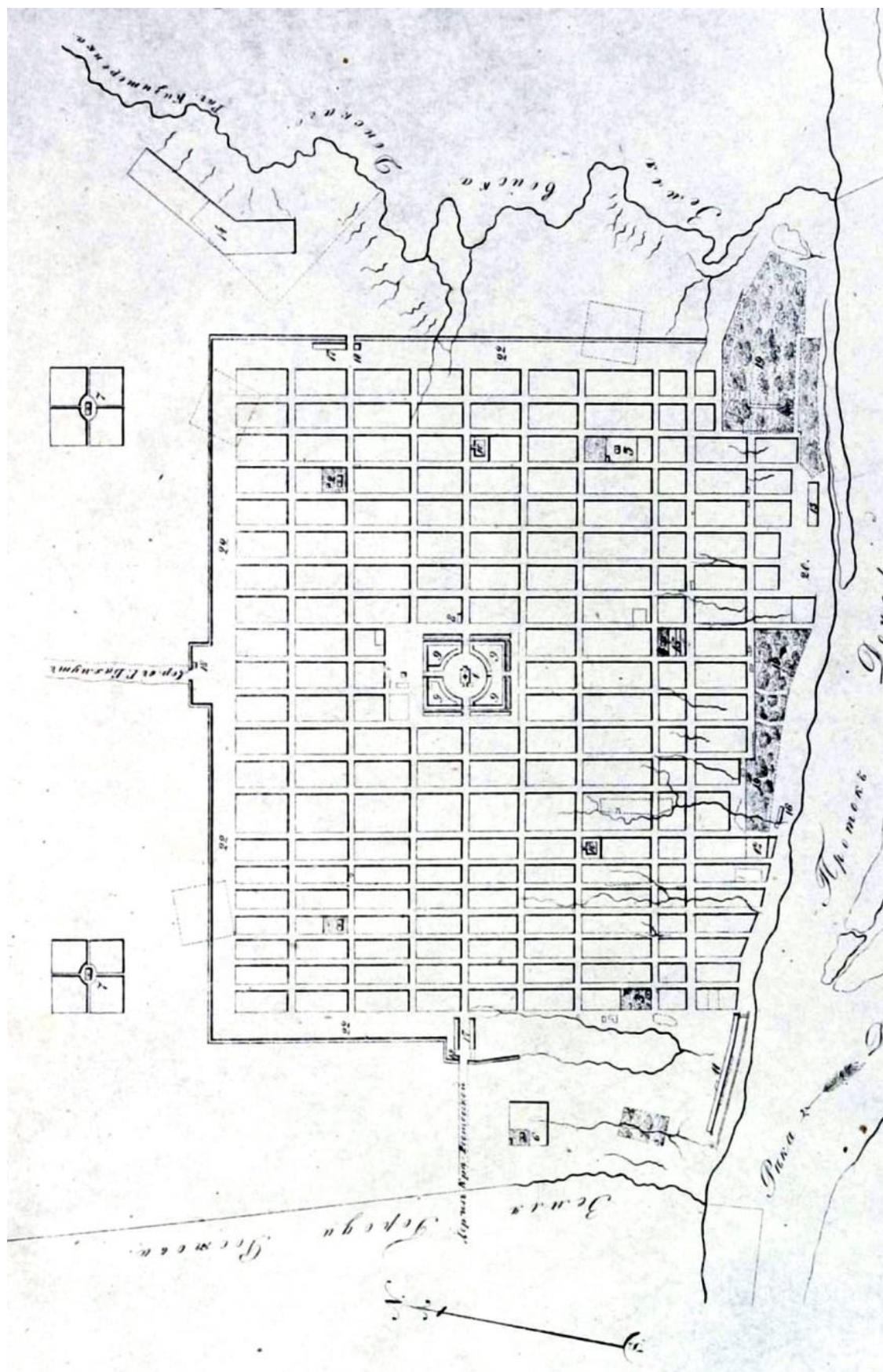
Цель нашего исследования – выявить основные особенности ранних этапов формирования планировки и топонимии г. Нахичевани-на-Дону, особенности формирования градостроительного облика, роль государства и деятельность органов городского самоуправления по планировке города, которые в совокупности и определили своеобразие местной топонимии.

С помощью исторических источников и научной литературы попытаемся проследить изменения и этапы развития Нахичеванской топонимии, в частности, переход от народной к государственной и административно-территориальной, закрепление ее в учетно-регистрационных знаках и символах.

Нахичевань-на-Дону – основана в 1779 г. по указу императрицы Екатерины II на месте слободы Полуденки, находившейся к востоку крепости св. Димитрия Ростовского, часть жителей

которой выселились в крепость, остальные переехали на левый берег Дона в село Койсуг [5, с. 31]. Территория бывшей слободы довольно органично вписалась в планировку нового города и составила часть Нахичевани от Нижнепольной улицы до 15-й Линии. Говоря о строительстве и благоустройстве Нахичевани-на-Дону нужно иметь в виду одно важное обстоятельство. Нахичевань отличалась от многих близлежащих городов тем, что они основывались как небольшие населенные пункты, которые с течением времени росли и постепенно превращались в крупные города [1, с. 73]. Нахичевань же с момента закладки краеугольных камней застраивается по специальному плану [1, с. 73] (рисунок). Знаменитый художник М.С. Сарьян писал: «Город имел очень правильный план. Дома построены с дворами и садами по принципу особняков, улицы озеленены акациями, серебристыми тополями и другими деревьями» [6, с. 28].

Многие авторы называют дату, когда был сформирован план города Нахичевани, но ничего не говорят о том, когда была произведена разбивка города на улицы, кварталы и площади. О.Х. Халпахчян отмечает, что точная датировка разбивки города на кварталы и улицы ему неизвестна [2, с. 7], точно известна численность жителей в Нахичевани в первые годы его существования – около 10 тыс. человек [2, с. 36]. Он же пишет: «Только в середине второй половины XIX в., в связи с увеличением числа домовладений, Городской Управой был рассмотрен вопрос о «наименовании улиц, разделении кварталов и занумеровании домов каждого владельца» [2, с. 30]. Уже в 1866 г. численность населения г. Нахичевани и его округа составляла 24 270 человек [7, с. 296]. В письме гласного Нахичеванской-на-Дону городской думы М.А. Халибова городскому голове от 22 сентября 1872 г. в числе предложений говорится: «Нахичевань с самого основания своего не была разделена на кварталы, улицы его без названия, дома без номеров. При этом, в порядке вещей, жители и самое городское управление обходилось без этого разделения, названий и номеров. В настоящее время при существовании у нас общей полиции, почтовой конторы и мирового суда, где каждый проситель обязан указывать с точностью место жительства, как своего, так и ответчиков, и свидетелей, а без названий местности требования закона не могут быть выполнены, что влечет за собою большие затруднения и неудобства.

План г. Нахичевань-на-Дону, утвержденный в 1811 г. царем Александром I /
The plan of the town Nakhichevan-on-Don, approved in 1811 by Tsar Alexander I

Недостаток этого разделения и названий может в городе день ото дня становиться более и более чувствительным. Вследствие чего, я в качестве гласного (Городской) Думы и участкового мирового судьи прошу Вас, милостивый государь, для устраниний как для граждан и иногороднего населения, так и для присутственных мест, при отыскивании или указании требуемого места жительства в городе, постановить определение о разделении его (города) на части и кварталы с наименованием улиц и обозначении домов номерами, как это мы видели в благоустроенных городах. Гласный Минас Халибов. 22 сентября 1872 г.» [8, л. 1]. 22 сентября 1872 г. было предложено разбить город на улицы, кварталы и площади [1, с. 4]. Таким образом, необходимость наименования улиц возникла не только потому, что в городе появилось много строений, как пишет О.Х. Халпахчян [2, с. 30], так как количество жителей росло, в том числе за счет притока русского населения, но и в связи с тем, что отсутствие названий улиц и площадей мешало работе полицейского управления, почты и мировых судей.

12 октября того же года городская управа выпустила постановление о необходимости разбивки города на улицы, кварталы и площади, обосновывая это тем, что: «...улицы его без названий, дома, без номеров и что для устранения затруднений как для граждан и иногороднего населения, так и для присутственных мест, при отыскивании или указании требующегося места жительства в городе, необходимо постановить определение о разделении города на части и кварталы с наименованием улиц и обеспечении домов номерами...» [8, л. 3]. Тем же постановлением поручается составить план члену городской управы по распорядительной части М.Н. Карабетову вместе с городским архитектором и городским приставом Нахичевани. 5 марта 1875 г. городской архитектор Нахичевани В. Сазонов представил в городскую управу Нахичевани-на-Дону разработанный им план города с предполагаемыми названиями улиц и площадей [9, л. 80]. К сожалению, этот план нам так и не удалось обнаружить.

7 августа 1875 г. городская дума, на основании доклада городской управы от 28 июля того же года, приняла проект разделения города на кварталы, улицы и площади, а также на нумерацию домов [10, л. 7]. В силу оригинальной планировки города, улицы, идущие с запада на восток, были причислены к улицам. А пересекающие их улицы,

расположенные перпендикулярно реке Дон, становятся линиями – подобно тому как улицы на Васильевском острове в г. Санкт-Петербурге.

Так, центральная улица, пересекающая главную площадь, в центре которой находился кафедральный собор Нахичевани Сурб Григор Лусоворич, была разделена на две части: 1-ю и 2-ю Соборную [10, л. 8]. В 1920 г. после установления советской власти они получили название 1-й и 2-й Советской [3, с. 263], а позже 2-ю Советскую переименовали в Ереванскую. Другие улицы получили свои названия в честь церквей, которые на них находятся. 1-я и 2-я Федоровская улицы названы по имени храма Сурб Теодорос (Торос) который был заложен в 1783 г. в праздник св. Тороса и находился в юго-восточной части города, на углу 35-й линии и 2-й Федоровской [11, с. 9]. В советское время их переименовали в 1-ю и 2-ю Инженерную, а затем в ул. им. Мясникова и Сарьяна. 1-й, 2-й Вознесенской улицам дал имя храм св. Вознесения (Сурб Амбарцум), основанный 2 мая 1781 г. Иосифом Аргутинским. Церемония освящения проходила в очень торжественной обстановке при большом скоплении людей. На ней присутствовало много «знатных русских», которые вместе с другими знатными нахичеванцами были приглашены полковником Абрамовым на обед, устроенный в его доме [11, с. 12]. Данная церковь располагалась в северо-восточной части города на пересечении 2-й Вознесенской и 34-й линии. С установлением советской власти этим улицам дали имя большевистского подпольщика Егора Мурлычева, убитого белогвардейцами в 1918 г., 2-я Мурлычевская позже была переименована в честь советского военачальника Д.И. Рябшева. Храм, по имени которого были названы 1-я, 2-я Никольская, основан в 1781 г. в северо-восточной части города на берегу р. Дон, по 1-й линии и освящен во имя св. Николая (Сурб Никогос) [11, с. 9]. С приходом к власти большевиков эти улицы переименованы в 1-ю и 2-ю Рабкоровскую. Через некоторое время 1-я Рабкоровская стала улицей А.М. Листопадова – в честь известного советского ученого-фольклориста, собирателя песен донских казаков, 2-й Рабкоровской присвоено имя М.П. Богданова – секретаря Ростовского обкома, погибшего в боях за Ростов-на-Дону 17 октября 1941 г. 1-я, 2-я Успенская названы по имени храма Сурб Аствацацин (Успения Богородицы) – самой ранней из всех церквей Нахичевани, которая была построена и освящена в 1781 г. в

день святой Пасхи самим Иосифом Аргутинским. Располагалась церковь по 1-й Успенской между 23-й и 25-й линиями [11, с. 11]. В советское время переименованы в 1-ю и 2-ю Пролетарскую улицы.

Улицы разделялись четырьмя центральными площадями, а также 23-й и 24-й линиями. Софиевские и Георгиевские улицы начинались от площадей, на которых стояли храмы на окраине города: православный Софиевский и при нем площадь и Георгиевский соответственно. Оба этих храма и площади не сохранились до наших дней.

Линии шли от двух Соборных улиц и от площадей. Линии, идущие от улицы Соборной к Дону, были нечетными, а от Соборной вверх – четными. Площади также получили свои названия. В центре города располагались Гостинная (Екатерининская, К. Маркса), Базарная, Полицейская (им. Л.Н. Толстого), Бульварная (Свободы) площади. Имелось также три площади на окраинах города: Сенная, Софиевская и Георгиевская [10, л. 8].

В 1894 г. по инициативе городского головы М.И. Балабанова на Гостинной площади был установлен памятник основательнице города императрице Екатерине II. Открытие памятника состоялось 18 сентября 1894 г. [3, с. 263]. В связи с этим событием площадь была переименована в Екатерининскую [3, с. 263]. Полицейская площадь получила свое название по расположению на ней полицейского участка г. Нахичевани-на-Дону, в 1911 г. после смерти русского писателя Льва Николаевича Толстого, площади дают его имя, которое она носит до сих пор. Бульварная площадь была одним из любимых мест отдыха и прогулок нахичеванцев. На ней находилась Екатерининская женская гимназия, кинематограф «Эльдорадо», также здесь был построен городской театр, по которому эту площадь иногда ошибочно называли Театральной, в том числе и на фотооткрытках.

Нумерация домов на Соборных, Софиевских и Георгиевских улицах начиналась от центральных площадей, на остальных улицах на углу с 23-й и 24-й линиями [8, л. 8]. Нумерация домов на линиях шла от 1-й и 2-й Соборной улиц, а также от центральных площадей.

Тогда же городская Дума решает вопрос об изготовлении табличек с названиями улиц и номерами домов, а также вопрос о смете расходов, предполагая, что последние должны были лечь на плечи домовладельцев.

В 1891 г. городская управа взяла на себя расходы по изготовлению табличек. Выполнить их

было поручено минскому мещанину Д. Я. Гинсбургу. Он обязывался изготовить 137 досок с названиями улиц по 1 руб. 70 коп. за штуку и 785 табличек с номерами по 30 коп. за штуку [9, л. 1]. Но через месяц Гинсбург был вынужден покинуть Нахичевань-на-Дону, успев изготовить только 56 досок с названиями и 75 – с номерами домов, которые и были отправлены в Управу. Остальные обязывался доделать нахичеванский мещанин Л.С. Чарыхов [12, л. 3].

Аналогичное соглашение на изготовление досок было заключено с ростовским мещанином Л. А. Берманом в начале 1892 г. Только он обязывался изготовить 125 досок с названиями улиц и 2511 с номерами домов [13, л. 1].

В итоге можно отметить, что многие названия улиц и площадей Нахичевани-на-Дону появились только в 1870-е гг., сменив «народные» названия, которыми пользовались горожане. Названия и нумерация домов были им практически не нужны. Их отсутствие не вызывало дискомфорта. Этот небольшой город, где все друг друга знают, обласканный привилегиями, дарованными императрицей Екатериной II, такими как самоуправление и городской магистрат по старым обычаям и обрядам, просто в них не нуждался. Однако в связи с увеличением численности населения, за счет выходцев из сел и других регионов, возникла необходимость в наименовании улиц, площадей и нумерации домов для успешного функционирования новых органов городского самоуправления, таких как: городская управа, городская дума, мировые судьи, полицейское управление, созданных в ходе реформ императора Александра II 1860–1870-х гг. Исходя из вышеизложенного можно сказать, что большое влияние на формирование названий улиц, площадей, объектов духовного и культурно-исторического наследия Нахичевани-на-Дону оказали демографические, социально-экономические и градостроительные процессы.

Литература

1. Бархударян В.Б. История армянской колонии Новая Нахичевань (1779–1917). Ереван : Айастан, 1996. 528 с.
2. Халтахчян О.Х. Архитектура Нахичевани-на-Дону. Ереван : Айастан, 1988. 168 с.
3. Келле-Шагинов И.М. Моя единственная жизнь: дневники и воспоминания. Ростов н/Д. : Старые русские, 2015. 320 с.
4. ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 99.

5. Ильин А.М. История города Ростова-на-Дону: очерк. Ростов н/Д. : Мини Тайп, 2014. 114 с.
6. Сарьян М.С. Из моей жизни / под ред. Ш.Г. Хачатряна : 4-е изд. М. : Изобр. искусство, 1990. 304 с.
7. Памятная книжка Екатеринославской губернии на 1867 год. Ч. II. Екатеринослав, 1867. 361 с.
8. ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 4.
9. ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 128.
10. ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 10.
11. Казаров С.С., Вартанян В.Г. История Армянской апостольской церкви на Дону (XVIII–XX вв.) : 2-е изд., перераб. и доп. Таганрог : Изд-во Таганрогского ин-та управления и экономики, 2008. 120 с.
12. ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 593.
13. ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 650.
3. Kelle-Shaginov I.M. *Moya edinstvennaya zhizn': dnevniki i vospominaniya* [My Only Life: Diaries and Memories]. Rostov-on-Don: Starye russkie, 2015, 320 p.
4. GARO [SARR]. Fund 91. In. 1. File 99.
5. Il'in A.M. *Istoriya goroda Rostova-na-Donu* [History of the City of Rostov-on-Don]. Essay. Rostov-on-Don: Mini Taip, 2014, 114 p.
6. Sar'yan M. S. *Iz moei zhizni* [From my Life]. Ed. Sh.G. Khachatryan. 4th ed. Moscow: Izobr. iskusstvo, 1990, 304 p.
7. *Pamyatnaya knizhka Ekaterinoslavskoi gubernii na 1867 god* [The Memorial Book of the Yekaterinoslav Province in 1867]. Part II. Ekaterinoslav, 1867, 361 p.
8. GARO [SARR]. Fund 91. In. 1. File 4.
9. GARO [SARR]. Fund 91. In. 1. File 128.
10. GARO [SARR]. Fund 91. In. 1. File 10.
11. Kazarov S.S., Vartanyan V.G. *Istoriya Armyanskoi apostol'skoi tserkvi na Donu (XVIII–XX vv.)* [History of the Armenian Apostolic Church on the Don (18th-20th centuries)]. 2nd ed., cor. and add. Taganrog: Izd-vo Taganrogskego in-ta upravleniya i ekonomiki, 2008, 120 p.
12. GARO [SARR]. Fund 91. In. 1. File 593.
13. GARO [SARR]. Fund 91. In. 1. File 650.

References

Поступила в редакцию / Received

28 марта 2019 г. / March 28, 2019

ДОНСКИЕ ЕПАРХИАЛЬНЫЕ ВЕДОМОСТИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ СТАРООБРЯДЧЕСТВА НА ДОНУ В XVIII ВЕКЕ

© 2019 г. О.С. Кротов ^а

^а Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

DONSKIE EPARHIAL'NYE VEDOMOSTI AS A SOURCE ON THE HISTORY OF OLD BELIEVERS ON THE DON IN 18th CENTURY

O.S. Krotov ^а

^а Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Кротов Олег Сергеевич –
аспирант,
Институт истории и международных отношений,
Южный федеральный университет,
ул. Большая Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону,
344082, Россия.
E-mail: student-historic@rambler.ru

Oleg S. Krotov -
Postgraduate,
Institute of History and International Relations,
Southern Federal University,
Bolshaya Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don,
344082, Russia.
E-mail: student-historic@rambler.ru

Раскрываются ключевые моменты истории старообрядчества на Дону в XVIII в. на основе анализа материалов периодических изданий Донской епархии. Донские епархиальные ведомости являются главным источником по религиозной донской истории. Данное периодическое издание вносит большой вклад в изучение старообрядчества как сложного социокультурного явления региональной истории. В работе предпринята попытка комплексного анализа публикации издания по такому направлению, как «Старообрядчество и сектантство». Констатируется, что, несмотря на консервативный характер таких публикаций, в них довольно подробно отражены существенные черты донских старообрядцев, раскрываются основные этапы распространения староверия среди донского казачества и дается общий анализ политики епархиальных властей в отношении приверженцев старой веры.

Ключевые слова: старообрядчество, периодические издания, Донская епархия, станицы Камышевская, Пятиизбянская, увещательная комиссия, следственная комиссия по делам раскольников, архимандрит Вениамин.

The article reveals the key moments of the history of Old Believers on the Don in the 18th century based on the analysis of materials from periodicals of the Don Diocese. Donskiye Yeparkhial'nyye Vedomosti are the main source on religious history of the Don. It is recognized that this periodical makes a great contribution to the study of Old Believers as a complex socio-cultural phenomenon of regional history. The article attempts to hold a comprehensive analysis of the publication of the materials in such a direction as "Old Believers and sectarianism". It is stated that despite the conservative nature of such publications, the essential features of Don Old Believers are fairly detailed in them, the main stages of the propagation of Old Belief among Don Cossacks are revealed, and a general analysis of the diocesan authorities' policy towards the adherents of the old faith is given.

Keywords: Old Believers, periodicals, Don Diocese, stanitsa Kamyshevskaya, Pyatiizbyanskaya, the Unevening Commission, Investigation Commission for the schismatics, Archimandrite Veniamin.

При изучении донской церковной истории, роли старообрядчества в экономической социальной и культурной жизни донского казачества особую роль играют местные периодические издания, среди которых важное место, безусловно, занимают епархиальные ведомости. Уникальность их заключается в том, что они были распространены практически во всех регионах Российской империи, являясь одно-

временно и орудием пропаганды официальной церкви, и ценным источником по истории религии в регионах. В таких изданиях довольно подробно отражены все стороны развития регионального духовенства, его роли в жизни населения. В отдельную составляющую ведомостей выделены целые разделы, посвященные борьбе с сектантством и старообрядчеством. Нередко публиковались и материалы по исто-

рии распространения раскола в разных субъектах государства.

Епархиальные ведомости как тип периодического издания появляются в Российской империи в 1860-х гг. по примеру губернских ведомостей, которые издавались к этому времени в большинстве губерний [1]. На территории Земли Донской епархиальные ведомости начали выходить в конце 60-х гг. XIX в. Донские епархиальные ведомости (далее – ДЕВ) стали первым периодическим изданием Русской Церкви на Юге России. Первый выпуск состоялся в г. Новочеркасске 1 января 1869 г. [2]. Редакторами журнала в разное время обычно выступали ректоры или сотрудники Донской духовной семинарии, а авторами большинства статей – священнослужители и преподаватели семинарии и училищ. С одной стороны, это не могло не отражаться на содержании и объективности разделов, связанных с историей старообрядчества, с другой – издание ведомостей находилось в руках образованных людей того времени, что положительно сказывалось на уровне публикации.

Редакцию «Донских епархиальных ведомостей» в первые годы возглавлял архимандрит Вениамин (в 1869–1876 гг. он выпускал официальный и неофициальный отделы). Редакторами издания с 1878 по 1883 г. (№ 12) были преподаватель А. К. Гиляревский, с 1883 (№ 13) по 1901 г. (№ 25) – преподаватель и известный исследователь донской истории, инспектор донской консистории А. А. Кириллов [3].

Ведомости имели необычную для такого рода периодических изданий структуру – официальный и неофициальный отделы. В официальный отдел входили распоряжение высшего правительства по церковным делам, указы Синода и епархиальных начальств. Более интересен в этом плане неофициальный отдел, в котором широко освещались прошлое и настоящее Донского края. Там печаталось немало статей, посвященных Донской епархии, ее архиереям и другим выдающимся деятелям, монастырям и святыням, а также истории Донского казачьего войска и его участию в военных кампаниях. Особое место занимали материалы о донском старообрядчестве и сектантстве.

Из публикаций по истории старообрядчества и единоверия можно выделить такие, как «Определения, относящиеся к расколу, и клятвы великого Московского Собора 1666/7 гг.» (1871–1872, 1883) и «Деятельность Русской Церкви против раскола со времени великого

Московского Собора» (1875, № 3–4, 7–9, 11–14) Снесарёва; «Материалы для истории раскола в Донской области» (1873–1876); «Противораскольничья миссия в Донском крае при святителе Тихоне I», «Святитель Митрофан, первый епископ Воронежский, как борец со старообрядческим расколом в Донской Украине» (1904, № 7) Е. Овсянникова.

Касательно истории донского старообрядчества в XVIII в. нас будут интересовать материалы ДЕВ за 1873–1876 гг., которые отражают два аспекта: во-первых, раскрываются основные этапы распространения старообрядчества в ряде донских станиц, а во-вторых, дается анализ тех мероприятий воронежских епархиальных властей по борьбе с влиянием староверия на православное местное население.

Первые материалы, посвященные истории донского старообрядчества в XVIII в. можно обнаружить в 23-м номере ДЕВ от 1 декабря 1873 г. Автор (в данном случае редактор издания – архимандрит Вениамин) дает краткую характеристику первых лет распространения старообрядчества в конце XVII в., подчеркивает важность Дона как ключевого центра старообрядчества в тот период времени. Меры правительства, направленные на ликвидацию поселений и церкви старообрядцев в конце века и разгром старообрядческого движения, автором полностью поддерживаются. Однако, как замечает редактор данного материала, после подавления старообрядческого движения на Дону в 1688 г. Дон действительно утрачивает свое значение в качестве центра распространения старообрядческих идей и впоследствии донское старообрядчество полностью подчиняется другим формирующимся центрам «раскола» – Стародубье, Ветка, а затем Иргиз [4, с. 717–718]. Это было вводной частью к дальнейшим материалам, посвященным уже частным аспектам распространения староверия среди донского казачества.

На страницах того же номера публикуется статья об обнаружении приверженцев старой веры в станице Камышевской во второй половине XVIII в. Размышляя о причинах распространения старообрядческих идей, автор замечает, что далеко не везде они сводились только к деятельности расколоучителей, которых было довольно мало в начале XVIII в. Одним из факторов роста сторонников старой веры на Дону было и то, что многие казаки просто не знали о постановлении московского Собора 1666–

1667 гг. об отмене двоеперстия и ориентировались по-прежнему на решения Стоглава 1551 г., разрешающего двоеперстие [4, с. 720–724].

Таким образом, в статье косвенно признается, что проповедническая деятельность Русской церкви по вопросам реформ попросту отсутствовала на Дону, в то же время «раскольников» попов становилось все больше. Так и обстояли дела в ст. Камышевской во второй половине XVIII в. На протяжении практически десятилетия в этой станице, а также и в соседних станицах Романовской и Верхне-Каргальской находился «раскольниковый» поп Симеон, чья проповедническая деятельность привела к тому, что «оной Камышевской станицы казаки с женами и детьми все содержат суеверный раскол, в церковь святую не ходят и исповеди и святых таин не сподобляются, а ныне уж и детей своих крестить ево недопускают, тоже и к брачному сочтанию, и исправлять оные требы неведомо откуда приехавший поп Симеон» [4, с. 727]. Более того, станичные казаки наотрез отказались впускать в свою церковь православного священника, отобрав у него ключи.

В Верхне-Каргальской станице обнаруживается другой раскольниковый поп, который исправлял требы в доме казака Осипа Дмитриева. И тут казаки не впускают в свои дома священников епархии, отказываются от проповеди и совершения треб. Автор приводит и еще одно свидетельство о масштабах распространения староверия на донской земле. По ст. Романовской приводится донесение священника Григория Игнатов, в котором утверждается, что «в станице умершего отставного казака Лукьяна Невидимова без священника сами и погребают, да и в день Христова рождества и Богоявления Господня со крестом и для кропления святой водой домов ни третья часть не пускали, о чем и рапортует» [4, с. 729]. В итоге в данном номере ДЕВ признается, что раскол на Дону снова укоренился в 60–70-х гг. и приобрел огромное количество своих сторонников среди местного казачества. Такие станицы, как Верхне-Каргальская, Романовская и Камышевская, практически более чем на две трети состояли из старообрядцев.

Автор материалов по истории раскола в донской земле признает, что массовому распространению старообрядчества среди казаков во многом способствовало то, что казаки изначально симпатизировали старым обычаям и двуперстию. Решающую роль сыграла и рас-

кольническая деятельность беглых попов, которые могли убеждать местное население в неправомерности треб, совершаемых православными священниками.

За 1874 г. мы имеем несколько материалов по истории донского раскола. Во втором номере ДЕВ от 15 января дается довольно подробное повествование о деятельности Следственной комиссии о раскольниках в Области войска Донского в 60–70-х гг. XVIII в. [5, с. 39–41]. Задача комиссии состояла в формировании новой антираскольниковой политики.

Во-первых, было решено запретить выбирать священнослужителями выходцев из казачьей среды, во-вторых, была создана следственная комиссия о раскольниках, а в-третьих, образована комиссия увещателей раскольников в Земле Донской [5, с. 41]. Центральное место в повествовании занимает деятельность следственной комиссии, образованной в 1764 г. на основе донесений священника Терновской станицы Сергея Григорьева: «той Терновской станицы атаман Алексей Февралев и всей той станицы казаки и их жены с детьми 1763 года во всю четырехдесятницу у исповеди не были и святых таинств не причащаются, а во воскресенье и праздничные дни к слушанию божественной службы вовсе никогда не ходят, а наипаче де явился у них той же станицы суеверец и развратник святой веры Анисим Кузнецов в церковь Божию не входит и иных отвращает...» [5, с. 41–42]. Согласно итогам расследования, в станице практически не оказалось сторонников православной церкви. Комиссия, расследовавшая обстоятельства распространения старообрядчества в Терновской станице, выявила, что казаки не желают исповедоваться у священников, присланных епархией, и «сами ставят в своих станицах священников из числа раскольников». Архиерей Тихон запретил казакам выбирать священников из своего общества. Однако на деле постановление Тихона не исполнялось.

По материалам раскольникового дела выясняется, что в ряде станиц были распространены браки между православными и староверами [5, с. 46–48]. Более того, комиссия выявила массовый переход и других станиц. В данном тексте имеется и признание редактора в том, что в некоторых случаях в процессе выявления старообрядцев приверженцы православия по своему усмотрению переусердствовали и часто недозволительно использовали грубые выражения и

физическую силу. Так, в ст. Цымлянской казаки Кузнецов и Киреев ломали двери в домах казаков и рубили полы, дабы найти раскольников. Войсковой атаман Ефремов, узнав о такой наглости со стороны епархиального начальства, потребовал «впредь такие допущения не позволять» [5, с. 44–45]. Члены следственной комиссии были назначены епархиальным начальством, в состав вошли игумен Мигулинского монастыря Тихон и протопоп крепости святого Дмитрия Ростовского Василий Андреев. Комиссия выявила и наличие староверов в ст. Траилинской и Нижне-Каргальской. 544 человека придерживались старых обрядов в ст. Терновской. Однако сколько их было на самом деле, комиссия установить не смогла. В заключение этого номера ДЕВ редакторами признается факт массового распространения старообрядчества в донских станицах. Кроме того, отмечается вмешательство гражданских властей Дона в расследование комиссии, что воспринималось и церковными властями в тот период и редакторами периодического издания как грубое нарушение религиозных норм и считалось абсолютно неприемлемым. Сама следственная комиссия прекратила свое существование в 1765 г. по настоянию войсковой канцелярии.

В следующем номере ДЕВ за 1874 г. продолжается материал о работе следственной комиссии по раскольниках [6, с. 82–92]. Основная цель комиссии – сбор фактов по нахождению в донских станицах приверженцев старой веры и создание методов для борьбы с их влиянием. В данной публикации отмечается, что в 1764–1765 гг. шло достаточно сильное противостояние войсковой канцелярии и епархиальных властей по вопросу поиска и наказания имевшихся в донских станицах старообрядцев. Следственная комиссия закончила свою работу 13 мая 1765 г., так и не достигнув своей цели. Как же оценивали деятельность комиссии сама епархия и редакторы ДЕВ? Они отмечали, что если раньше старообрядческие попы действовали тайно, то благодаря расследованиям комиссии удалось открыть воистину колоссальные масштабы распространения «болезни местных жителей, требовавших врачевания» [6, с. 91–92]. В тексте открыто обвиняются и гражданские казачьи власти в поддержке и укрывательстве староверов, а также выдвигается предположение, что некоторые из атаманов могли сами быть выходцами из этой среды.

В пятом номере ДЕВ за 1874 г. завершается цикл статей об антираскольнической борьбе

епархии, обнаружении раскольников и о создании системы следственных и увещательных комиссий. В этом номере дается информация о деятельности комиссии увещателей, в частности о дьяконе Василии Михайлове – главе увещательной комиссии. Материалы данного раздела направлены не только на пояснение деталей, связанных с работой комиссии, в них заложена и некоторая пропагандистская цель – показать деятелей увещательной комиссии людьми высоконравственными, строго выполняющими свой церковный долг, исконно верующими, перед которыми ставилась задача вернуть «невежественных и развратных людей, впадших в раскол», в русло православной церкви [7, с. 144–152]. Это выглядит вполне логично в соответствии с той антираскольнической политикой, которую сначала проводила Воронежская епархия, а затем продолжила Донская. О дьяконе Михайлове так говорится в данном разделе: «Служение свое он воспринял на себя с особенной охотой и с разумной ревностью, усердием и значительной пользою нес его до самой своей смерти» [7, с. 145–146].

Цель комиссии увещателей епархиальное начальство видело в следующем: «В благопотребное время приходить в станицы и столько истину святыя восточной веры от божественного писания, и от святых отцов изъяснять, и как в церкви после службы, так и в домах, на всяких местах, где только потребуетя надобность, учить и от заблуждения и суеверия к истинному благочестию путь открывать» [7, с. 145–146]. Каковы были результаты Михайлова и его комиссии по увещанию раскольников, говорить довольно сложно, поскольку каких-то конкретных количественных данных о переходе старообрядцев в православие не сохранились. В самих ДЕВ такие сведения частично приводятся. Так, в период с 1766 по 1780 г. дьяконом Михайловым удалось обратить в православие порядка 580 человек в ст. Сиротинской, Кобылянской и Ногавской [7, с. 150]. Насколько они являются точными, можно судить только по данным Воронежской консистории, которые и приводят в своем разделе редакторы ведомостей.

В 1876 г. в ДЕВ выходят последние разделы из рубрики «Материалы по истории раскола в Донской области», посвященные уже упомянутой выше комиссии увещателей. Комиссии поручалось выяснить, «сколько и где в войске Донском раскольников находится, от войсковой канцелярии именную и мужскую и женскую

ведомость получить» [8, с. 152–156]. Кроме того, увещеватели должны были «не силою и угрозами но уверениями и доказательствами из божественного писания употреблять» и рапортовать о всех случаях, относящихся к старообрядцам. Деятельность комиссии распространялась на территории, где большинство жителей составляли выходцы из старообрядческой среды, например ст. Пятиизбянская, Есауловская, Камышевская, Терновская.

Итоги деятельности комиссии нельзя назвать удачными. Как описывали свою проповедническую деятельность «увещеватели» Федоров и Михайлов, «казаки, не точию оное увещание не приемлют, но и от слышания удаляются, впредь крещения и венчания и прочих таинств при церквях божьих от православных священников принимать отказывались» [8, с. 155–157]. Увещевателями выяснилось, что священники по многим донским станицам брали взятки и покрывали приверженцев старой веры. Комиссия работала в 1765–1767 гг., и, несмотря на очевидный отрицательный результат, поскольку увещеваниями заставить казаков отречься от «раскола» ей не удалось, выявила несколько действовавших на территории донских станиц приезжих ветковских попов. Порядка 88 человек было обнаружено в ст. Верхне-Михалёвской, Цымлянской, Терновской, Верхне-Курмоярской. Совместно с войсковой канцелярией все они были пойманы и отправлены в Черкасск, где и было проведено расследование их «раскольнической» деятельности. Но в итоге только двое из них были отправлены в ссылку, а остальные – отпущены.

Так заканчивается раздел, именуемый «Материалы для истории раскола в Области Донской». За 1873–1876 гг. в рамках ДЕВ был опубликован ряд довольно разрозненных, но богатых различного рода фактами статей, посвященных истории донского старообрядчества. В основном они касались аспекта формирования антираскольнической политики на Дону во второй половине XVIII в., но в то же время частично раскрывали этапы распространения старообрядчества на Дону. Безусловно, и в дальнейшем в ведомостях целые разделы посвящались истории донских старообрядцев XVIII в. Такой материал представлял официальную позицию Донских епархиальных властей и базировался на документах Воронежской консистории, что отразилось и на восприятии старообрядчества как явления, основанного на суевериях и неве-

жестве обычных людей. Тем не менее данные, содержащиеся в ведомостях, представляют важный научный интерес для полного понимания системы взаимоотношений между православным казачеством и его старообрядческим окружением, структуры религиозного управления Землей донской и механизмов, позволивших старообрядцам утвердиться и стать частью казачьей культуры и истории донского региона в целом.

Литература

1. *Троицкий А.*, прот. Епархиальные ведомости // Православная энциклопедия. М.: Православная энциклопедия, 2008. Т. XVIII. С. 493–497.
2. *Андреев Г.Л.* Христианская периодическая печать на русском языке 1801–1917 гг.: библиогр. указатель. Нью-Йорк, 1998. Т. 1. 207 с.
3. *Кириллов А. А.* К 45-летию «Донских епархиальных ведомостей» // Донской православный вестн. 1915. № 2. С. 86–90.
4. *Архимандрит Вениамин.* Материалы для истории раскола в Донской области // Донские епархиальные ведомости. 1873. № 23.
5. *Архимандрит Вениамин.* Материалы для истории раскола в Донской области // Донские епархиальные ведомости. 1874. № 2.
6. *Архимандрит Вениамин.* Материалы для истории раскола в Донской области // Донские епархиальные ведомости. 1874. № 4.
7. *Архимандрит Вениамин.* Материалы для истории раскола в Донской области // Донские епархиальные ведомости. 1874. № 5. С. 144–152.
8. *Архимандрит Вениамин.* Материалы для истории раскола в Донской области // Донские епархиальные ведомости. 1876. № 5.

References

1. *Troitskii A.*, Prot. [Diocesan Gazette]. *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox encyclopedia]. Moscow: Pravoslavnaya entsiklopediya, 2008, vol. XVIII, pp. 493–497.
2. *Andreev G.L.* *Khristianskaya periodicheskaya pechat' na russkom yazyke 1801–1917 gg.* [Christian periodicals in Russian 1801–1917]. Bibliography Pointer. New York, 1998, vol. 1, 207 p.
3. *Kirillov A.A.* К 45-letiyu «Donskikh eparkhial'nykh vedomostei» [To the 45th anniversary of the “Don Diocesan Gazette”]. *Donskoi pravoslavnyi vestn.* 1915, No. 2, pp. 86–90.

4. Arkhimandrit Veniamin. Materialy dlya istorii raskola v Donskoi oblasti [Materials for the History of the Split in the Don Region]. *Donskie eparkhial'nye vedomosti*. 1873, No. 23.

5. Arkhimandrit Veniamin. Materialy dlya istorii raskola v Donskoi oblasti [Materials for the History of the Split in the Don Region]. *Donskie eparkhial'nye vedomosti*. 1874, No. 2.

6. Arkhimandrit Veniamin. Materialy dlya istorii raskola v Donskoi oblasti [Materials for the History of

the Split in the Don Region]. *Donskie eparkhial'nye vedomosti*. 1874, No. 4.

7. Arkhimandrit Veniamin. Materialy dlya istorii raskola v Donskoi oblasti [Materials for the History of the Split in the Don Region]. *Donskie eparkhial'nye vedomosti*. 1874, No. 5, pp. 144-152.

8. Arkhimandrit Veniamin. Materialy dlya istorii raskola v Donskoi oblasti [Materials for the History of the Split in the Don Region]. *Donskie eparkhial'nye vedomosti*. 1876, No. 5.

Поступила в редакцию / Received

11 июня 2019 г. / June 11, 2019

УДК 654.19

DOI 10.23683/0321-3056-2019-2-94-97

РАДИОВЕЩАНИЕ В ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ (1920–1930-е гг.)

© 2019 г. И.Н. Симонова^а

^а Пензенский государственный университет архитектуры и строительства,
Пенза, Россия

BROADCASTING IN THE PENZA REGION (1920-1930)

I.N. Simonova^а

^а Penza State University of Architecture and Construction, Penza, Russia

Симонова Ирина Николаевна –
аспирант,
Пензенский государственный университет
архитектуры и строительства,
ул. Германа Титова, 28, г. Пенза, 440028, Россия.
E-mail: irina.simonova.79@mail.ru

Irina N. Simonova -
Postgraduate,
Penza State University of Architecture
and Construction,
Germana Titova St., 28, Penza, 440028, Russia.
E-mail: irina.simonova.79@mail.ru

Рассматривается развитие радиовещания в Пензенской области в 1920–1930-е гг. Подчеркивается, что данный период характеризуется активным и повсеместным распространением радиовещания как во всей стране, так и на территории изучаемого региона, радиовещание «идет» в деревни и села, являясь оплотом хозяйственного строительства. Относительная свобода первых лет работы советского радио дала возможность ускорить темпы его развития и распространения по городам и селам. В 1925 г. в губернии насчитывалось 33 радиоустановки, в 1926 г. – 162, а в 1927 г. – около 500. Отмечается особая роль в развитии радиовещания в Пензенской области добровольной организации «Общество друзей радио» (ОДР), которая активизировалась в 1924 г. и пропагандировала радиовещание в массы, распространяла знания о радиотехнике, помогла в радиофикации области властям. Радиофикация и радиовещание в 1920–1930-е гг. сыграли важнейшую роль в поднятии культурного уровня широких рабоче-крестьянских масс, в борьбе с религиозностью и ликвидацией безграмотности.

Ключевые слова: радио, радиовещание, Пензенская область, Пензенская широкоэмитирующая радиостанция.

The article considers the development of broadcasting in the Penza region in the 1920-1930s. This period is characterized by the active and ubiquitous spread of broadcasting, both throughout the country and in the territory of the Penza region, since broadcasting goes to villages and settlements, being a stronghold of economic construction. The relative freedom of the first years of operation of the Soviet radio made it possible to accelerate the pace of its development and the propagation through cities and villages. In 1925 in the province there were 33 radio installations, in 1926 already 162, and in 1927 - about 500 pieces. A special role in the development of radio broadcasting in the Penza region was played by the voluntary organization "Friends of Radio" (ODR), which became active in 1924 and propagandized broadcasting to the masses, spread knowledge about radio engineering, helped the region to radio the authorities. Radio and broadcasting in the 1920s and 1930s played a crucial role in raising the cultural level of the broad masses of workers and peasants, in the fight against religiosity and the elimination of illiteracy.

Keywords: radio, broadcasting, Penza region, Penza broadcasting radio station.

Сложно переоценить роль радиовещания в обществе. Радиовещание выполняет коммуникационные функции, является мощным рычагом идеологического воздействия на население, способствует повышению образовательного и культурного уровня людей. Закономерно, что советская власть очень активно использовала данное средство массовой информации.

Развитие радио в России в целом исследовали А.И. Воробьев [1], М.С. Глейзер [2], Т.М. Горяева [3], П.С. Гуревич [4] и др. Но вопросы радиовещания в отдельных регионах пока еще остаются малоизученными, хотя в последнее время интерес к данной тематике актуализировался. В современный кризисный период требуется выработка особых подходов к стратегии развития ре-

гионов в контексте местных социально-экономических, национально-конфессиональных и культурных специфических моментов, что логично относится и к региональным средствам массовой информации, в том числе радиовещанию.

Тема развития радиовещания в Пензенском регионе изучена явно недостаточно. Данный вопрос затрагивался в ряде научных работ [5–7]. Определенная информация по теме исследования содержится в «Пензенской энциклопедии» [8], «Очерках истории Пензенской организации КПСС» [9], сборнике документов и материалов [10].

1920–1930-е гг. – особый период в развитии отечественного радиовещания, поскольку, как считает Т.М. Горяева, если в 1920-е гг. в России была сформирована наиболее предпочтительная модель функционирования, при которой акционерное общество «Радиопередача» при финансировании со стороны государства сделало радио самостоятельной, самокупаемой и прибыльной сферой деятельности, предоставлявшей акционерам-собственникам и журналистам финансовую и творческую независимость, то период 1928–1933 гг. следует характеризовать как «ведомственный», а с 1933 г. – «государственный», в течение которых радио стало составной частью государственной политической цензуры [3].

Все специфичные моменты в развитии радиовещания находили отражение на региональном уровне. В Пензе работы по организации принимающей радиостанции начались в марте 1918 г. 1 мая уже передавалось обращение ВЦИК «Трудовым массам всех стран, всем Советам, всем, всем». Радиостанция была разгромлена во время белочешского мятежа 29–30 мая того же года, однако в июле ее деятельность возобновилась.

В конце 1924 г. в Пензе установили радиоприемник с громкоговорителем на Доме обороны. С 19 февраля 1925 г. начала функционировать радиотелефонная станция в помещении редакции газеты «Трудовая правда» и было положено начало радиофикации Спасска (Беднодемьяновска), Мокшана, Царевщино Мокшанского уезда. На конец 1925 г. в губернии имелось 33 радиоустановки (из них 9 в уездах), в 1926 г. – 162, в 1927 г. – около 500. На данном этапе значительную роль в радиофикации региона играли избы-читальни «путем организации обществ любителей ... радио». В 1926 г. в гу-

бернии при 22 избах-читальнях имелись радиоустановки с громкоговорителями.

Пензенский губком ВКП(б) придавал большое значение роли радио в обществе. В 1927 г. в его печатном органе было отмечено, что беспроводная связь – самая лучшая и радиофикация Союза является делом огромной важности, особенно для поднятия культурного уровня широких рабоче-крестьянских масс как необходимого условия дальнейшего хозяйственного строительства, что в свою очередь является основным условием обороноспособности СССР. По этой причине радиофикации губернии необходимо уделять гораздо больше внимания, чем это делалось до сих пор.

Построенные в 1926 г. радиoliniи были однопроводными и выполнены из военного полевого кабеля, на некоторых участках они совсем вышли из строя, поэтому слышимость по ним была очень плохая. Весной 1928 г. инспектор из Москвы потребовал «до переоборудования трансляционных линий снять уличные репродукторы, дабы не создавать превратного понятия масс о радиопередачах» [11]. Исходя из этого, стало необходимо строительство новых радиoliniи.

В сентябре 1927 г. пензенский губисполком обратился к Центральному радио с просьбой оказать помощь в радиофикации губернии: «Цель установки радио, главным образом, культурно-просветительная: [для работы] среди населения губернии. Запросы уездов на радиофикацию огромны, сейчас имеются заказы на 100 громкоговорящих установок» [12]. В ноябре 1927 г. в Пензе была смонтирована широковещательная станция типа «Малый Коминтерн», которая обслуживала всю губернию. Станция позволила в несколько раз увеличить слышимость и удешевить радиоустановки, наладить коммуникацию между удаленными районами и губернским центром, транслировать по радио распоряжения губернских советских, профессиональных, кооперативных, партийных и других организаций, речи и выступления на съездах, совещаниях, конференциях, проводить радиоседа. Таким образом, в ноябре 1927 г. была включена трансляция радио по проводам.

В апреле – октябре 1928 г. созданы четыре магистрали, установлены 325 городских радиоточек, из них 199 абонентов слушали через телефоны, 108 – через репродукторы [13].

Это был очень важный момент в развитии массового радиовещания, поскольку трансляция

по проводам являлась наиболее дешевым и простым способом радиофикации. При всех достоинствах детекторного радиоприемника, широко распространенного тогда, для радиослушателя имелись некоторые неудобства: требовались антенна и заземление; надо было обладать определенными навыками управления им. Ламповый приемник принимал большое количество радиостанций, но плата за него составляла от 6 рублей и более в месяц. Пользуясь трансляцией по проводам, не нужно было устанавливать антенну и покупать дорогостоящие радиоаппараты. Достаточно было установить розетку, чтобы в определенные часы работы станций, вставив вилку телефона, слушать передачу. Пензенская ширококвещательная радиостанция передавала пять раз в неделю дневные и вечерние передачи московских и зарубежных радиостанций, и трудовой народ, сидя дома со своей семьей, имел возможность послушать выступление Батурина в Большом театре или радиомузыку из Берлина.

Для установления розетки надо было подать заявку в местную ширококвещательную станцию. Стоимость установки розетки вместе с головным телефоном составляла 15 руб.; громкоговорителей типа «Лилипут» или «Божко», обслуживающих до 50 человек, – 28 руб. 50 коп. Абонементная плата в месяц устанавливалась в соответствии с зарплатой. Например, с получавших до 70 руб. в месяц взималось 75 коп.

В конце 1928 г. в составе ширококвещательной станции городской радиотрансляционный узел был выделен в самостоятельную организацию.

Наиболее активно радиофикация Пензенского региона начала осуществляться с июля 1929 г. Сельские культработники стали проходить подготовку на курсах по радиофикации [14].

Серьезная роль в распространении радиовещания в России принадлежала движению радиолюбителей, активизация которого началась с 1924 г., когда было создано «Общество друзей радио» (ОДР). В Пензе такая добровольная организация была образована в январе 1925 г., целью ее объявляли пропаганду идей радиовещания, популяризацию радиотехнических знаний, распространение радиолубительства, помощь властям в радиофикации. Помимо этого «Общество друзей радио» призвано было добровольно-принудительно принимать активное участие в общественно-политической жизни страны.

Именно в таком ключе были отмечены недостатки в работе пензенского ОДР на II окружном съезде организации, где отмечалось, что участие ОДР в проводимых партий и Советской властью кампаниях недостаточное. Ставилась задача проводить больше выставок с целью просвещения населения, создавать радиотехнические секции для продвижения радиолубительства в массы.

24 марта 1929 г. Пензенский радиоклуб посетил нарком просвещения А.В. Луначарский и оставил положительный отзыв о радиоклубах в Пензе и во всем округе.

Пензенская ширококвещательная радиостанция в 1930-е гг. уже принадлежала наркомату почт и телеграфов. В программе ее работы были трансляции политических передач, радиогазета «Рабочий полдень», «Рабочая радиогазета», «Вечерний рупор», переключки, лекции на разные темы, трансляция иногородних станций, музыкальные передачи.

Таким образом, ОДР сыграло огромную роль у истоков развития радиовещания в Пензенской области и выполняло ряд важных функций, в частности обеспечивало культурное развитие населения, продвигало работу по радиообслуживанию в деревнях, организовывало и расширяло радиовещание в парках, на площадях и улицах.

Можно с полной уверенностью утверждать, что первыми организаторами радиодола и первыми слушателями в Пензенской области стали именно радиолубители. Они определяли тематику выступлений, пропагандировали, продвигали и развивали радиовещание в своем регионе. Однако с конца 1920-х гг. деятельность общественных радиолубительских организаций стала утрачивать добровольный характер. Постепенно они превращались в формальную, подчиненную официальной идеологии и политике партийных органов структуру. К началу 1930-х гг. в основном сформировалась и система политического контроля и цензуры радио.

В целом радиовещание как в России, так и в Пензенской области в 1920–1930-е гг. было основной идеологической площадкой для пропаганды и агитации населения. Радио этого периода должно было знакомить широкие массы с основными классическими работами в области музыки, литературы с особым толкованием с точки зрения власти, для которой оно было орудием, способным сформировать культурное,

политически грамотное общество с коммунистическими убеждениями.

Пропаганда того времени представляет собой переломный этап крушения основных противоречий, нетронутых веками: противоречия города и деревни, борьба с религиозностью, ликвидация безграмотности. 1920–1930-е гг. характеризовались как «дотелевизионные» годы, и радио в данном контексте было «всемогущим» уже только по одной этой причине.

Литература

1. Воробьев А.И., Казаков Г.А., Мельников А.И. Очерки истории советского радиовещания и телевидения. Ч. I : 1917–1941. М. : Мысль, 1972. 247 с.
2. Глейзер М.С. Радио и телевидение в СССР. 1917–1963. М. : ГКРТ, 1965. 230 с.
3. Горяева Т.М. Радио России. Политический контроль советского радиовещания в 1920–1930-х годах. Документированная история. М. : РОССПЭН, 2000. 192 с.
4. Гуревич П.С., Ружников В.Н. Советское радиовещание. М. : Искусство, 1976. 382 с.
5. Жаткин Д.Н., Дорошин Б.А. История средств массовой информации Пензенского края. Пенза : Изд-во Пензенского гос. пед. ун-та, 1998. 70 с.
6. Курочкина Х.М. 70 лет радиофикации в Пензе // Краеведение. 1997. № 2. С. 92–94.
7. Мануйлов Е. Из истории радиофикации: проблемы изучения на примере Пензенского областного радио // Медиаламаны. 2004. № 4–5. С. 251–253.
8. Пензенская энциклопедия. Пенза; Москва : Большая Российская энциклопедия, 2001. 756 с.
9. Очерки истории Пензенской организации КПСС. Саратов : Приволжское кн. изд-во, 1983. 375 с.
10. Культурное строительство в Пензенском крае. 1917–1938. Документы и материалы / сост. В.С. Годин и др. Саратов : Приволжское кн. изд-во; Пенза : Пензенское отд.-е, 1986. 336 с.
11. ГАПО. Ф. р-2. Оп. 1. Д. 3981. Л. 178.
12. ГАПО. Ф. р-2. Оп. 1. Д. 3523. Л. 61.
13. ГАПО. Ф. р-465. Оп. 1. Д. 56. Л. 5-11.
14. Вишневский Д.К., Жаткин Д.Н. Радиовещание // Пензенская энциклопедия. Пенза; Москва : Большая Российская энциклопедия, 2001. С. 511–512.

References

1. Vorob'ev A.I., Kazakov G.A., Mel'nikov A.I. *Ocherki istorii sovetskogo radioveshchaniya i televideniya* [Essays on the History of Soviet Broadcasting and Television]. Part I: 1917-1941. Moscow: Mysl', 1972, 247 p.
2. Gleizer M.S. *Radio i televidenie v SSSR. 1917–1963* [Radio and Television in the USSR. 1917-1963]. Moscow: GKRT, 1965, 230 p.
3. Goryaeva T.M. *Radio Rossii. Politicheskii kontrol' sovetskogo radioveshchaniya v 1920–1930-kh godakh. Dokumentirovannaya istoriya* [Radio of Russia. Political Control of Soviet Broadcasting in the 1920–1930s. Documented History]. Moscow: ROSSPEN, 2000, 192 p.
4. Gurevich P.S., Ruzhnikov V.N. *Sovetskoe radioveshchanie* [Soviet Radio Broadcasting]. Moscow: Iskustvo, 1976, 382 p.
5. Zhatkin D.N., Doroshin B.A. *Istoriya sredstv massovoi informatsii Penzenskogo kraia* [Media History of the Penza Region]. Penza: Izd-vo Penzenskogo gos. ped. un-ta, 1998, 70 p.
6. Kurochkina Kh.M. 70 let radiofikatsii v Penze [70 Years of Radio in Penza]. *Kraevedenie*. 1997, No. 2, pp. 92-94.
7. Manuilov E. Iz istorii radiofikatsii: problemy izucheniya na primere Penzenskogo oblastnogo radio [From the History of Radio: the Problem of Studying on the Example of the Penza Regional Radio]. *Medi-aal'manakh*. 2004, No. 4-5, pp. 251-253.
8. *Penzenskaya entsiklopediya* [Penza Encyclopedia]. Penza; Moscow: Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya, 2001, 756 p.
9. *Ocherki istorii Penzenskoi organizatsii KPSS* [Essays on the History of the Penza Organization of the CPSU]. Saratov: Privolzhskoe kn. izd-vo, 1983, 375 p.
10. *Kul'turnoe stroitel'stvo v Penzenskom krae. 1917–1938. Dokumenty i materialy* [Cultural Construction in the Penza Region. 1917-1938. Documents and Materials]. Com. of V.S. Godin et al. Saratov: Privolzhskoe kn. izd-vo; Penza: Penzenskoe otd.-e, 1986, 336 p.
11. GAPO [SARR]. Fund r-2. In. 1. File 3981. L. 178.
12. GAPO [SARR]. Fund r-2. In. 1. File 3523. L. 61.
13. GAPO [SARR]. Fund r-465. In. 1. File 56. L. 5-11.
14. Vishnevskii D.K., Zhatkin D.N. [Broadcasting]. *Penzenskaya entsiklopediya* [Penza Encyclopedia]. Penza; Moscow: Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya, 2001, pp. 511-512.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФАКТОР В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭТНОСОЦИАЛЬНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ*

© 2019 г. Д.И. Узнародов^а

^а *Федеральный исследовательский центр Южный научный центр
Российской академии наук, Ростов-на-Дону, Россия*

SOCIO-ECONOMIC FACTOR IN THE CONTEXT OF SECURITY OF ETHNOSOCIAL STABILITY OF THE REPUBLIC OF CRIMEA

D.I. Uznarodov^а

^а *Federal Research Centre The Southern Scientific Centre,
Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russia*

*Узнародов Дмитрий Игоревич –
кандидат политических наук,
научный сотрудник, лаборатория казачества,
Федеральный исследовательский центр
Южный научный центр
Российской академии наук,
пр. Чехова, 41, г. Ростов-на-Дону, 344006, Россия.
E-mail: uzn-dmitrij@yandex.ru*

*Dmitry I. Uznarodov -
Candidate of Political Sciences,
Researcher, Laboratory of Studying of Cossacks,
Federal Research Centre
The Southern Scientific Centre,
Russian Academy of Sciences,
Chekhova Ave, 41, Rostov-on-Don, 344006, Russia.
E-mail: uzn-dmitrij@yandex.ru*

Рассматривается специфика влияния социально-экономического фактора на этносоциальные процессы в Республике Крым. Наличие большого количества социально-экономических проблем становится дополнительным «рычагом» для дестабилизации этносоциальной и этнополитической ситуации на полуострове, который в своих интересах могут использовать различные радикальные политические силы. Отмечается важность решения проблемы экономической дифференциации между южными и северными муниципальными районами Республики Крым, так как наблюдается определенное отставание муниципальных районов севера Крыма в социально-экономическом развитии. Сложная этническая структура этих районов, в частности влияние крымско-татарского фактора, может впоследствии привести к развитию действующих латентных очагов этносоциальной напряженности. В настоящее время одним из приоритетных направлений региональной и муниципальной политики Республики Крым должен стать поиск новых, более эффективных инструментов проведения экономической модернизации, которые смогли бы вывести на совершенно иной качественный уровень социально-экономические условия жизни населения, тем самым снизив имеющийся этноконфликтный потенциал данного региона.

Ключевые слова: *Республика Крым, этносоциальные процессы, межэтническая напряженность, социально-экономическая политика.*

In the article the specificity of the socio-economic factor influence on the ethno-social processes in the Republic of Crimea is considered. It is concluded that the presence of a large number of socio-economic problems can be an additional “lever” for destabilization of the ethno-social and ethno-political situation on the Peninsula, which in their interests can be used by various radical political forces. In this aspect the importance of solving the problem of economic differentiation between the southern and northern municipal districts of the Republic of Crimea is emphasized. Through the analysis of statistical data, it is concluded that there is a certain lag of municipal districts of the North of Crimea in socio-economic development, because of the complex ethnic structure of these areas, in particular, the influence of the Crimean Tatar factor, can subsequently lead to the development of existing latent centers of ethno-social tension. Another conclusion is that at this time one of the priority directions of regional and municipal policy of the Republic of Crimea should become the search for new, more effective tools for economic modernization, which would be able to bring to a completely different level of socio-economic living conditions of the population, thus, reducing the existing ethno-conflict potential of this region.

* Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ЮНЦ РАН на 2019 г., № государственной регистрации проекта 01201354248.

Keywords: *Republic of Crimea, ethno-social processes, interethnic tension, socio-economic policy.*

Наиболее значимыми в этносоциальных и этнополитических процессах Крымского полуострова в постсоветский период являются русский и крымско-татарский факторы. Менее ключевая роль принадлежит украинскому фактору, который в реалиях современного Крыма во многих аспектах по своим особенностям близок к русскому, в частности речь идет как о политической, так и о культурной составляющей [1, с. 60]. Например, по данным переписи населения, проводившейся на Крымском полуострове в 2014 г., большая часть украинского этноса (79,7 %) в качестве родного языка определяет именно русский [2], а в своих политических установках в большинстве случаев совпадает с русским населением, что особенно отчетливо проявилось во время событий «крымской весны». Абсолютно противоположная картина среди крымско-татарского населения, где русский язык признают родным порядка 5,4 % населения [2].

Отличалось и отношение крымских татар к событиям весны 2014 г. Неоднозначная реакция некоторой части крымско-татарского этноса на присоединение к России во многом объясняется историческим фактором, а именно депортацией крымских татар по решению властей СССР в 1944 г. из-за обвинений в коллаборационизме. К сожалению, на сегодняшний день среди крымско-татарского населения довольно распространенным является восприятие российской власти в качестве угрозы, сопровождаемое стремлением переложить всю ответственность за действия советских властей на современную Россию [1, с. 60]. Подобное стереотипное мышление периодически используют в своих интересах некоторые политические силы радикального характера, стремящиеся дестабилизировать этносоциальную обстановку в республике. К ним относится организация «Меджлис», деятельность которой была приостановлена в апреле 2016 г. согласно ст. 9 и 10 Федерального закона РФ от 25.07.2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [3]. После присоединения Крымского полуострова к России в марте 2014 г. «Меджлис» неоднократно пытался разбалансировать ситуацию в этом регионе. В ноябре 2015 г. активисты организации совершили подрыв опор линий электропередач на территории Херсонской области Украины, вследствие чего прекратилась подача электроэнергии в республику. В том же году была организована и

продовольственная блокада Республики Крым: в сентябре бетонными блоками они перекрыли дороги для проезда грузовых автомобилей на всех контрольно-пропускных пунктах Херсонской области, а также железнодорожную ветку, которая обеспечивала снабжение промышленными веществами крупнейший завод полуострова «Крымский Титан» в городе Армянске [4].

Несмотря на официальный запрет деятельности движения «Меджлис», риск дестабилизации этносоциальной обстановки на территории республики по-прежнему сохраняется. В настоящее время уровень конфликтогенности этносоциальных процессов в Крыму довольно высок: почти две трети конфликтов имеют этноконфессиональный характер, что оказывает отрицательное влияние на специфику этносоциальных процессов в республике [5]. Наиболее нестабильными в данном отношении являются такие сложные по своей этнической структуре районы, как Бахчисарайский, Белогорский, Джанкойский, Кировский, Красногвардейский, Краснопереконский, Ленинский, Первомайский, Симферопольский и Советский, где доля крымских татар составляет от 13 до 30 % от общей численности населения, а в некоторых населенных пунктах даже превышает 50 % [2]. Следует отметить, что устойчивость и стабильность как этносоциальных, так и этнополитических процессов в Республике Крым зависят в том числе и от уровня экономического благополучия населения региона, поскольку наличие большого количества социально-экономических проблем может стать дополнительным «рычагом» для дестабилизации этнополитической ситуации на полуострове, который в своих интересах могут использовать различные радикальные политические силы [6, с. 381].

Необходимо подчеркнуть, что большинство конфликтогенных в этносоциальном аспекте районов находится в северной части полуострова, которая в силу определенных факторов также является и наименее стабильной в экономическом плане. Повышенная межэтническая конфликтогенность северных районов вызвана большей этнической неоднородностью, а также более равномерным распределением в их этнической структуре трех основных этнических групп Республики Крым – русских, украинцев и крымских татар.

Менее стабильная экономическая ситуация обусловлена прежде всего наличием ряда про-

блем, связанных с транспортной инфраструктурой региона. Транспортная блокада Крымского полуострова, которая была объявлена Украиной в 2014 г., оказала серьезное влияние на ослабление экономики Республики Крым, а разрыв торговых связей северных районов полуострова (главным образом Первомайского, Джанкойского и Красноперекопского) с Херсонской областью Украины привели к утрате промышленными предприятиями региона прежних рынков сбыта. Различным предприятиям был необходим переходный период, чтобы найти новые рынки сбыта и встроиться в экономические реалии России. В результате транспортной блокады было прекращено авиа и железнодорожное сообщение между Россией и Украиной, после чего транспортные потоки в Крыму подверглись некоторым изменениям. Например, транспортное сообщение с Крымским полуостровом стало осуществляться не через Перекопский перешеек, а исключительно через Керченский пролив [7, с. 22].

Вынужденные изменения транспортных потоков, которые привели к утрате прежних рынков сбыта у многих промышленных компаний Крыма, не могли не отразиться на уровне цен в регионе. В течение года после присоединения к России рост цен на товары и услуги в среднем составлял 58 %, а в отношении ряда продуктов, в частности мяса и фруктов, он достигал еще больших значений: на говядину и свинину – 96 и 78 % соответственно, на фрукты – 114 % [8].

В целях совершенствования транспортной инфраструктуры российские власти после событий марта 2014 г. практически сразу объявили о необходимости строительства моста через Керченский пролив. Процесс строительства занял четыре года, и в мае 2018 г. мост был открыт, что, безусловно, в ближайшей перспективе должно способствовать решению транспортной проблемы, а вместе с тем и снижению цен на продовольственные товары в регионе, в особенности, когда произойдет открытие железнодорожной части моста. Однако нельзя не сказать и о ряде других свойственных Крымскому полуострову социально-экономических проблем, оказывающих негативное влияние на характер и специфику этносоциальных процессов.

В рейтинге регионов Российской Федерации по качеству жизни, ежегодно составляемым информационным агентством «РИА Новости», Республика Крым по итогам 2018 г. занимает 52 место, что на три строчки выше показателя 2017 г. [9]. За основу рейтинга принимаются 72

показателя, объединенных в 11 групп, которые характеризуют наиболее ключевые аспекты условий проживания в регионе (от размера доходов населения до обеспеченности различными видами услуг и климатических особенностей каждого субъекта). В свою очередь позиции регионов в итоговом рейтинге фиксировались на основании интегрального рейтингового балла, получаемого посредством агрегирования рейтинговых баллов субъектов по всем рассматриваемым группам [9]. Одиннадцать анализируемых групп включали в себя: уровень доходов населения, занятость населения и рынок труда, жилищные условия, безопасность проживания, демографическую ситуацию, экологические и климатические условия, здоровье населения и уровень образования, обеспеченность объектами социальной инфраструктуры, уровень экономического развития, уровень развития малого бизнеса, освоенность территории и развитие транспортной инфраструктуры [9]. Остановимся более подробно на некоторых из этих показателей.

Приходится констатировать, что в настоящее время уровень безработицы в Республике Крым выше, чем в среднем по России. Одновременно следует отметить, что в первую десятку и даже в первую двадцатку регионов по уровню безработицы Республика Крым не входит. В 2017 г. она занимала 61-е место, а в 2018 г. – 56-е [10]. По сравнению с 2017 г. снижение безработицы произошло почти на 1 %, что является довольно неплохим показателем, с учетом того, что в некоторых регионах страны можно, наоборот, наблюдать повышение уровня безработицы более чем на 1 % (например, Республика Дагестан, Республика Карачаево-Черкесия, Республика Хакасия) [10].

Если рассматривать показатели уровня безработицы непосредственно по муниципальным образованиям Крымского полуострова, то наиболее напряженная ситуация в настоящее время сложилась на севере республики – сразу четыре района входят в десятку «лидеров» по уровню безработицы: Красноперекопский, Раздольненский и Первомайский занимают второе, третье и четвертое место соответственно, а Джанкойский район – восьмое место в рейтинге муниципальных районов Республики Крым с самым высоким уровнем безработицы (таблица). Самый высокий уровень безработицы можно наблюдать в Нижнегорском муниципальном районе, располагающемся в центральной части республики.

**Социально-экономические показатели Республики Крым
 / Socio-economic indicators of the Republic of Crimea**

Район/городской округ	Уровень безработицы (по методологии МОТ), %	Коэффициент напряжен- ности на рынке труда	Среднемесячная заработная пла- та, р.
Городской округ Алушта	1,52	0,33	29 307
Городской округ Армянск	3,8	2,7	27 957
Бахчисарайский район	1,36	0,37	28 872
Белогорский район	4,1	1,3	28 004
Городской округ Джанкой	3,05	0,35	27 677
Джанкойский район	4,64	1,8	21 369
Городской округ Евпатория	1,28	0,55	27 097
Городской округ Керчь	1,23	0,37	31 846
Кировский район	6,01	0,56	25 255
Красногвардейский район	1,81	0,74	28 887
Городской округ Краснопе- рекопск	1,28	0,51	28 120
Краснопереконский район	12,04	3,2	22 089
Ленинский район	4,04	1,8	25 073
Нижнегорский район	12,47	1,2	24 395
Первомайский район	9,02	1,6	23 572
Раздольненский район	10,1	3,42	25 569
Городской округ Саки	1	1,6	27 839
Сакский район	6,52	0,35	25 615
Городской округ Симферо- поль	0,2	0,27	37 717
Симферопольский район	1,4	0,24	29 440
Советский район	5,03	1,42	26 537
Городской округ Судак	3,93	5,11	27 480
Городской округ Феодосия	1,27	0,4	30 625
Черноморский район	3,5	2,12	40 453
Городской округ Ялта	0,37	0,17	33 167
Республика Крым	4,03	1,29	28 158

Уровень безработицы по муниципальным районам был определен посредством формулы, применяемой Международной организацией труда для расчета показателя общей численности безработных, в процентах к экономически активному населению:

$$R_U = \frac{U}{EAP} \cdot 100,$$

где R_U – уровень безработицы, %; U – численность безработных, в среднем за год; EAP – численность экономически активного населения (рабочей силы) в среднем за год.

Численность экономически активного населения определялась путем суммирования среднесписочной численности занятых в экономике

каждого отдельного района, с одной стороны, и численности незанятых, официально зарегистрированных в органах службы занятости муниципальных образований в качестве ищущих работу, а также признанных безработными – с другой. Данные о среднесписочной численности занятых, а также о численности безработных были получены из паспортов социально-экономического развития, публикуемых на официальных сайтах муниципальных образований.

Анализируя коэффициент напряженности на рынке труда (отношение численности незанятых граждан к количеству вакансий, заявленных в государственных учреждениях службы занятости населения), можно сделать вывод, что

наиболее сложная ситуация складывается на севере республики: Раздольненский, Красноперекопский районы, городской округ Армянск, Черноморский, Джанкойский и Первомайский районы занимают 2–7 место соответственно, уступая только городскому округу Судак, где наблюдается самый высокий уровень безработицы. Таким образом, сразу в шести из восьми муниципальных образований северной части Крымского полуострова присутствует явный дисбаланс между спросом и предложением на рынке труда. Также следует отметить, что Республика Крым входит в двадцатку российских регионов с наиболее сложной обстановкой на рынке труда, занимая по этому показателю восемнадцатое место [10].

Что касается такого важного социально-экономического показателя, как уровень заработной платы населения, то следует подчеркнуть, что по итогам 2018 г. Республика Крым занимает 62-е место среди всех российских регионов (среднемесячная заработная плата составляет 28 158 р., что почти на 14 000 р. ниже среднего показателя по России в целом) [11]. Наиболее неблагоприятная ситуация складывается на севере Крымского полуострова, где сразу три района входят в тройку «лидеров» среди муниципальных образований республики по самым низким среднемесячным заработным выплатам: Джанкойский район (21 369 р.), Красноперекопский район (22 089 р.), Первомайский район (23 572 р.) [12]. Раздольненский район занимает седьмое место (среднемесячная заработная плата по району в 2018 г. – 25 569 р.). В положительном отношении из всех районов севера Крыма в данном аспекте выделяется Черноморский район, где зафиксирована максимальная среднемесячная заработная плата по республике 40 453 р. Однако более благополучная социально-экономическая ситуация складывается в районах южной части Крымского полуострова – сразу пять муниципальных образований входят в десятку по уровню среднемесячной заработной платы (городские округа Ялта, Керчь, Феодосия, Алушта и Бахчисарайский район).

И в отношении уровня среднемесячного пенсионного обеспечения населения ситуация также не является благоприятной: по данному показателю Республика Крым занимает лишь 71-е место среди субъектов Российской Федерации с показателем 12 660 р. [13], что ниже среднероссийского значения почти на 1500 р.

Итак, социально-экономическая ситуация, которую можно наблюдать в настоящее время в Республике Крым, носит довольно противоречивый характер, о чем свидетельствуют представленные нами количественные данные. С одной стороны, по уровню безработицы Республика Крым не входит в число самых депрессивных российских регионов, однако приходится констатировать, что уровень безработицы остается достаточно высоким – 56-е место в рейтинге регионов с самым низким уровнем безработицы. Если рассматривать проблему безработицы в Крыму в территориальном аспекте (в контексте муниципальных образований), то наиболее сложная ситуация наблюдается в северных районах республики – Красноперекопском, Первомайском, Раздольненском и Черноморском, а менее напряженная – в муниципальных образованиях юга полуострова (Алушта, Керчь, Ялта, Феодосия, Бахчисарайский муниципальный район). Говоря о коэффициенте напряженности на рынке труда, то в негативном отношении здесь также выделяются районы севера республики (Джанкойский, Красноперекопский, Раздольненский, Черноморский и Первомайский).

Непростой можно назвать и ситуацию с показателями заработной платы и пенсионными выплатами, которая складывается в настоящее время на Крымском полуострове. Если среднемесячная заработная плата по республике в целом почти на 14 000 р. ниже среднего общероссийского показателя, то в северных районах республики ситуация выглядит еще более удручающей. Сразу три района севера Крымского полуострова (Джанкойский, Красноперекопский и Первомайский) возглавляют тройку районов республики с самыми низкими заработными платами, которые являются самыми низкими не только по Республике Крым, но и по России в целом. В отношении пенсионных выплат ситуацию в республике также нельзя назвать благополучной – только 71-е место среди всех субъектов Российской Федерации.

Безусловно, подобные показатели свидетельствуют о наличии определенных проблем в социально-экономическом развитии современного Крыма, а также о необходимости поиска новых, более эффективных инструментов проведения экономической модернизации данного региона. Республика Крым продолжает оставаться лидером среди всех субъектов Южного федерального округа по уровню цен на продовольственные

товары, а индекс потребительских цен на товары и услуги в июне 2018 г. составил 102, 8 % (к уровню декабря 2017 г.) [14]. О важности поиска новых, эффективных путей экономической модернизации Республики Крым говорит также наличие определенной дифференциации в социально-экономическом развитии между южными и северными муниципальными районами полуострова. Наличие подобной экономической дифференциации может впоследствии привести к развитию имеющихся латентных очагов этносоциальной напряженности, в частности, в ряде северных районов республики (Джанкойский, Красноперкопский, Первомайский, Раздольненский, Черноморский), которые являются наиболее неоднородными в этническом плане, и где в настоящее время наблюдается самая сложная социально-экономическая ситуация. В том случае, если население Крымского полуострова, а в особенности северных районов не почувствует в течение ближайших нескольких лет существенной положительной динамики в уровне жизни по сравнению с «украинским» периодом, то в дальнейшем это может стать одним из факторов социально-политической нестабильности, который в своих интересах попытаются использовать различные геополитические игроки Черноморского региона, а также действующие на территории Крыма политические организации радикального толка, готовые с помощью фактора социального недовольства дестабилизировать этносоциальную обстановку в республике.

Литература

1. Узнаровов Д.И. Этносоциальные процессы в Крыму в постсоветский период: конфликтогенные факторы и исторические предпосылки // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2016. № 3. С. 60–66.
2. Итоги переписи населения 2014 года в Республике Крым // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Крым. Население по национальности и владению русским языком. URL: http://crimea.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/crimea/resources/1f72198049859f4b9205f22d12c3261e/pub-04-01.pdf; URL: http://crimea.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/crimea/resources/e3ba4f8049859e7791e1f12d12c3261e/pub-04-03.pdf (дата обращения: 04.06.2019).
3. Поклонская приостановила деятельность межлиса крымских татар // ТАСС. 2016. 13 апр. URL: <http://tass.ru/politika/3201415> (дата обращения: 20.03.2019).
4. Левкович О. Съедобная политика: что стоит за блокадой Крыма // Forbes Украина. 2015. 21 сент. URL: <http://forbes.net.ua/nation/1402327-sedobnaya-politika-cto-stoit-za-blokadoj-kryma> (дата обращения: 22.05.2019).
5. Яковлев А.Н. Особенности локализации социокультурной конфликтности в Крыму (2011–2012 гг.) // Этнокультурные и межконфессиональные отношения в Крыму: сб. науч. ст. Вып. 3. Симферополь, 2013. С. 43–50.
6. Узнаровов Д.И. Экономическая модернизация как один из факторов стабилизации этносоциальных процессов в Республике Крым // История и современное развитие Причерноморья в контексте формирования патриотизма и укрепления ценностей российской цивилизации: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. А.В. Баранова, В.В. Касьянова. Новороссийск, 2018. С. 380–384.
7. Симонов К.В., Петросянец Д.В., Махмутова Е.В. Системное регулирование национального модернизационно-инновационного развития в условиях преобразований общественно-политической среды // Экономический анализ: теория и практика. 2014. № 21. С. 19–28.
8. Бердникова М. Стоимость минимального набора продуктов питания с начала года повысилась на 17 % // Крымские новости. 2015. 9 апр. URL: <https://komtv.org/34931-s-nachala-goda/#hcq=UJ3mDcq> (дата обращения: 04.06.2019).
9. Рейтинг российских регионов по качеству жизни // РИА Новости. 2019. 18 фев. URL: <https://ria.ru/20190218/1550940417.html> (дата обращения: 18.05.2019).
10. Рейтинг регионов по уровню безработицы в ноябре 2018 – январе 2019 г. // РИА Новости. 2019. 19 марта. URL: <http://www.riarating.ru/infografika/20190319/630120082.html> (дата обращения: 18.05.2019).
11. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников по полному кругу организаций по субъектам Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики. URL: www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/sr-zarplata/t2.xlsx (дата обращения: 18.05.2019).
12. Среднемесячная начисленная заработная плата по районам Крыма по итогам 2018 года // Управление Федеральной службы государственной статистики по Республике Крым и г. Севастополю. URL: http://crimea.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/crimea/resources/d97bd2004eb70692b9d3fb0d534aab22/Динами

ка+среднемесячной+заработной+платы+организаций
 +в+2015-2017+году+помесячно.pdf (дата обращения:
 22.05.2019).

13. Средняя пенсия по страховому, социальному и государственному обеспечению в России и зарубежных странах в 2018–2019 гг. Средняя пенсия в России в 2019 году // Пенсионный консультант. URL: <http://pensia-advisor.ru/strahovye-pensii/srednyaya-pensiya/> (дата обращения: 22.05.2019).

14. Индексы цен по Южному федеральному округу. Июнь 2018 г. // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Ростовской области. URL: http://rostov.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/rostov/ru/statistics_fo/prices/efb9d6804987f46eab68eb2d12c3261e (дата обращения: 04.06.2019).

References

1. Uznarodov D.I. Etnosotsial'nye protsessy v Krymu v postsovet'skii period: konfliktogennye faktory i istoricheskie predposylki [Ethnosocial Processes in Crimea in the Post-Soviet Period: Conflict Factors and Historical Background]. *Izv. vuzov. Sev.-Kavk. region. Obshchestv. nauki*. 2016, No. 3, pp. 60-66.

2. [The Results of the 2014 Census in the Republic of Crimea]. *Territorial'nyi organ Federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki po Respublike Krym. Naselenie po natsional'nosti i vladeniyu russkim yazykom* [Territorial Authority of the Federal State Statistics Service for the Republic of Crimea. Population by Nationality and Proficiency in Russian]. Available at: http://crimea.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/crimea/resources/1f72198049859f4b9205f22d12c3261e/pub-04-01.pdf; Available at: http://crimea.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/crimea/resources/e3ba4f8049859e7791e1f12d12c3261e/pub-04-03.pdf (accessed 04.06.2019).

3. Poklonskaya priostanovila deyatel'nost' medzhnaya krymskikh tatar [Poklonskaya Suspended the Activity of the Majlis of the Crimean Tatars]. *TASS*. 2016, April 13 Available at: <http://tass.ru/politika/3201415> (accessed 20.03.2019).

4. Levkovich O. S"edobnaya politika: chto stoit za blokadoi Kryma [Edible Policy: what is Behind the Blockade of the Crimea]. *Forbes Ukraina*, 2015, September 21. Available at: <http://forbes.net.ua/nation/1402327-sedobnaya-politika-chto-stoit-za-blokadoj-kryma> (accessed 22.05.2019).

5. Yakovlev A.N. Features of the Localization of Sociocultural Conflict in the Crimea (2011-2012)]. *Etnokul'turnye i mezkhkonfessional'nye otnosheniya v Krymu* [Ethnocultural and Interfaith Relations in the Cri-

mea]. Collection of Scientific Articles. Simferopol, 2013, iss. 3, pp. 43-50.

6. Uznarodov D.I. [Economic Modernization as one of the Factors of Stabilization of Ethnosocial Processes in the Republic of Crimea]. *Istoriya i sovremennoe razvitiye Prichernomor'ya v kontekste formirovaniya patriotizma i ukrepleniya tsennosti rossiiskoi tsivilizatsii* [History and Modern Development of the Black Sea Coast in the Context of the Formation of Patriotism and the Strengthening of the Values of the Russian Civilization]. Proceedings of the Intern. Scientific-Practical Conf. Eds. A.V. Baranov, V.V. Kas'yanov. Novorossiysk, 2018, pp. 380-384.

7. Simonov K.V., Petrosyants D.V., Makhmutova E.V. Sistemnoe regulirovanie natsional'nogo modernizatsionno-innovatsionnogo razvitiya v usloviyakh preobrazovaniy obshchestvenno-politicheskoi sredy [System Regulation of National Modernization and Innovative Development in the Context of Transformations of the Socio-political Environment]. *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika*. 2014, No. 21, pp. 19-28.

8. Berdnikova M. Stoimost' minimal'nogo nabora produktov pitaniya s nachala goda povysilas' na 17 % [The Cost of the Minimum Set of Food Products has Increased by 17 % Since the Beginning of the Year]. *Krymskie novosti*. 2015, April 9. Available at: <https://komtv.org/34931-s-nachala-goda/#hcq=UJ3mDcq> (accessed 04.06.2019).

9. Reiting rossiiskikh regionov po kachestvu zhizni [Rating of Russian Regions by Quality of Life]. *RIA Novosti*. 2019, February 18. Available at: <https://ria.ru/20190218/1550940417.html> (accessed 18.05.2019).

10. Reiting regionov po urovnyu bezработitsy v noyabre 2018 – yanvare 2019 gg. [Rating of Regions in Terms of Unemployment in November, 2018 - January, 2019]. *RIA Novosti*. 2019, March 19. Available at: <http://www.riarating.ru/infografika/20190319/630120082.html> (accessed 18.05.2019).

11. [Monthly Average Nominal Accrued Wages of Workers by the Full Range of Organizations by Regions of the Russian Federation]. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki* [Federal State Statistics Service]. Available at: www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/sr-zarplata/t2.xlsx (accessed 18.05.2019).

12. [Monthly Average Accrued Wages for the Districts of Crimea in 2018]. *Upravlenie Federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki po Respublike Krym i g. Sevastopol'yu* [Department of the Federal State Statistics Service for the Republic of Crimea and the City of Sevastopol]. Available at: http://crimea.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/crimea/resources/d97bd2004eb70692b9d3fb0d534aab22/Dinamika+srednemesyachnoi+zarabotnoi+platy+organizatsii

tsii+v+2015-2017+godu+pomesyachno.pdf (accessed 22.05.2019).

13. [The Average Pension for Insurance, Social and State Security in Russia and Foreign Countries in 2018-2019. Average Pension in Russia in 2019]. *Pensionnyi konsul'tant* [Pension Counselor]. Available at: [http:// pensionia-advisor.ru/straxovye-pensii/srednyaya-pensiya/](http://pensionia-advisor.ru/straxovye-pensii/srednyaya-pensiya/) (accessed 22.05.2019).

14. [Price Indices for the Southern Federal District. June, 2018]. *Territorial'nyi organ Federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki po Rostovskoi oblasti* [Territorial Authority of the Federal State Statistics Service in the Rostov Region.]. Available at: [http:// rostov.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/rostov/ru/statistics_fo/prices/efb9d6804987f46eab68eb2d12c3261e](http://rostov.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/rostov/ru/statistics_fo/prices/efb9d6804987f46eab68eb2d12c3261e) (accessed 04.06.2019).

Поступила в редакцию / Received

24 июня 2019 г. / June 24, 2019

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ ECONOMIC SCIENCE

УДК 339

DOI 10.23683/0321-3056-2019-2-106-112

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ И ТРУДОВАЯ СФЕРЫ СОВРЕМЕННОГО КРУПНОГО ГОРОДА: АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ

© 2019 г. Л.И. Ниворожкина^а, И.А. Полякова^а, Е.Н. Макаренко^а,
И.В. Житников^а

^а Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
Ростов-на-Дону, Россия

DEMOGRAPHIC AND LABOR SPHERES OF A MODERN LARGE CITY: ANALYSIS OF THE STATE AND DIRECTIONS OF DEVELOPMENT

L.I. Nivorozhkina^а, I.A. Polyakova^а, E.N. Makarenko^а,
I.V. Zhitnikov^а

^а Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia

Ниворожкина Людмила Ивановна –
доктор экономических наук, профессор, кафедра
статистики, эконометрики и оценки рисков,
Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ),
ул. Б. Садовая, 69, г. Ростов-на-Дону, 344002, Россия.
E-mail: uef2@rsue.ru

Lyudmila I. Nivorozhkina -
Doctor of Economics, Professor,
Department of Statistics, Econometrics
and Risk Assessment,
Rostov State University of Economics,
B. Sadovaya St., 69, Rostov-on-Don, 344002, Russia.
E-mail: uef2@rsue.ru

Полякова Ирина Абрамовна –
доктор экономических наук, профессор, кафедра
статистики, эконометрики и оценки рисков,
Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ),
ул. Б. Садовая, 69, г. Ростов-на-Дону, 344002, Россия.
E-mail: uef2@rsue.ru

Irina A. Polyakova -
Doctor of Economics, Professor,
Department of Statistics, Econometrics
and Risk Assessment,
Rostov State University of Economics,
B. Sadovaya St., 69, Rostov-on-Don, 344002, Russia.
E-mail: uef2@rsue.ru

Макаренко Елена Николаевна –
доктор экономических наук, профессор, ректор
Ростовского государственного
экономического университета (РИНХ),
ул. Б. Садовая, 69, г. Ростов-на-Дону, 344002, Россия.
E-mail: rector@rsue.ru

Elena N. Makarenko -
Doctor of Economics,
Professor, Rector,
Rostov State University of Economics,
B. Sadovaya St., 69, Rostov-on-Don, 344002, Russia.
E-mail: rector@rsue.ru

Житников Игорь Васильевич –
доктор экономических наук, профессор, кафедра
статистики, эконометрики и оценки рисков,
Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ),
ул. Б. Садовая, 69, г. Ростов-на-Дону, 344002, Россия.
E-mail: uef2@rsue.ru

Igor V. Zhitnikov -
Doctor of Economics, Professor,
Department of Statistics, Econometrics
and Risk Assessment,
Rostov State University of Economics,
B. Sadovaya St., 69, Rostov-on-Don, 344002, Russia.
E-mail: uef2@rsue.ru

Рассматривается актуальность реализации процессов развития и расширения информационного пространства на поселенческий уровень. Отражены методические подходы к анализу и оцениванию информационных ресурсов, характеризующих состояние и тенденции развития современного городского поселения. Обоснована целесообразность формирования концепции стратегического развития городского поселения на основе официальных информационных ресурсов. Представлена динамика и сравнительная оценка позиции города Ростов-на-Дону – столицы Южного федерального округа по ряду важнейших показателей демографической и социально-трудовой сфер, относительно городов-миллионников России и столиц регионов, входящих в состав Южного федерального округа.

Ключевые слова: информация, статистика, анализ, оценка, динамика, стратегия.

The article presents the relevance of the processes of development and expansion of information space on the settlement level. Methodical approaches to the analysis and evaluation of information resources characterizing the state and development trends of modern urban settlements are reflected. Expediency of formation of the concept of strategic development of the city settlement on the basis of official information resources is proved. The article presents the dynamics and comparative assessment of the position of the city of Rostov-on-Don - the capital of the Southern federal district on a number of important indicators of demographic and socio-labor spheres, relative to the cities of millions of Russia and the capitals of the regions that are part of the Southern federal district.

Keywords: information, statistics, analysis, evaluation, dynamics, strategy.

В странах мирового сообщества наряду с процессами интеграции, системности взаимосвязей показателей регионального развития быстрыми темпами формируется глобальное информационное пространство, что обуславливает необходимость анализа и оценивания фундаментальных составляющих общественного развития на основе информационных ресурсов, гармонизированных в рамках международных стандартов учета и статистики.

Процесс информатизации пространства обеспечивает формирование цифровой основы создания и внедрения в практику качественно новой методологии сбора, анализа и обработки информации с целью оптимизации управления. Современные возможности организации оперативного сбора статистических данных, их группировки, объединения, структурирования и хранения привели к созданию направления «Большие данные (big data)».

Правительством РФ в июле 2017 г. утверждена программа «Цифровая экономика РФ», направленная на формирование социально-экономической среды, в рамках которой данные в цифровой форме представляют ключевой фактор производства во всех сферах общественной жизни, обеспечивающий устойчивое экономическое развитие, повышение уровня конкурентоспособности страны и качественных параметров жизни населения.

Отечественный и зарубежный опыт позволяет утверждать, что в настоящее время статистика как научно-практический вид деятельности способна создать алгоритм работы с информационными массивами и получения аналитических выводов с целью оценивания многогран-

ных и многоуровневых процессов развития различных сторон экономической и социальной сфер жизни на поселенческом уровне.

Трансформационные процессы в экономике российских регионов обуславливают необходимость повышения действенности экономических механизмов и активизации управленческих структур в целях формирования предпосылок стабильного развития. Для этого требуется сбалансирование ресурсной емкости природно-экономического и человеческого потенциала территориальных систем, наличие высокого уровня развития социальной и информационной инфраструктуры с учетом перехода на цифровую платформу, формирование инфраструктуры цифровой экономики с учетом потребностей населения в качественных составляющих уровня жизни.

В условиях современной макроэкономической динамики актуализируются исследования устойчивости процессов воспроизводства валового внутреннего и валового регионального продуктов, состояния компонентов социально-экономического потенциала и человеческого капитала, органически взаимосвязанных со всеми фазами процесса воспроизводства. Для их реализации требуется разработка стратегических направлений в виде алгоритма процедур, сформированных в рамках системного подхода и предназначенных для обеспечения поступательного развития территорий, повышения качества жизни населения.

Представленное исследование проведено на основе официальных информационных ресурсов, характеризующих демографическую и трудовую сферы в территориальном разрезе, что

позволяет оценить условия воспроизводства человеческого капитала.

Важнейшую компоненту системы управления на поселенческом уровне составляет стратегическое планирование, формирующее институциональные и социально-экономические условия поступательного развития. В рамках такого планирования создается система долгосрочных целей и механизмов их достижения, определяются важнейшие направления деятельности, приоритеты социально-экономической политики.

В настоящее время осуществлена разработка Стратегии социально-экономического развития г. Ростова-на-Дону на период до 2035 г., роль которого как столицы Южного федерального округа страны предопределяется накопленным демографическим, производственным, потребительским, инфраструктурным и культурным потенциалом, благоприятным экономико-географическим положением, значение которого для развития социально-территориальной общности возросло в условиях процессов интеграции и глобализации и в контексте нового геополитического и геоэкономического позиционирования России.

Учитывая современные реалии, целесообразным представляется переход на модель развития, в основе которой – эффективное использование стратегических ресурсов города: человеческого капитала, непосредственно территории городского поселения, экономического, культурного и социального капитала и проведение модернизации системы городского управления. При этом необходимо поддерживать как направления развития «города для бизнеса», так и благоустраивать «город для жизни», обеспечивая ресурсосберегающее развитие на базе инновационных видов деятельности.

В контексте дальнейшего совершенствования демографической и социально-трудовой сфер городского поселения исключительно важным является постоянный мониторинг состояния демографической сферы, рынка труда, сферы занятости и доходов населения в рамках локальных территорий, что позволяет оценить рациональность использования трудового потенциала как обязательное условие полноценной интеграции в систему международных экономических отношений, в рамках которой решающей предпосылкой конкурентоспособности является высококвалифицированная, мобильная рабочая сила, обеспеченная устойчивой занятостью.

Ряд исследователей предлагают в качестве основной составляющей социальной модели занятости применять Концепцию флексикьюрити (англ. «flexicurity»), что означает сочетание гибкой политики на рынке труда и в сфере занятости с высокой степенью социальной защищенности.

В предложенном исследовании отражено современное состояние и проблемы развития демографической и социально-трудовой сфер г. Ростова-на-Дону – крупнейшего городского поселения на юге России, численностью 1 130 305 чел. по состоянию на 01.01.2018 г. [1, с. 4]. Это – десятый по численности населения город страны. В пределах Ростовской агломерации проживает свыше 2,16 млн чел. – четвертое место по стране. Город – крупный административный, культурный, научно-образовательный, промышленный центр и важнейший транспортный узел Юга России. В 2012 г. Ростов-на-Дону занял 5-е место в рейтинге качества городской среды [2], в 2018 г. в городе прошли матчи чемпионата мира по футболу.

Авторами определена позиция г. Ростова-на-Дону в рейтинге городов-миллионников России по показателям сферы «Демография и миграция населения» и сферы «Доходы, труд, занятость» на основе информационной системы муниципальной статистики [3].

Современная демографическая ситуация в городе сформировалась под влиянием политических, социально-экономических и демографических процессов, происходивших в России и регионе в предыдущие десятилетия. В среднем за год численность постоянного населения Ростова-на-Дону за 2013–2017 гг. увеличивалась на 5,3 тыс. чел., или на 0,5 %. Прирост практически полностью обеспечивается положительным сальдо миграции. Удельный вес жителей города составляет 26,8 % от общей численности населения региона. Естественная убыль населения, отмечавшаяся в 2013 и 2014 гг., сменилась приростом в 2015–2017 гг. Однако число родившихся в 2017 г. – 12 556 чел. практически равно числу умерших – 12 480 чел. Поэтому современную демографическую ситуацию в Ростове-на-Дону нельзя назвать благополучной [2].

Вариация показателей рождаемости во многом обусловлена динамикой возрастной структуры населения и особенно женщин фертильного возраста. В 2013–2016 гг. число женщин в возрасте 15–49 лет снизилось на 3,7 тыс. Изменения имели место в численности возрастных

групп женщин: 20–24; 25–29 и 30–34 лет. За рассматриваемый период число женщин в возрасте 25–29 и 30–34 года увеличилось соответственно на 3,1 и 8,0 тыс., а в возрасте 20–24 года – снизилось на 20,0 тыс., что в определенной мере привело к снижению рождаемости в 2017 г. В ближайшей перспективе численность женщин в возрастном диапазоне 20–34 года будет снижаться, что отрицательно влияет на значения показателей рождаемости. Причинами низкой рождаемости в городе являются как общеευропейские, так и внутренние тренды: поздний возраст вступления в брак, ориентация на «малодетную» семью, материально-бытовые трудности, жилищные проблемы, невысокий уровень жизни, утрата семейных ценностей, высокий уровень разводов [4].

Общий коэффициент смертности в 2013–2016 гг. варьировал в пределах 11,5–11,8 ‰, снизившись до 11,1 ‰ в 2017 г. Число умерших в среднем на 1000 жителей в городе ниже средних уровней по региону и стране в целом, что является благоприятным фактом демографического развития.

Следует отметить снижение показателей смертности населения в городе в 2017 г. Оно значительно, учитывая, что динамика возрастной структуры в целом неблагоприятна для их снижения. К началу 2017 г. относительно 2016 г. увеличилась численность старших возрастных групп (60 лет и старше), а в сравнении с 2013 г. на начало 2017 г. удельный вес лиц в возрасте старше трудоспособного в общей численности населения Ростова-на-Дону увеличился с 23,9 до 25,0 ‰, что должно было отразиться на увеличении смертности. Снижение ее в 2017 г., по нашему мнению, в определенной мере обусловлено качественной работой учреждений сферы здравоохранения [2, 5].

Особенно следует отметить снижение младенческой смертности в возрасте до 1 года. В 2013–2017 гг. ее динамика стала положительной, коэффициент опустился с 8,0 до 3,7 ‰. Это прямое следствие развития и реализации системы мероприятий по охране здоровья материнства и детства. Уровень младенческой смертности в Ростове-на-Дону заметно ниже, чем в среднем по региону и стране.

Учитывая, что в возрастные группы, отличающиеся высокими показателями рождаемости, в ближайшие 15 лет будут переходить относительно малочисленные группы населения, а в пенсионный возраст – многочисленные, не сле-

дует ожидать улучшения демографической обстановки в городе [4].

За рассматриваемый период в Ростове-на-Дону изменился миграционный оборот. Число выбывших составило на 1,7 тыс. чел. больше, чем прибывших, что и обусловило снижение миграционного прироста населения за 2013–2017 гг. и является следствием снижения миграционного прироста по сравнению с другими регионами России и другими территориями внутри Ростовской области. Следует отметить и наличие высокой зависимости сальдо миграции в Ростове-на-Дону от результатов миграционного обмена с Украиной [6].

В 2013–2016 гг. на 2,1 тыс. чел. увеличилось сальдо миграции в Батайске и Аксайском районе Ростовской области. Предположительно, это является следствием большей доступности недорогого жилья и развитием современной транспортной инфраструктуры. Отмеченные процессы отражаются и на демографических показателях – в Батайске и Аксайском районе рождаемость выше, чем в Ростове-на-Дону. Это свидетельство развития Ростовской агломерации как единого территориального комплекса, и Ростов-на-Дону выступает в качестве центра притяжения. Аналогичная ситуация складывается и в Краснодаре, численность населения которого растет за счет поселений, входящих в состав городского округа. Видимо, в современных условиях такие процессы типичны для центров городского расселения [1, 4].

Рейтинг городов-миллионников по уровню основных демографических показателей отражает их статус, роль в системе расселения, темпы социально-экономического развития и качество жизни населения. В 2016 г. Ростов-на-Дону находился во второй половине рейтинга, занимая с 8-й по 12-ю позиции. При этом в 2013–2016 гг. город продемонстрировал заметную положительную динамику по уровню младенческой смертности, по величине сальдо миграции и по значению общего коэффициента рождаемости, уступив одно и два места в рейтинге по показателям общей численности населения и общему коэффициенту смертности соответственно.

По общему коэффициенту рождаемости среди 8 столиц регионов ЮФО Ростов-на-Дону в 2016 г. занял 7-е место, опережая только Волгоград. В сравнении с рейтингом 2013 г. это – на 2 позиции ниже. На первом месте в рейтинге 2016 г. – г. Краснодар, где уровень рождаемости

в 1,4 раза выше, чем в Ростове-на-Дону. Отставание по уровню рождаемости обусловлено названными ранее причинами, что в дальнейшем может привести к еще большим диспропорциям в возрастной структуре населения, обострению демографической ситуации, проблемам с обеспеченностью трудовыми ресурсами и т.д.

По общему коэффициенту смертности место Ростова-на-Дону в рейтинге столиц регионов ЮФО в 2016 г. не изменилось по сравнению с 2013 г., город делит 3-е и 4-е место с Астраханью, при этом Краснодар – стабильно на втором месте, уступая лишь Элисте. Однако разрыв в уровне показателей общей смертности Ростова-на-Дону и Краснодара невелик. Снижение общего коэффициента смертности в 2017 г. позволяет ожидать улучшения позиции Ростова-на-Дону.

За период 2013–2014 гг. Ростов-на-Дону переместился с 5-го на 4-е место в ЮФО по общему коэффициенту естественного прироста, уступая в 2016 г. Краснодару и Элисте, которые делят 1-е и 2-е места и Астрахани – 3-е место. Отставание от лидеров велико, при этом ожидаемые тенденции изменения демографической обстановки таковы, что в обозримом будущем сложно надеяться на улучшение позиций рейтинга Ростова-на-Дону [4].

По приросту численности населения за счет миграционных потоков 1-е место в ЮФО с большим отрывом занимает Краснодар. В среднем за год сальдо миграции в Краснодар составляет 21,0 тыс. чел., тогда как в Ростов-на-Дону за период 2013–2016 гг. миграционный прирост составил 20,4 тыс. чел. По данному показателю в ЮФО Ростов-на-Дону занимает 4-е место, уступая Севастополю и Симферополю.

Краснодар является для мигрантов более привлекательным, так как имеет выгодное экономико-географическое положение, мягкий климат, высокие темпы развития экономики. В структуре мигрантов преобладает молодежь, обеспечивающая лучшую возрастную и трудовую структуру населения, способствующая росту рождаемости и снижению смертности.

Следовательно, Краснодар – серьезный конкурент на юге России. Улучшение рейтинговых позиций Ростова-на-Дону возможно только при проведении взвешенной и активной демографической политики, привлечения мигрантов, повышения уровня и качества жизни населения.

По численности занятых Ростов-на-Дону в течение 2013–2017 гг. находился 3-м месте среди городов-миллионников России. Темпы прироста численности занятых за этот период отражают поступательный рост в диапазоне от 0,1 % в 2013 г. до 3,5 % в 2016 г. Показатель зарегистрированной безработицы в городе – один из самых низких, кроме г. Омска. По величине среднемесячной начисленной заработной платы работников Ростов-на-Дону занимает 7-е место [2, 5].

Первую пятерку рейтинга среди столиц регионов России по размеру валового городского продукта (ВГП) на душу населения представляют города Севера и Дальнего Востока, имеющие сырьевую специализацию. Москва занимает 6-е место, Санкт-Петербург – 12-е место. 23 столицы регионов опережают среднероссийский показатель ВГП на душу населения – 556 тыс. руб. в год, а 58 – отстают от него. Разрыв между самым богатым столичным (Анадырь) и самым бедным столичным (Махачкала) составляет 14 раз, что свидетельствует о высокой степени экономической дифференциации столичных городов. Следовательно, агломерационные эффекты, в частности эффект «экономии урбанизации», проявляются в крупных столичных городах в значительной степени.

Чем больше по численности населения столичный город, тем выше размер ВГП на душу населения. Важно, что сила эффекта масштаба в рассматриваемых городах различна – зависит от структуры экономики и эффективности в ее отдельных сферах. Ростов-на-Дону, находясь на 10-м месте по численности населения, занимает 5-е место по уровню ВГП на душу населения среди столичных городов. Это означает, что эффекты масштаба в этих городах работают по-разному, что отражает различия в параметрах экономических процессов и в возможностях городов использовать демографический потенциал как источник поступательного развития.

Анализ позиции Ростова-на-Дону в рейтинге крупнейших городов ЮФО – «среднесписочная численность работников организаций» показывает, что в округе до 2015 г. город занимал лидирующее положение, которое в 2016 г. перешло Краснодару. Доля работников организаций муниципальной формы собственности в Ростове-на-Дону находится приблизительно на одном уровне с крупнейшими городами округа: Краснодаром и Волгоградом. Наряду с этим резко снижается данный показатель в Астрахани и

значительно увеличивается в самых малочисленных городах ЮФО Майкопе и Элисте.

По уровню оплаты труда работников организаций в течение 2013–2017 гг. Ростов-на-Дону уступал Краснодару, при этом отношение заработной платы муниципальных работников к заработной плате работников организаций в Ростове-на-Дону сохранялось на более высоком уровне, еще более высокие значения по данному соотношению сохранялись в Волгограде и Майкопе, наиболее низкие – в Астрахани в течение всего рассматриваемого периода.

Реальные доходы населения страны в целом в 2013 г. увеличились на 1,6 %, с 2014 г. началось их снижение. Сравнение темпов роста среднемесячной начисленной заработной платы и социальных выплат показывает, что последние имели позитивную динамику. Таким образом, прирост заработной платы и выплат социального характера до 2016 г. в среднем сложился выше уровня падения реальных доходов среди работающего населения. Следовательно, процессы снижения реальных доходов коснулись в основном домохозяйств с маленькими детьми, пенсионеров и неработающих граждан, чьи доходы в большей степени зависят от социальных выплат.

Динамика численности работников предприятий и организаций города косвенно характеризует успешность его функционирования как целостного хозяйствующего субъекта. Анализ указывает на характерную для последних лет динамику в сторону сокращения числа занятых. Однако 2017 г. показал прирост численности работников на 20,3 тыс. чел. Последнее коррелирует с индексом промышленного производства по средним и крупным предприятиям, значение которого в 2017 г. составило 112,8 %. Помимо того, на рост числа занятых повлияла подготовка к проведению чемпионата мира по футболу.

Уровень регистрируемой безработицы оставался относительно стабильным на всем анализируемом отрезке времени. Его значения по городу в целом за период ниже, чем по Ростовской области – 0,8 % и по России – 1,1 %. На учете в службе занятости города по состоянию на 01.01.2018 г. зарегистрировано 2612 безработных, что на 16 % меньше, чем на аналогичную дату прошлого года. В общегородском банке данных по состоянию на 01.01.2018 г. зарегистрировано 8,9 тыс. вакансий, из них 60,3 % – предложения по рабочим профессиям. Средний

размер заработной платы в банке вакансий – 18,6 тыс. руб.

Таким образом, целевым вектором Стратегии развития городского поселения в демографической и социально-трудовой сферах в плане реализации майского 2018 г. Указа Президента РФ должно стать повышение уровня жизни населения на основе следующих мероприятий: реализация федеральных и развитие системы региональных программ, направленных на рост рождаемости; снижение смертности; расширение системы социальной защиты населения; проведение мероприятий по развитию института семьи; снижение внебрачной рождаемости; создание условий для женщин, возобновляющих трудовую деятельность после отпуска по уходу за ребенком, организация повышения их квалификации и переобучения профессиям, востребованным на региональном рынке труда; рост темпов жилищного строительства, обеспечение жильем молодых семей; развитие сферы услуг, системы здравоохранения; социальная защита семей с несовершеннолетними детьми, малоимущих граждан и граждан старшего поколения; создание программ по привлечению мигрантов, особенно молодежи, их трудоустройству, обеспечению жильем; развитие институтов социально-экономической поддержки и социокультурной адаптации мигрантов; формирование гибкого и сбалансированного рынка труда, гарантирующего эффективную занятость и устойчивые темпы экономического развития; реализация пространственной политики развития городского поселения с учетом интересов и потребностей человека-работника, как определяющего фактора экономического роста; закрепление инновационного, научного и образовательного лидерства Ростова-на-Дону на Юге России, путем сращивания научно-образовательных и инновационно-промышленных кластеров.

Процесс внедрения информационных технологий в деятельность муниципальных образований дал толчок к развитию муниципальной статистики. Тем не менее степень информированности органов местного самоуправления о состоянии и процессах, складывающихся в общественной жизни, недостаточна. Попытки самостоятельного решения проблем как собственного информационного обеспечения, так и обеспечения внешних потребителей информации ведут к «рассогласованию» данных. Пробелы в области муниципальной статистики становятся проблемой для деятельности всех органов власти,

поэтому необходимо совершенствование системной работы муниципальной статистики, ее информационного обеспечения, поскольку дефицит информации, ошибки в сборе данных приводят к неэффективным управленческим решениям, что в итоге отражается на доверии населения к местным органам власти.

Литература

1. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138631758656 (дата обращения: 10.04.2019).
2. Ростовская область в цифрах : крат. стат. сб. / Ростстат. Ростов н/Д., 2018.
3. БД ПМО XX области «Показатели, характеризующие состояние экономики и социальной сферы муниципального образования. Городские округа XXX области. Городской округ, городской округ с внутригородским делением. Город XXX за 2013, 2014, 2015, 2016, 2017 годы».
4. Житников И.В. Естественное движение и миграция населения // Фундаментальные и прикладные научные исследования: учет, анализ, аудит, налогообложение, статистика / под ред. Е.Н. Макаренко. Ростов н/Д.: Изд.-полиграф. комплекс РГЭУ (РИНХ), 2018.
5. Полякова И.А., Макаренко Е.Н., Полякова Е.М. Информационно-аналитическое обеспечение мониторинга: методологические и прикладные аспекты. Ростов н/Д.: Изд.-полиграф. комплекс РГЭУ (РИНХ), 2018.
6. Ниворожкина Л.И., Алифанова Е.Н., Евлахова Ю.С., Трегубова А.А. Индикаторы финансовой безопасности на микроуровне: подход к эмпирической оценке // European Research Studies Journal. 2018. Vol. 21, Special Issue 1.

References

1. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138631758656 (accessed 10.04.2019).
2. *Rostovskaya oblast' v tsifrah* [Rostov Region in Figures]. Brief Statistical Compilation. Roststat. Rostov-on-Don, 2018.
3. *BD PMO XX oblasti «Pokazateli, kharakterizuyushchie sostoyanie ekonomiki i sotsial'noi sfery munitsipal'nogo obrazovaniya. Gorodskie okruga XXX oblasti. Gorodskoi okrug, gorodskoi okrug s vnutriгородским делением. Gorod XXX za 2013, 2014, 2015, 2016, 2017 gody»* [BD CME of the 20 region “Indicators characterizing the state of the economy and social sphere of the municipality. Urban county of 30 area. Urban district, urban district with intracity division. City 30 for 2013, 2014, 2015, 2016, 2017”].
4. Zhitnikov I.V. [Natural movement and migration of population]. *Fundamental'nye i prikladnye nauchnye issledovaniya: uchet, analiz, audit, nalogooblozhenie, statistika* [Fundamental and applied research: accounting, analysis, audit, taxation, statistics]. Ed. by E.N. Makarenko. Rostov-on-Don: Izd.-poligraf. kompleks RGEU (RINKh), 2018.
5. Polyakova I.A., Makarenko E.N., Polyakova E.M. *Informatsionno-analiticheskoe obespechenie monitoringa: metodologicheskie i prikladnye aspekty* [Information and analytical support of monitoring: methodological and applied aspects]. Rostov-on-Don: Izd.-poligraf. kompleks RGEU (RINKh), 2018.
6. Nivorozhkina L.I., Alifanova E.N., Evlakhova Yu.S., Tregubova A.A. *Indikatory finansovoi bezopasnosti na mikrourovne: podkhod k empiricheskoi otsenke* [Indicators of Financial Security on the Micro-Level: Approach to Empirical Estimation]. *European Research Studies Journal*. 2018, vol. 21, special iss. 1.

К 100-ЛЕТИЮ Ю.А. ЖДАНОВА TO THE 100TH ANNIVERSARY OF YU.A. ZHDANOV

УДК 94

DOI 10.23683/0321-3056-2019-2-113-121

Ю.А. ЖДАНОВ – ЭЛИТАРНАЯ ЛИЧНОСТЬ ВСЕРОССИЙСКОГО МАСШТАБА

© 2019 г. С.А. Кислицын^а, Г.И. Колесник^а

^а Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ростов-на-Дону, Россия

Y.A. ZHDANOV IS THE ELITE PERSONALITY OF NATIONAL SCALE

S.A. Kislitsyn^а, G.I. Kolesnik^а

^а South-Russian Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

Кислицын Сергей Алексеевич –
доктор исторических наук, профессор,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы,
ул. Пушкинская, 70/54, г. Ростов-на-Дону,
344002, Россия.
E-mail: kislizins@yandex.ru

Sergey A. Kislitsyn -
Doctor of History, Professor,
South-Russian Institute of Management,
Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration,
Pushkinskaya St., 70/54, Rostov-on-Don,
344002, Russia.
E-mail: kislizins@yandex.ru

Колесник Григорий Иванович –
кандидат экономических наук, профессор,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы,
ул. Пушкинская, 70/54, г. Ростов-на-Дону,
344002, Россия

Grigory I. Kolesnik -
Candidate of Economics, Professor,
South-Russian Institute of Management,
Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration,
Pushkinskaya St., 70/54, Rostov-on-Don,
344002, Russia

Характеризуется личность Ю.А. Жданова как представителя научной элиты, обладавшего выдающимся интеллектом, системным мышлением и умением выделять задачи и тот потенциал, который позволяет воплотить эти задачи в жизнь. Все качества гармонично сочетались с его высокими амбициями и элитарностью поведения, что создавало впечатление особой предназначенности и харизматичности. Масштаб личности Ю.А. Жданова можно понять и по достоинству оценить по количеству и качеству преобразований, инициированных и реализованных в коллективе РГУ, возглавляемом им в течение 33 лет. В советских условиях он обеспечивал значительное конкурентное преимущество коллективу РГУ, включавшему в себя личность ректора как ориентир. Через Ю.А. Жданова реально проецировались судьбы множества ученых и политиков его поколения. Будучи марксистом, он пытался убедить общественность в правоте марксизма, в неизбежности возрождения в каком-то будущем идеалов коммунистического общества. Это личность всероссийского масштаба, обладающая подлинно государственным мышлением.

Ключевые слова: Ю.А. Жданов, личность деятеля, научная элита, университет, государственный патриотизм.

The article attempts to characterize the personality of Yu.A. Zhdanov using a number of specific examples. It was natural for him to be a representative of the scientific elite, first of all due to his outstanding intelligence, and secondly, be-

cause of systemic thinking and the ability to allocate tasks and the potential that allows to implement these tasks. Thirdly, all these qualities were harmoniously combined with his high ambitions and elitism of behavior, which created the impression of special purpose and charisma. The scale of the personality of Yu.A. Zhdanov can be understood and appreciated when considering the number and quality of reforms had been initiated and implemented in the RSU team, led by him for 33 years. In Soviet conditions he provided a significant competitive advantage to the staff of RSU, which included the personality of the University rector as a landmark. Yu.A. Zhdanov really projected the fate of many scientists and politicians of his generation. Being Marxist, he tried to convince the public of the rightness of Marxism, the inevitability of the revival in some future ideals of Communist society. He was a person of the all-Russian scale with a truly state thinking.

Keywords: Yu.A. Zhdanov, personality, scientific elite, University, state patriotism.

Масштаб лидера определяется, как известно, его способностями видеть ситуацию целостно, системно, умением четко фиксировать реальные проблемы и перспективы для развития руководимого им объекта. В литературе под масштабом личности ученого понимается совокупность таких качеств, как талант, знания, личные амбиции, кругозор, эрудиция, интуиция, общественные мотивы и потребности, опыт, профессиональные качества. Ю.А. Жданов был энциклопедически образован, профессионально занимался химией, философией, культурологией, историей, экологией... З. Фрейду приписывают афоризм, что масштаб личности во многом определяется «величиной проблемы, которая способна вас вывести из себя». Ю.А. Жданов в силу раннего приобщения к политической деятельности в советское время был всегда озабочен интересами всего общества, мыслил государственными и глобальными категориями. Приведем примеры его мышления и деятельности, почерпнутые из воспоминаний и его трудов.

В 1977 г. Ю.А. Жданов предложил научной общественности обратиться к своим правительствам и принять «Декларацию об абсолютной ценности человеческой жизни, мыслящего духа и культуры» и попытаться утвердить ее в ООН. Он был уверен, что «время требует быстрых, смелых решений и действий во имя сохранения высших ценностей: человеческого рода, разумного духа, жизни на Земле». Жданов видел в человечестве «высший продукт развития Вселенной», был убежден, что «мыслящий дух – высший свет мироздания», подчеркивал, что «каждая индивидуальная жизнь имеет бесконечную ценность». Эти и другие идеи Ю.А. Жданова об опасности новых форм терроризма, о нарастании проблем, которые затем в науке были названы глобальными, о важности совместных исследовательских проектов ученых разных стран и иные опережали свое время [1]. Ю.А. Жданов приглашал зарубежных ученых в свой университет и сам ездил с аналогич-

ными визитами за границу. Памятен визит в РГУ по личному приглашению Ю.А. Жданова знаменитого английского ученого и писателя Ч. Сноу, сыгравшего немалую роль в присуждении донскому писателю М.А. Шолохову престижной Нобелевской премии.

Ю.А. Жданов придавал большое значение роли научной общественности как составной части гражданского общества. Участие в руководстве многочисленных организаций было для ученого не дежурным процессом и тем более не удовлетворением его личных амбиций, а реализацией внутренней потребности всемерно способствовать консолидации прогрессивных общественных сил. Ю.А. Жданов подчеркивал, что гражданское общество есть элемент нравственной субстанции, который включает и семейные отношения, общество и даже государство. Поэтому в гражданском обществе заложены противоречия, которые могут привести к расколу, распаду, утрате нравственного единства [2]. Такой инновационный подход сегодня оказался более чем актуальным.

Масштаб личности Ю.А. Жданова можно понять и по достоинству оценить по количеству и качеству преобразований, сознательно инициируемых и реализуемых в РГУ, возглавляемом им в течение 33 лет. В советских условиях он обеспечивал значительное конкурентное преимущество коллективу университета, включавшему в себя личность ректора как высокий ориентир. Следует отметить, что Ю.А. Жданов руководил РГУ исходя из требований так называемой «передовой социалистической культуры». Он понимал эту проблему гораздо шире и глубже идеологов КПСС типа М.А. Суслова, которого он на дух не переносил. Писал, что надо творчески отстаивать достижения культуры советского общества в борьбе с теми, кто стремится «подменить подлинную культуру дешевенькими суррогатами, так называемой массовой культуры» с ее антигуманизмом, мещанством, стяжательством, низменными идеалами.

Ю.А. Жданов считал, что именно коллективам университетов надо идти в первых рядах борцов за культуру. Поэтому в РГУ была организована первая среди университетов страны кафедра теории культуры. Ю.А. Жданов и В.Е. Давидович написали совместно книгу «Сущность культуры», где дано теоретическое обоснование сущности культуры на основе концепции деятельности, освещена история понятия «культура», определено его место в системе категорий исторического материализма, дан анализ феномена культуры, рассматриваемого как развивающаяся система [3].

Ректор не требовал жесткой идеологической ангажированности от своих сотрудников, хотя уделял много внимания и парткому, и профкому, и кафедрам общественных наук. Когда в РГУ возникла идея добиться присвоения университету звания «вуз высокой социалистической культуры», началась тщательная кропотливая подготовка. Нужно было показать, каких успехов достиг университет на данный момент и выработать программу дальнейшего роста. Ее обсуждение и принятие могло осуществить только общее собрание сотрудников с участием представителей всех структурных подразделений. Была создана комиссия парткома РГУ, которая аккумулировала данные о количестве изданных монографий, защищённых кандидатских и докторских диссертаций, проведенных научных конференциях, об участии студентов и преподавателей в спортивных соревнованиях, художественной самодеятельности и культурных мероприятиях. Самым ответственным моментом было обсуждение данного вопроса, от выступающих требовалось высказать своё мнение и внести конкретные предложения. По существовавшим тогда правилам выступающих необходимо было подготовить, представить в письменном виде тезисы каждого выступления, которые затем направить в райком партии. Нельзя было отступать от заявленного текста.

Собрание проходило в нормальной атмосфере. Все выступавшие подчёркивали необходимость такой акции, вносились конкретные предложения, которые вписывались в протоколы собрания. Вести собрание поручено было одному из авторов этой статьи. Когда выступил последний участник собрания, ведущий объявил, что повестка собрания исчерпана и необходимо подвести черту. В этот момент из зала раздался голос одной из участниц собрания с просьбой предоставить ей слово. Она не значилась в

списке выступавших, и на какое-то мгновение в зале установилась мёртвая тишина, все ожидали, чем закончится такой неожиданный момент. Ведущий был в растерянности, ведь по общему правилу слово в таком случае не предоставлялось. Но сказать об этом прямо было нельзя, поэтому он обратился к сидевшему рядом представителю горкома партии, но он ничего не мог сказать, просто не хотел брать на себя ответственность. Тогда ведущий попросил совета у Юрия Андреевича, как поступить в данной ситуации. Не колеблясь, тот сразу сказал тихим и спокойным голосом: «Надо предоставить». Преподавательница одного из факультетов университета начала своё выступление, которое было похожем на крик души:

«О чём мы сейчас говорим? – сказала она, – о каком вузе высокой социалистической культуры может идти речь, когда всё помещение на нашем факультете утопает в грязи, полы в таком состоянии, как будто их никогда не мыли, доски, предназначенные для занятий, ободраны, туалеты в запущенном состоянии. Нет даже таких элементарных вещей, как мел и тряпка. Не лучше ли было вначале навести порядок в наших помещениях, создать необходимые условия для нормальной работы, а тогда уже и вести речь о том, чему посвящено сегодня наше собрание». Её выступление вызвало бурю аплодисментов, ведь она говорила правду, не думая о том, что это кому-то может не понравиться. К счастью, этот случай не имел негативных последствий для выступавшей, а наоборот её мнение, высказанное от всего сердца, послужило толчком к наведению элементарного порядка. Конечно, такой поворот в проведении собрания мог иметь место лишь благодаря Юрию Андреевичу, который, не раздумывая, принял решение [4].

Ведущему того собрания пришлось в течение многих лет участвовать в заседаниях ректората, что давало возможность прислушиваться к каждому слову Юрия Андреевича, понимать его жесты, задумываться над его размышлениями о науке. Все поражались его высокой культуре общения, обширным познаниям в различных областях человеческого бытия. Особенно интересно было присутствовать на ректорских совещаниях, где всегда обсуждались конкретные проблемы, связанные с улучшением учебного процесса, научными исследованиями, воспитанием у студентов чувства патриотизма и гордости за своё Отечество. Юрий Андреевич проявил себя как крупный организатор науки, про-

водя огромную работу по открытию новых факультетов и лабораторий. Возвращаясь из командировок в Москву, он рассказывал о том, как приходилось ему общаться с министерскими чиновниками разных рангов, а также использовать собственный опыт, приобретённый в ЦК КПСС, работая там заведующим отделом науки.

Благодаря масштабу элитарной личности, через Юрия Андреевича реально проецировались судьбы множества ученых и политиков его поколения, а в случае занятия им высокого поста в руководстве партии и страны (а это было возможно) могла проецироваться будущее целого народа.

Занимая большое количество почетных общественных должностей и став фактически лидером научного сообщества Юга России, Ю.А. Жданов и сам вносил вклад в науку. Будучи марксистом, он пытался убедить общественность в правоте марксизма, в неизбежности возрождения в каком-то будущем идеалов коммунистического общества. Писал, что на Западе за внешним благополучием и рекламной видимостью прослеживаются черты критического развития американской цивилизации, включающие как стремительный рост, так и признаки упадка. По его мнению, на новом современном материале подтверждается выдвинутая им концепция «комплекса Эрисихтона» – печальной участи такого социума, который основан на антагонистической и паразитической парадигме. Эрисихтон в греческой мифологии – сын фессалийского царя Триопа – вырубает священную рощу Деметры. За это богиня наказывает его чувством неутолимого голода. В мифе также фигурирует дочь Эрисихтона, которую тот, пользуясь ее способностью принимать разные обличья, многократно продает, а вырученные деньги проедает. Так продолжается до тех пор, пока Эрисихтон не начинает поедать собственное тело и погибает [5]. Ю.А. Жданов считал, что именно такую участь ждет капитализм и противопоставлял обществу «барыша и брюха» социалистические идеи.

Профессор, доктор исторических наук Г.Г. Бауман рассказывал, как он встречался с Ю.А. Ждановым по поводу своей монографии о развитии западноевропейского коммунистического движения, в частности зарождении социал-демократической партии Нидерландов – «трибунистов». Ю.А. Жданов согласился с мнением Г.Г. Баумана, что будущее российское общество обязательно синтезирует в себе дости-

жения и социализма и западного общества. Двухчасовая беседа завершилась «хоровым» пением немецких революционных песен на немецком языке, который оба прекрасно знали.

Проректор РГУ В.И. Седлецкий вспоминает, как министр высшего образования СССР В.П. Елютин предложил Ю.А. Жданову возглавить Ленинградский университет. Дело в том, что этот университет сильно просел и так и не смог оправиться от потерь после войны. На Политбюро возник вопрос – как же быть, Ленинградский университет имени А.А. Жданова и ректор Ю.А. Жданов? Тогда решили, что вроде бы не совсем корректно. Позже член Политбюро ЦК КПСС Е.К. Лигачев предложил ему возглавить институт естествознания АН СССР. На заседании Политбюро ЦК КПСС кандидатуру Ю.А. Жданова утвердили, и теперь требовалось только его согласие. Юрий Андреевич рассказывал, что от Москвы до Ростова, пока он ехал в поезде, он не спал ни одной минуты. Он все думал – бросить Ростовский университет и пойти на повышение, или остаться? Ему, конечно, очень хотелось получить это повышение. У него было много корней в Москве. Он был вхож в любые кабинеты, обладал большим авторитетом в партии и государстве. Ему хотелось быть и действительным членом Академии наук. Но, приехав в Ростов, он принял решение все-таки остаться. Победила безграничная любовь к университету. 30 лет своими руками он возводил его. И бросить все, уехать, да еще вопрос, кому оставить университет – он не смог [6].

Личность Ю.А. Жданова не ограничивается проявлением его высоких духовных качеств только в научной среде. Его размышления с большим интересом могли слушать люди самых разных должностей, званий и профессий. И он стремился слушать людей. Приведем пример. На собраниях областного партийно-хозяйственного актива, в которых принимали участие партийные, советские, хозяйственные и представители трудовых коллективов, всегда обсуждались жизненно важные вопросы, касающиеся различных сфер деятельности нашей области. По существовавшим правилам избирался президиум собрания, в числе которого постоянно был Юрий Андреевич. Причем зал всегда бурно его приветствовал. Выступления Юрия Андреевича отличались глубоким анализом обсуждавшихся проблем, в общедоступных формах предлагались конкретные меры, направленные на их улучшение. И, как правило, его слова сопро-

вождались участниками собраний неоднократно аплодисментами. Следует сказать, что свои выступления он не готовил заранее, а просто внимательно слушал участников собрания, анализировал их и вносил конкретные предложения по устранению тех или иных недостатков. Юрий Андреевич являлся неумолимым борцом с пошлостью и равнодушием. Известный философ Г. Померанц сказал, что личность определяется не только тем, на что она способна, но и тем, на что она решительно не способна. Это определение в полной мере можно отнести в адрес Юрия Андреевича.

Несмотря на свое неприятие нового социально-политического строя, он оставался государственнымником. Когда Полпредство федерального округа решало проблемы сепаратизма и терроризма на Северном Кавказе, Ю.А. Жданов был во главе Совета Старейшин округа и работал в составе экспертной группы по подготовке стратегии России на Кавказе. Ему удалось способствовать преодолению постмодернистского представления о невозможности теоретически обоснованной стратегии развития России, в том числе ориентации исключительно на ситуативные, реактивные методы и технологии политики. К 250-летию юбилею Ростова-на-Дону Юрий Андреевич подготовил доклад «Кавказский вектор в развитии Ростова», в котором, опираясь на идеи Вернадского, призвал ученых объединиться для общей и планомерной работы с целью духовного возрождения России и защиты российской нации. Ю.А. Жданову принадлежит идея разработки «Концепции кавказской политики России», включавшая всестороннее сотрудничество этносов, межнациональное согласие, совместные усилия в области человеческих взаимоотношений, науки, культуры, образования, экологии, спорта и др.

Необходимо помнить, какую огромную работу проделал Юрий Андреевич по созданию Северо-Кавказского научного центра высшей школы и многопрофильного журнала «Известия СКНЦ ВШ», которые стали с 1969 г. связующими звеньями вузов на Северном Кавказе (позднее им был открыт дополнительный журнал «Научная мысль Кавказа»).

Он постоянно держал в центре внимания подготовку фундаментального исследования «История народов Северного Кавказа». По его мнению, Кавказ является «солнечным сплетением Евразии», всей России, которая была (по Вернадскому) «государством-континентом».

Ю.А. Жданов отдал должное истории донского казачества и призвал восстановить в Новочеркасске памятник атаману Платову. Он входил в инициативную группу граждан по присвоению городу Ростову-на-Дону почетного звания «Город воинской славы».

Вся деятельность донского просветителя на заключительном этапе его жизни была направлена на укрепление гражданского общества на Юге России. Сам Ю.А. Жданов в своей мемуарной книге «Взгляд в прошлое» подчеркивал неразрывную связь научно-организационной деятельности в Ростове-на-Дону со своим партийно-политическим прошлым: «чтобы судить о правительствах и их делах, надо подходить к ним с меркой их эпохи и понятий их современников» [7]. На наш взгляд, некорректны попытки абстрактно характеризовать творчество этого выдающегося организатора науки в отрыве от его общественно-политической деятельности, его личной биографии, так как она тоже была тем конкретным полем, в котором реализовывались его проекты и идеи.

Ю.А. Жданов как креативный марксист с радостью встретил начало социалистической перестройки. Думается, он был «сталинистом» только для личного пользования, отдавая дань уважения Сталину как соратнику своего отца и тестю. Он никогда не предлагал реанимировать и продвигать политические рецепты сталинизма. В беседах с авторами этой статьи он высказывал положительные оценки И.В. Сталина, но при этом запрещал их цитировать и афишировать. Приведем пример его видения перспектив социализма. В малоизвестной статье «Цель общественного производства» он отмечал: «Размышляя о грядущем обществе, Маркс писал о том, что в условиях социализма все будут иметь настоящее богатство – такое время, которое не поглощается непосредственно производительным трудом, а остается свободным для удовольствий, для досуга, в результате чего откроется простор для свободной деятельности и развития. Чтобы этого времени у людей становилось все больше, необходимы значительные усилия общества, всех его сфер производства. Если же потребности индивида не удовлетворены или удовлетворяются с трудом, с очередями, с перебоями и т.п., если он не находит необходимых условий для самосовершенствования, для всестороннего своего развития, то это сказывается на производстве, сдерживает его, обрекает на застой, на рутину, на топтанье. Ключ к произ-

водственному прогрессу – человек. Так ставит вопрос партия, говоря о человеческом факторе. Его надо освободить от материальной неустроенности, необходимо предоставить каждому достаточно досуга для восприятия всего того, что действительно ценно в исторически унаследованной культуре – науке, искусстве, формах общения и т.д. Не следует думать, что речь идет о крайне отдаленной перспективе. Напротив. Мы успешнее решим проблемы царства необходимости, т.е. сферы собственно материального производства, если будем активнее способствовать развитию сущностных человеческих сил через сокультбыт, через благосостояние, через разумный отдых, через непрерывное образование, через развертывание демократии, через научно-технический прогресс. Итак, цель социалистического общества – производство во имя человека – раскрывается в сложной формуле. В первую очередь речь идет о развитии производительной силы труда путем развития нового человека. Этому служит научно-технический прогресс, непрерывное образование трудящихся, развитие массового научно-технического творчества... Ускоренным темпом пойдет демократизация всего общественного организма путем участия каждого трудящегося в общественном и производственном целеполагании, в учете и контроле, в управлении производством и распределении его продуктов. Не стихийные столкновения и уравнивания локальных, частных интересов, а организующий все общество коллективный разум ассоциированных производителей возникнет на этой основе. Но это перспектива дальняя» [8].

Но перестройка закончилось широкомасштабным кризисом, что доставило много огорчений Юрию Андреевичу. Пресловутые «прорабы перестройки» как могли мешали его работе только из-за фамилии Юрия Андреевича. Появились нигилистические статьи о его отце А.А. Жданове. Профессор В.И. Седлецкий писал, что сезон охоты на Жданова был открыт статьей «Стоит ли наступать на грабли?» одного писателя-демократа. И министр высшего образования Г.А. Ягодин предложил Юрию Андреевичу в 1988 г. уйти с поста ректора РГУ.

Но Ю.А. Жданов не сдался, не сломался... Он продолжал работать и мыслить, отстаивать свое марксистское мировоззрение в новых условиях. Он писал, что настоящий российский интеллигент – обязательно патриот своей Родины. Чувство Родины – великое и святое чувство, а по-

тому нет прощения демагогам, которые заимствовали у буржуазных политологов и публицистов бессодержательные клише и штампы о наличии у нас унитарного государства, об «империи зла». Мещане и обыватели не могут вместить в свои мозги идею Маркса и Ленина: мы сторонники централизованных государств. Государств, свободных от затхлого партикуляризма и обывательского провинциализма. Только такие государства творят историю, ибо они соответствуют ноосферному идеалу. Ю.А. Жданов считал, что Советский Союз как централизованное и в то же время интернациональное много-составное государство отвечало в значительной мере этому идеалу. Он был солидарен с утверждением В.В. Путина 2005 г., что распад СССР явился «геополитической катастрофой». Свою политическую и научную позицию в наиболее открытом виде Ю.А. Жданов выразил в цикле статей в журнале украинских коммунистов «Марксизм и современность». После государственного переворота на Украине 2014 г. этот журнал прекратил существование, как и все коммунистические и антифашистские организации в этой стране. Зная негативное отношение Ю.А. Жданова к нацизму и к антикоммунизму, можно с полной уверенностью утверждать, что он безусловно осудил бы правоэкстремистский режим на Украине и горячо приветствовал бы воссоединение Крыма с Россией.

Личностный масштаб Ю.А. Жданова – это также способность выходить за рамки научной элиты и собственного ЭГО и видеть простых людей. Он всегда интересовался жизнью друзей, коллег и даже студентов. Выпускник истфака РГУ И. Сизов написал: «Мы учились в главном корпусе, на втором этаже которого находился его ректорский кабинет. Много раз приходилось с ним “сталкиваться” на лестнице. Он первым здоровался с каждым встречным студентом (не говоря о преподавателях). Ему можно было тут же задать вопрос, и он никогда не “отмахивался”, ссылаясь на занятость. Он внимательно выслушивал вопрос, и если ответ на вопрос требовал времени, которого у него в данный момент не было, он спрашивал фамилии и факультет и просил подойти к его секретарю на следующий день. И когда ты приходил, – тебя действительно ждал ответ (понятное дело, он не мог на все вопросы отвечать лично), при этом он никогда не записывал фамилий. Запоминал» [9].

Социолог Л. Блехер вспоминает о Ю.А. Жданове: «Необычный был человек. Он попал в Ро-

стов, как помнится, по высшей немилости, и будучи уже разведенным мужем дочери Сталина Светланы Аллилуевой. Он был очень нехорош к преподавателям университета, они его не любили. И милостив к студентам, которые его почитали отцом родным и всегда к нему прибегали, когда необходимо было его распоряжение насчет стипендии, общежития или чего похуже. Меня он дважды спасал от изгнания из *alma mater*. Один раз выгоняли меня из комсомола за опубликование в стенгазете мехмата “Сигме” стихов Иосифа Бродского (я тогда был, вместе с Лешей Рыжовым и Петей Мостовым, редакторами этой самой “Сигмы”, и оттягивался по полной). Второй раз на военной кафедре издали указ о том, чтобы студентам сбрить бороды, а мне по романтическим причинам никак это делать было невозможно. Ну, меня и исключили с военной кафедры, с последующим выгоном с факультета. Я – к отцу родному ректору. Он заступился, и меня оставили в первобытном состоянии. А потом романтическая надобность прошла, в смысле с девицей я поссорился, и бороду сбрил. У одного студента кто-то увидел в заднем кармане брюк книжечку Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Что тут началось! На заседании парткома РГУ его чуть не съели вместе с книжкой. Слово берет Ю.А. Жданов. Обращаясь к студенту, он начинает мягко, но с укоризной отчитывать: “Вы думаете только о себе. А вы о нас подумали сколько проблем вы нам создаете?”» [10]. Заметив какого-нибудь понравившегося ему студента, Ю.А. Жданов иной раз держал его в поле своего зрения вплоть до защиты им докторской диссертации.

Высочайшая культура Ю.А. Жданова проявлялась не только в разработке теории культуры или в его личной культуре. Он постоянно заботился о всех проявлениях культурной деятельности, в том числе о развитии художественной самодеятельности. Этому вопросу уделял много внимания, помогая не только дельными советами, но и конкретными делами. Один из авторов этой статьи помнит, что репетиции студентов проходили в главном корпусе университета. Во время одной из таких репетиций к ним зашёл Ю.А. Жданов. Он поинтересовался репертуаром, завязалась тёплая непринуждённая беседа, последовали конкретные советы. Затем он сел за рояль и стал играть вальс, который студенты молча слушали, но никто не знал автора музыки. Видя заинтересованность, он сказал, что автор-

ство принадлежит ему. Потом он присутствовал на заключительном концерте студентов университета во дворце Ростсельмаша. В конце выступления поднялся на сцену и поздравил участников самодеятельного коллектива. Кроме того, рассказал о том, как в предчувствии надвигавшейся Второй мировой войны в стране стали придавать большое значение созданию музыкальных произведений, кинофильмов и других видов искусства, которые поднимали дух населения нашей страны. В результате появилось много жизнерадостных песен, музыкальных и литературных произведений, кинофильмов, которые и сейчас радуют и волнуют наши сердца. Потом он сыграл ещё несколько лирических песен и романсов, продемонстрировав обширные познания в музыке.

Ю.А. Жданов отличался необыкновенной любовью к природе. Широко известны его новеллы о животном и растительном мире. Вспоминается такой эпизод. В июле 1984 г. отмечался 70-летний юбилей М. Эсамбаева, народного артиста СССР, исполнителя танцев народов мира. В г. Грозном проходили пышные торжества, посвящённые этому событию. Ю.А. Жданова и одного из авторов этой статьи поселили на правительственной даче, расположенной у подножья Кавказских гор. Уже к вечеру собралось много гостей с разных концов нашей страны. В основном это были представители культуры, науки, образования, искусства, литературы, партийные и советские работники. Можно было видеть, насколько высок авторитет Юрия Андреевича, к нему подходили многие из присутствующих лиц, между ними завязывались оживлённые разговоры. Было ясно, что он уже давно с ними знаком. К ужину собралось около ста человек, после чего многие разбрелись во дворе дачи, продолжали общение друг с другом, все были в приподнятом настроении. Через некоторое время Юрий Андреевич предложил спутнику пройтись в рощу, находившуюся рядом с дачей. Пройдя метров сто, Юрий Андреевич вдруг остановился, жестом показывая в сторону леса, и почти шёпотом говорит: «Смотрите, какой заяц!».

И удивительно, что, находясь от нас примерно в 30 метрах, заяц спокойно сидел на задних лапках и перебирал передними. Минут пять мы стояли, не шевелясь, а заяц продолжал сидеть, не обращая на нас никакого внимания. Затем Юрий Андреевич специально кашлянул. Заяц привстал на задние лапки, посмотрел в нашу

сторону и сделал прыжок, умчавшись в глубину рощи. Шли дальше, и Юрий Андреевич, всё ещё восхищаясь этим зайцем, приговаривал: «Почему он так спокойно себя вёл, находясь вблизи от нас? Видимо, ему уже неоднократно приходилось встречаться с людьми, которые его не трогали».

Так реагировать на дикое существо, любоваться им может только человек, который любит природу в самых разных её проявлениях. Уже возвратившись в Ростов, при каждой встрече он с детским восторгом говорил: «А помните, какой был заяц!» [4].

Не так давно в нашем городе обсуждался вопрос о присвоении Южному федеральному университету (РГУ) имя конкретного человека. Предлагались три кандидатуры: Ю.А. Жданов, М.А. Шолохов и А.И. Солженицын. Если быть объективным, то ЮФУ должен носить имя Ю.А. Жданова. Что касается М.А. Шолохова, то он непосредственно не участвовал в прямом становлении университета, а А.И. Солженицын хотя и закончил РГУ, в его развитии участия не только не принимал, но оставил о себе сложное впечатление [11].

Ростовский государственный университет стал расти высокими темпами лишь тогда, когда его ректором стал Ю.А. Жданов. Один из авторов работал в университете с поступления до пенсионного возраста и был свидетелем того, как шёл процесс развития университета. До вступления Ю.А. Жданова в должность ректора в университете было всего 4 факультета, а через 10 лет количество факультетов увеличилось более чем в 2 раза. В дальнейшем были созданы научно-исследовательские институты и лаборатории как структурные подразделения, а также несколько учебно-научных комплексов. По его инициативе для сотрудников и студентов был создан спортивно-оздоровительный комплекс «Лиманчик» на побережье Чёрного моря. Корпуса трех НИИ, новые здания физфака и химфака... Это лишь часть того, что было сделано при нём. Он мечтал построить на месте сквера перед физфаком (так называемая «университетская поляна») 22-этажный главный корпус РГУ и даже курировал создание его конкретного проекта... Но не суждено. Заслуги Ю.А. Жданова в развитии университета, безусловно, велики, и, не будь его, вряд ли бы в Ростове появился и современный ЮФУ.

Кстати, Ю.А. Жданов вспоминал, что когда ему присудили звание почетного профессора

Московского госуниверситета, он с ректором МГУ В.А. Садовничим обсуждал вопросы развития образования. Оба оказались не сторонниками Болонского процесса и внедрения ЕГЭ в систему народного образования России. Для Жданова образование – это рост просвещения, повышение его внутренней содержательной стороны. Он говорил, что современная наука сильно расширила картину мира – она очень меняется. Стали совершенно иными, чем лет 20–30 назад, представления о Вселенной. Но где это преподается в школе? Молекулярная биология, биохимия, генетика вторглись в области глубинных структур устройства всего живого. Где это в образовании? В ходе модернизации образования Ю.А. Жданова чрезвычайно беспокоила потеря содержательной научной глубины образовательного процесса.

Главными в личности Ю.А. Жданова, на наш взгляд, являются три основных параметра. Во-первых, выдающийся интеллект, во-вторых, системное мышление и умение выделять задачи и тот потенциал, который позволяет воплотить эти задачи в жизнь. В-третьих, все эти качества гармонично сочетались с его высокими амбициями и даже определенной элитарностью поведения, что создавало впечатление некоей особой предназначенности и харизматичности. Он иногда вспоминал мудрость: «Горе народу, которым правят те, кто должен ходить в лакеях». Сам он был элитарным политическим мыслителем и практиком, одновременно крупным ученым-технократом с аналитическим складом ума, развитым логическим мышлением, абсолютно научным антирелигиозным мировоззрением. Ю.А. Жданов – это не только известный ученый и выдающийся организатор науки, но искренний и глубоко убежденный патриот-государственник. В отличие от деятелей оппозиционного типа личности, это была личность этатистского типа и масштаба, обладающая подлинно государственным мышлением. Ю.А. Жданов относится к числу людей, которые ставят интересы своей державы выше партийных, корпоративных и собственных интересов, которые, по правде говоря, были фактически тождественны с государственными.

Литература

1. Жданов Ю.А. Избранное : в 3 т. Ростов н/Д., 2009. Т. 1.
2. Жданов Ю.А. Противоречия гражданского общества и глобальный кризис сознания // Совре-

менное общество на Юге России: основные тенденции развития. Ростов н/Д., 2001.

3. Жданов Ю.А., Давидович В.Е. Сущность культуры. Ростов н/Д. : Изд-во Рост. ун-та, 1979.

4. Из личного архива профессора Г.И. Колесника.

5. Жданов Ю.А. Роковой комплекс Эрисихтона // Научная мысль Кавказа. 1997. № 2.

6. Кислицын С.А. Юрий Жданов: рядом со Сталиным, Шолоховым, Ильенковым... М., 2013.

7. Жданов Ю.А. Во мгле противоречий // Вопросы философии. 1993. № 7. С. 65–92.

8. Из личного архива Г.И. Колесника, получившего статью Ю.А. Жданова на рецензию из редакции журнала «Известия СКНЦ ВШ. Общественные науки».

9. URL: [\(http://www.rostov-in-myheart.ru/index.php?option=com_k2&view=item&id=25%\)](http://www.rostov-in-myheart.ru/index.php?option=com_k2&view=item&id=25%) (дата обращения: 11.05.2018).

10. Вечерний Ростов. 2012. 11 мая.

11. Кислицын С.А. А.И. Солженицын: студент РГУ, разоблачитель сталинизма, антагонист М.А. Шолохова // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2018. № 4.

References

1. Zhdanov Yu.A. *Izbrannoe* [Selected]. In 3 vol. Rostov-on-Don, 2009, vol. 1.

2. Zhdanov Yu.A. [Contradictions of Civil Society and the Global Crisis of Consciousness]. *Sovremennoe*

obshchestvo na Yuge Rossii: osnovnye tendentsii razvitiya [Modern Society in the South of Russia: Main Development Trends.]. Rostov-on-Don, 2001.

3. Zhdanov Yu.A., Davidovich V.E. *Sushchnost' kul'tury* [Essence of Culture]. Rostov-on-Don: Izd-vo Rost. un-ta, 1979.

4. From the Personal Archive of Professor G.I. Kolesnik.

5. Zhdanov Yu.A. *Rokovoi kompleks Erisikhtona* [Fatal Complex of Erisichthon]. *Nauchnaya mysl' Kavkaza*. 1997, No. 2.

6. Kislitsyn S.A. *Yurii Zhdanov: ryadom so Stalinyim, Sholokhovym, Il'enkovym...* [Yuri Zhdanov: Next to Stalin, Sholokhov, Ilyenkov...]. Moscow, 2013.

7. Zhdanov Yu.A. *Vo mgle protivorechii* [In the Mist of Contradictions]. *Voprosy filosofii*. 1993, No. 7, pp. 65–92.

8. From the Personal Archive of G.I. Kolesnik, who received the article by Yu.A. Zhdanov for review from the editorial office of the journal “Izvestiya SKNTs VSh. Social Sciences”.

9. Available at: [\(http://www.rostov-in-my heart.ru/index.php?option=com_k2&view=item&id=25%\)](http://www.rostov-in-my heart.ru/index.php?option=com_k2&view=item&id=25%) (accessed 11.05.2018).

10. *Vechernii Rostov*. 2012, May 11.

11. Kislitsyn S.A. A.I. Solzhenitsyn: student RGU, razoblachitel' stalinizma, antagonist M.A. Sholokhova [Solzhenitsyn: a Student of RSU, a Debunker of Stalinism, an Antagonist of M.A. Sholokhov]. *Izv. vuzov. Sev.-Kavk. region. Obshchestv. nauki*. 2018, No. 4.

Поступила в редакцию / Received

11 марта 2019 г. / March 11, 2019

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ SCIENTIFIC LIFE

DOI 10.23683/0321-3056-2019-2-122-130

Обзор Всероссийской научно-практической конференции «Логика, методология, науковедение: интеллектуальные практики, стратегии и паттерны»¹ (Ростов-на-Дону, 16–19 мая 2019 г.)

Review of the All-Russian Scientific and Practical Conference “Logic, Methodology, Science Research: Intellectual Practices, Strategies and Patterns” (Rostov-on-Don, May 16-19, 2019)

Конференция продолжила традицию науковедческих исследований, заложенную Ростовской философской школой ещё в 70-е гг. XX в. Мероприятие явилось новым этапом развития линии логических и методологических исследований науки², было организовано кафедрой философии и методологии науки Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета совместно с рядом партнеров. В рамках конференции прошло масштабное пленарное заседание, занявшее весь день 17 мая, а также были проведены заседания трех секций, одного общего и трех тематических круглых столов 18 мая.

Тематика конференции отражает необходимость междисциплинарного синтеза логико-методологического и науковедческого изучения науки как особой формы организации деятельности, теоретико-концептуальных проблем и закономерностей развития системы научных знаний, функционирования и развития науки как одного из важнейших социальных институтов, его взаимоотношений с другими наиболее важными социальными институтами, места науки в культуре. В качестве наиболее важных тем конференции были рассмотрены следующие:

- Логико-методологический анализ и науковедческая самооценка результатов научно-познавательной деятельности, способов и средств ее самосовершенствования, выявления ее инновационного потенциала и возможностей практической реализации.
- Изучение научно-познавательной деятельности, форм ее организации и совершенствования, способов и механизмов самоорганизации и коммуникации научного сообщества.
- Изучение природы научного знания, закономерностей его развития, экспликация его характерологических черт и спецификаций.
- Изучение основных тенденций трансформации научных организаций и учреждений, характера их деятельности, актуальным форм и способов их взаимодействия с государством, властью, бизнесом, сферами политики, права, культуры.
- Осмысление актуальных проблем совершенствования способов и средств экспертизы научной работы и экспертных оценок показателей ее качества и эффективности.
- Совершенствование библиометрических и квалиметрических средств и инструментов измерения показателей эффективности деятельности ученых и оценки их достижений.

Конференция вызвала большой интерес и среди состоявшихся ученых, и среди молодёжи, на *пленарном заседании* присутствовали порядка двухсот человек. Ее открытие приветствовали руководство ЮФУ, председатель и сопредседатели организационного и программных комитетов, а также директор Института философии и социально-политических наук. Проблематика, затронутая пленарными докладчиками, охватила все три основные линии работы конференции: профессора Ю.В. Ивлев (г. Москва), Е.Н. Лисанюк (г. Санкт-Петербург) и А.Н. Павленко (г. Москва) говорили о логике, Б.И. Пружинин (г. Москва), Т.Г. Щедрина (г. Москва), В.П. Макаренко (г. Ростов-на-Дону), М.И. Билалов (г. Махачкала) рассматривали методологию, а преемники Ростовской философской школы представили доклады по науковедению, выступили: В.Д. Бакулов (г. Ростов-на-Дону) и О.Ф. Иващук (г. Москва).

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-20028.

² Мероприятие проводилось при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-20028.

«Открывающим» стал совместный доклад заведующего сектором Института философии РАН проф. Б.И. Пружинина и проф. МПГУ Т.Г. Щедриной «Методологический потенциал культурно-исторической эпистемологии (о роли герменевтики в научном познании)». Свое выступление авторы начали с обоснования того, что в рамках наиболее влиятельных сегодня философско-методологических направлений при выборе и применении конкретных методов познания когнитивно значимы лишь социальные по своей природе механизмы, в связи с чем лидирующим направлением философии науки в настоящее время является социальная эпистемология. В таком контексте вновь приобретает актуальность вопрос о соотношении методов естествознания и гуманитарных наук. Небывалые затраты на научно-исследовательскую деятельность создали ситуацию, в которой оправданным становится производство исключительно практически полезных знаний.

Также выступающими было отмечено, что сегодня актуальность приобретают поиск и разработка базовых эпистемологических концепций, характеризующих социально-гуманитарную науку как особого рода познавательный феномен, и, тем самым, снимающих ее противопоставление естественным наукам. Науки могут очень сильно различаться по специфике своих конкретных методов познания, но в их основании лежит особый, единый способ понимания мира, что и реализуется в познавательных стратегиях культурно-исторической эпистемологии, которая подчеркивает элемент экзистенциально принятой и культурно-ориентированной реализации измерения науки в конкретных познавательных практиках. В данном контексте на передний план выходит идея трансдисциплинарности, которая ориентирует на выработку над-дисциплинарного слоя смыслов знания о мире и предполагает конвенционально закрепленное коммуникативное пространство, а процедура интерпретации выявляет здесь адекватные логико-методологические характеристики конкретных познавательных практик. И для естествознания, и для гуманитарного блока актуальность приобретает герменевтика как учение о понимании, а одной из важнейших перспектив дальнейшего движения в философско-методологическом сознании становится герменевтическая тематика, которая может стать ключевой и в эпистемологическом смысле.

Следующим выступил заведующий кафедрой онтологии и теории познания Дагестанского государственного университета проф. М.И. Билалов с докладом «Полилог познавательных культур как методология философии истины», продолжая линию поднятой методологической проблематики, но со смещением в логику. М.И. Билалов начал с замечания о том, что логико-методологические стратегии отечественной науки раздроблены на мелкие автономные сферы исследовательской деятельности, поэтому поиск цельной методологии научного исследования – значимая задача философии. Важной частью методологии и главной ее целью предстает вечный и приоритетный поиск наиболее совершенной формулировки истины.

Далее докладчик отметил, что анализ происхождения концепций и моделей истины на научной основе дает нам повод называть их эпистемологическими, но их выход во все роды и виды познавательной культуры – основание для методологии философии истины как полилога познавательных культур (ПК). М.И. Билалов выделяет две основные модели существующих ПК: реалистическая – аккумулирует достоинства классической научной ПК, символическая – здесь зафиксированы характерные измерения социогуманитарной ПК. В качестве ключевых элементов ПК предстают ответы на вопросы непосредственно связанные с проблемой истины. И в заключение докладчик раскрыл понятие «полилог ПК», который позволяет учесть все богатство субъектных качеств человека, представить его в поиске истины как реального и целостного человека.

А.Н. Павленко, д.филос.н., ведущий научный сотрудник Института философии РАН, продолжая смещение проблематики в поле логических исследований в определенном смысле в противовес докладу М.И. Билалова от проблемы истины перешел к понятию лжи, которое согласно авторской концепции проф. Павленко может быть подвержено процессу дефляции. В докладе «Почему мы можем говорить о дефляции лжи?» на основании семантической концепции Г. Фреге, согласно которой истинные предложения обозначают истину (абстрактный объект), а ложные предложения – ложь (абстрактный объект), он сформулировал два вопроса: 1) «может ли “истинное предложение, обозначающее истину”, быть истинным?»; 2) «может ли суждение “ложное предложение, обозначающее ложь” быть ложным?». На первый вопрос докладчик дал положительный ответ, т.е. «истинное предложение», в понимании Фреге, само обладает признаком «быть истинным». Ответ на второй вопрос приводит к псемотическому парадоксу (от греч. ψεύματα – «ложь»), т.е. суждение «ложные предложения обозначают ложь», одновременно и обладают тем признаком, который они обозначают, и не обладают им. Главный вывод, к которому приходит А.Н. Павленко, у ложных суждений нет никакой референции, они ни на что не указывают, тем самым выражается несогласие с Г. Фреге, который считал, что существует такой абстрактный объект, как ложь.

Логико-методологическая линия далее была продолжена докладом проф. кафедры логики философского факультета МГУ Ю.В. Ивлева «Методологическая роль принципа квазидетерминизма в логике, математике, естествознании, технических и гуманитарных науках», где формулируется принцип квази-

детерминизма. Этот принцип был объяснен Ю.В. Ивлевым на основе понятия квазифункции, которая также была определена. В качестве частных случаев квазифункции были приведены функция и полная неопределенность (хаотичность). С точки зрения принципа квазидетерминизма отношения между явлениями рассматриваются в качестве квазифункциональных. На основании данного принципа автором доклада был предложен пересмотр математического, технического, естественнонаучного и гуманитарного знания, а также был приведен ряд аргументов в пользу такого пересмотра.

От кафедры логики МГУ далее эстафета перешла к кафедре логики СПбГУ в лице д.филос.н. Е.Н. Лисанюк, в докладе которой «Логика аргументации, когнитивное многообразие и рождение истины в споре» решалась проблема разногласия эпистемически равноправных агентов спора. Для этого были использованы понятия «расхождения во мнениях» и «суперпозиции истинностных значений», заимствованных соответственно из логики аргументации и многозначных логик; была применена также «гипотеза когнитивного многообразия», выдвинутая в области социальной эпистемологии. Логика аргументации, разрабатываемая доцентом Лисанюк, – это новая область на стыке кибернетики, логики, когнитивных наук и анализа аргументации. Предлагаемое автором доклада решение состояло в том, что в условиях суперпозиции истинностных значений для участников спора преодолеть разногласие в пользу рождения истины в споре – значит сконструировать истину как совместный дизайн-проект и создать согласие по ее поводу на основе специальной процедуры, основанной на преодолении расхождения во мнениях в диалоге.

Продолжила рассмотрение вопроса о развитии науки в историческом и национальном аспекте выпускница философского факультета РГУ, а ныне проф. РАНХиГС в Москве О.Ф. Иващук. Доклад «Национальный Т-континуум как институциональная предпосылка существования науки» был посвящен проблеме того, какое значение для развития науки имеет ее осуществление на разных национальных языках? М.К.Петров ввел понятие национального языкового Т-континуума, а О.Ф. Иващук совершила попытку учесть взаимодействие реального множества национальных Т-континуумов и влияние этого процесса на движение самой формы науки. В этой связи в качестве модели было приведено социогенетическое исследование Н.Элиаса, в котором отдается должное различию цивилизации и культуры. В исследовании проф. Иващук обосновывалась гомологичность этого различия и различия науки-science и науки-Wissenschaft. А также гомологичность функционирования рынка laissez-faire и международного science-индекса, с теми же следствиями для производства знания в форме науки. Что позволило докладчику сделать вывод, что конститутивным для существования науки является плюриверсум национальных научных Т-континуумов, который определяет также и различие самой ее формы – различие между внешней, формальной формой этого культурного феномена, которую представляет собой science-ипостась науки, и его содержательной формой, в качестве образцовой модели которой выступает Wissenschaft.

Следующим выступил главный научный сотрудник Центра политической концептологии Института философии и социально-политических наук ЮФУ проф. В.П. Макаренко. Доклад «Что такое социология незнания?» примыкает к циклу предшествующих работ автора, где предпринимается попытка оценить методологическую эффективность подхода к современному социально-гуманитарному знанию представленного в работах С. Андреаки, который посвятил свою жизнь критическому анализу идей классиков социологии, а в основание своих оценок положил прямые апелляции к социально-политической и гуманитарной реальности XX в. В выступлении обосновывалась мысль, что исторический опыт его поколения представляет для нас несомненный экзистенциальный, исследовательский и методологический интерес. Цель исследования – критически оценить методологическую актуальность проблемы общих ошибок и озарений К. Маркса и М. Вебера. Ключевой тезис доклада – чем больше любой основатель современного социального знания претендует на роль «чемпиона», тем более сокрушительной должна быть критика его методологии и частных теорий. Особенно опасна институционализация и идеологизация социального знания.

Завершилось пленарное заседание докладом председателя оргкомитета конференции, заведующего кафедрой философии и методологии науки ЮФУ проф. В.Д. Бакулова. Подытоживая линию развития науковедческой проблематики докладом «Квазинаучное знание: теоретико-методологические проблемы идентификации», В.Д. Бакулов подвел слушателей к одной из острейших проблем современного науковедения – демаркации научного и лженаучного знания. Ведь фактически мы имеем историю перманентного противостояния науки и попыток ее профанирования, подделки и имитации в различного рода лже- и квазинаучных построениях. В настоящий период в силу разных причин мы можем зафиксировать неопределенность ситуации, и говорить о «затишье перед бурей», перехода к ситуации превращения этой проблемы в остроактуальную. Для понимания этого и необходимо последовательно и целенаправленно изучать ту определенную цикличность распространения лженаучных и квазинаучных учений и «теорий»,

которая наглядным образом проявляется, а также влияющие на интенсификацию этого распространения определенные факторы и причины.

Проблема в том, что применяемая система понятий требует серьезной содержательно-смысловой и методологической проработки, благодаря которой получится более точно установить соотношение понятий «антинаука», «лженаука», «псевдонаука», «квазинаука», «паранаука» и др. Далее В.Д. Бакулов привел ряд наглядных и репрезентативных примеров в новейших исследованиях, демонстрирующих насколько сложна, многогранна и глубоко укоренена проблема генезиса, утверждения и распространения квазинауки, насколько неэффективными оказываются в современных условиях механизмы его верификации и рефутации. И связано это также с тем, что предпосылки для широкого распространения учений, имитирующих научное знание, создаются на современном новейшем этапе исторического развития процесса институализации науки. Этот этап связан с превалирующим значением электронных средств коммуникации, с виртуальной реальностью, требующих новых методов и форм верификации научного знания.

В ходе работы секции № 1 «Социокультурные факторы развития науки и когнитивные паттерны науковедения» был рассмотрен широкий круг проблем, связанных с необходимостью осмысления специфики развития науки в современном социокультурном контексте. В работе секции приняли участие 32 чел. из различных городов РФ (Москва, Ростов-на-Дону, Белгород, Краснодар, Новомосковск), представляющих следующие научные и образовательные организации (Институт философии РАН, ЮФУ, КубГУ, БГИИК, НИ РХТУ). Среди участников секции – 6 профессоров, докторов наук, 10 доцентов, кандидатов наук, 2 аспиранта, 14 студентов.

Работу секции открыл доклад доцента ЮФУ И.Ф. Водяниковой, посвященный проблеме становления технауки, как новой формы организации науки на современном этапе ее развития. В докладе была затронута проблема соотношения фундаментальной и прикладной науки в контексте развития технауки, выделена такая характеристика технауки, как трансдисциплинарность, а также затронут вопрос о социальной оценке техники и технологий. Различные аспекты социальной оценки техники и технологий как междисциплинарного исследовательского направления были затронуты докладчиком в ходе ответа на поступившие вопросы.

В следующем выступлении доц. ЮФУ С.П. Липового был представлен подход к разработке концепции историко-философского факта, в основе которого лежат историко-философские идеи крупного представителя Ростовской науковедческой школы М.К. Петрова. Докладчик обозначил состояние проблемы в настоящее время, указав, что концепция М.К. Петрова является «первой в отечественной философии оригинальной и безальтернативной концепцией истории философии как науки». Историко-философский факт в докладе рассматривается как «совокупность явлений, без которых философия не наблюдается» в совокупности различных видов историко-философских феноменов.

Широкое обсуждение вызвал доклад доц. ЮФУ А.А. Кириллова, в котором были затронуты сложные и неоднозначные тенденции, характеризующие современное состояние теоретико-методологических исследований в философском сообществе Ростова-на-Дону. В частности, в докладе произведен анализ более чем двадцатилетней деятельности проф. Т.Г. Лешкевич, связанной с изданием учебников и учебных пособий, где «...в рамках жанра учебной литературы осуществляется многократная попытка безапелляционно и за рамками критического анализа, обналичивать и легализовать “инновационный” апокриф о генезисе не только философской и научной традиции мышления, но и всей европейской цивилизации исключительно в русле герметической мифологии и её философской спекулятивной ипостаси». Докладчик отметил, что для обоснования подобного подхода должна быть использована «серьезная историко-философская аргументационная база, опирающаяся на оригинальные авторские исследования, а вместо этого предлагается верить на слово различным популярным религиозно-справочникам и популяризирующим оккультную и эзотерическую доктрину авторам». Участники обсуждения отметили недопустимость продолжения подобной практики в исследовательской и учебной деятельности, а также указали на необходимость проведения дальнейшей работы по выявлению и устранению тенденций, способствующих развитию лженаучных построений.

В докладе научного сотрудника сектора социальной эпистемологии ИФ РАН Л.А. Тухватулиной была рассмотрена проблема эпистемологического статуса экспертного знания, обозначены различия между экспертным знанием и знанием собственно научным. В контексте проблемы экспертного знания проанализированы выводы П. Фейерабенда об экспансии научной рациональности. В качестве альтернативы рассмотрен проект «элективного модернизма» Г. Коллинза и Р. Эванса, обоснован тезис о том, что ценностно-нейтральное экспертное знание возможно тогда, когда целью экспертной деятельности становится выявление возможных альтернатив политических решений, что, в свою очередь, увеличивает доверие к научной экспертизе со стороны общества и повышает ее авторитет.

Актуальной проблеме визуализации знания был посвящен доклад заведующей отделом общественных наук ЮНЦ РАН И.В. Пашенко. В докладе было отмечено, что под визуализацией принято понимать когнитивную технологию трансформирования семантической информации в зримую картину. При этом необходимо разграничивать такие понятия, как «визуализация информации» и «визуализация знания». «Визуализация информации» это возможность графического представления большого массива данных, которые зачастую имеют абстрактный характер. «Визуализация знания» – это процесс, включающий определение существующих взаимосвязей между графическими элементами, причины и цели которых раскрываются лишь в контексте передаваемого знания определенной аудитории.

Далее с докладом выступила доцент ЮФУ С.В. Силенко, в котором рассматривалась проблема трансформации социальной реальности под влиянием новых технологий, прежде всего информационных и когнитивных, что позволяет говорить о «четвертой промышленной революции» (К. Шваб). В докладе показана роль науки как основы современного технологического потенциала и как фактора социальной нестабильности в контексте идей крупного представителя Ростовской науковедческой школы М.К.Петрова. К современной социальной ситуации хорошо применим концептуальный аппарат, разработанный М.К. Петровым, который, исследуя влияние технологического развития на трансформацию социальных матриц, пришел к выводу о том, что для полного прояснения данного вопроса необходимо исследовать технологии, в том числе и отдельно взятые, как самостоятельный феномен, как способ накопления нового знания. На основании анализа концепции М.К. Петрова применительно к исследованию современного общества можно сделать вывод, заключающийся в том, что существенной характеристикой современного общества является постоянное нарастание нестабильности, вследствие наличия обозначенных ранее процессов.

Следующий доклад был представлен студентом 3-го курса Института философии и социально-политических наук ЮФУ Р.И. Французовым. Доклад был посвящен анализу той части философии Аристотеля, в которой обосновываются различные отрасли научных исследований, их методология, область и важность в контексте единого научного «монумента» исследований Стагирита. В докладе была отмечена взаимосвязь между различными научными отраслями, а также элементами, составляющими каждую научную отрасль в отдельности, и показано, что весь набор знаний, скопившийся в течение долгой теоретической и практической деятельности древнегреческих ученых-философов (который позже дополнялся последователями Аристотеля, да и самим Аристотелем), был рассортирован, классифицирован и рассмотрен в пределах одной большой всеобщей системы, которая не только впервые затрагивала все аспекты мира, но и продолжала пополняться новыми исследованиями, данными и классификациями.

Участники обсуждения пришли к следующим выводам:

- теоретико-методологический вклад Ростовской науковедческой школы, и особенно такого ее выдающегося представителя, как М.К. Петров, в изучение социокультурного контекста развития науки является существенным заделом для проведения дальнейших науковедческих исследований;
- в современных условиях отчетливо прослеживается взаимодетерминированная трансформация науки – технологий – социальности.

Работа секции № 2 «Логика в контексте современных интеллектуальных практик» началась с доклада доцента кафедры философии КубГУ С.В. Гарина ««Топика» Аристотеля и нечеткая логика». Теория диалектического дискурса, которая содержится в «Топике», по мнению автора, нацелена не только на исследование, но и на использование нечетких типов мышления и аргументации. На основе анализа ключевых понятий «Топики» и представления их в виде 6-значной матрицы истины-правдоподобия, С.В. Гарин показал, что нечеткость истинности здесь связана с разложением и контекстуализацией универсума истинности аналогично многозначной логике А. Роуза. Затем докладчиком была проведена аналогия между аристотелевской «Топикой» и нечеткой логикой (Л. Заде), что позволило говорить о «Топике» как разновидности неформальной нечеткой логики. В заключение автор отметил, что в «Топике» Аристотеля также можно обнаружить неформальный неквантитативный аналог дефазификации в виде замены всех нечетких множеств (fuzzy sets) на логически-дефинитивно установленные понятия, четкие множества (crisp sets), а также в виде трансформации нечетких энтимем в силлогизмы.

В докладе доц. ИФиСПН ЮФУ Н.И. Стешенко «Логика направленности изменения: нормальная модальная К система» была продемонстрирована созданная автором нормальная модальная К система. Рассматриваемая Н.И. Стешенко модальная логическая система представляет собой расширение логики направленности изменения Роговского за счет модальных понятий. Автор показал, что язык нормальной модальной К системы надстраивается над языком логики направленности изменения посредством модального оператора необходимости. Были предложены для этой модальной логики схемы аксиом, а также приводились примеры доказуемых формул.

Доцент кафедры логики СпбГУ Ю.Ю. Черноскутов в своем выступлении «О некоторых особенностях рецепции Британской логико-семантической терминологии в немецкоязычной философии в 1860–1870-е гг.»

рассмотрел проблему влияния Британской логико-философской традиции на формирование семантической проблематики в немецкой логике и философии. Опираясь на анализ первого немецкого перевода «Системы логики» Дж.С.Милля, переводов классических трактатов Британской философии Нового Времени, интерпретацию британских семиотических теорий в изложении К.Фишера, автор пришел к выводу, что в результате перевода трудов британских логиков и философов на немецкий язык фактически сформировались предпосылки для появления новой системы семантических терминов, которая не имела точного соответствия с английским первоисточником.

В своем докладе доц. Т.Я. Шиян «Семантический треугольник как принцип структурирования курса логики: пример систематизации определений и других проясняющих процедур» рассматривал возможность использования семантического треугольника в качестве принципа структурирования и придания внутренней связности общему курсу логики. Докладчиком были продемонстрированы результаты применения семантического треугольника для систематизации процедур прояснения знаков, к которым относятся и традиционно изучаемые логикой процедуры определения.

Доцент КФУ им. Вернадского О.А. Шапиро в докладе «Аргументативные стратегии трансляции научного знания» представил диахроническое исследование многообразия паттернов аргументативного поведения. Было выявлено, что аргументативные паттерны зависят от таких факторов, как доминирующая текстовая культура, культурно-историческая ситуация, адресат текста, способ коммуникации, в которой реализуется аргументация.

Студент 3-го курса ИФиСПН ЮФУ В.А. Бакеев в работе «О семантической концепции истины» поднял вопрос о статусе семантической теории истины А. Тарского, ее отнесенности или, наоборот, не причастности к философским концепциям истины. Рассуждения автора о характеристиках семантической концепции истины, и особенно такой из них, как референциальная нейтральность, привели докладчика к выводу о квалификации ее как фундаментальной и базисной, нежели философской или нефилософской.

В ходе работы секции «Логика в контексте современных интеллектуальных практик» были представлены доклады, охватывающие широкий спектр современных логических исследований, логико-семантическую проблематику, актуальные проблемы современной теории аргументации, в том числе и по истории формирования аргументационных идей, и по актуальным проблемам современной теории аргументации.

Секцию № 3 «Современная методология научного исследования» открыл проф. В.Х. Акаев с докладом «Логика научного познания: взаимосвязь особенного и общего», который, сравнивая публикационную активность советских лет и после 90-х гг., отметил забвение фундаментальных вопросов разработки фундаментальной методологии и логики научного познания, нарастающую эклектичность и размывание критериев строгости научного рассуждения как примету времени, считая, что заботу об этой стороне дела должно взять на себя руководство научных институтов.

Полярное направление разработки методологии представила молодой преподаватель ГАУГН И.О. Щедрина в докладе «Методологическая функция нарратива в гуманитарном познании», который вызвал интерес и вопросы. Ее методологическое внимание было направлено на тонкую разработку проблем, связанных с субъективностью, которая «целенаправленно фиксируется в качестве предмета» в гуманитарном познании. Автор выдвигает нарратив, в особенности автобиографический, в качестве возможного средства теоретической фиксации субъективности ученого, его познавательных действий и рефлексии на них.

Проблеме методологии гуманитарного исследования, ближайшим образом чтения текстов, был посвящен и доклад магистранта первого года обучения ИФиСПН ЮФУ Э.М.Эльмуратовой «Методология исследования концептов эллинистической философии на примере культуры заботы о себе стоицизма», где автор обосновывала необходимость не буквального чтения, но символического, позволяющего соотносить учения разных культур и эпох.

Некий срединный путь обсуждения проблем гуманитарного знания задал доклад заведующего кафедрой философии религии ЮФУ проф. С.Н. Астапова «Методологические парадигмы в религиоведении», в котором предпринята рефлексия на историю религиоведения в терминах парадигм и нормальной науки Т.Куна. Оспаривая периодизацию А.Н.Красникова, С.Н. Астапов изложил основания считать религиоведение не единой наукой, но междисциплинарным комплексом, связанным примерно одним и тем же обществом, в работе которого можно выделить три парадигмы – феноменологическую, социологическую и историческую, представленные одновременно.

Доклад заведующего кафедрой философии КубГУ проф. П.Е. Бойко «Наука диалектики и современность» был в некотором роде оппозицией названной тенденции, поскольку в нем постклассическая философия была оценена как доклассический анахронизм, в который со времени отказа от логической философии «не было никакого существенного прироста знания», а только повторение исторически пройденных моментов. Так, игнорирующая достижения гегелевской логики философия впадает в картезиан-

ство (как феноменология) или в позитивизм. Но парадоксальностью этой эпохи является то, что и ее анахронизмы используются Идеей как хитрость разума: уже критический огонь деконструкции выявляет себя как новая фаза восстановления диалектики – истинной философии.

Эту установку поддержал преподаватель ИФиСПН ЮФУ А.Г. Новохатько в докладе «Методология современной “логики науки” в свете “Науки логики” Гегеля», в котором он, как и В.Х. Акаев, считает востребованным современной ситуацией в науке вообще и в России в особенности усилить логическую подготовку в университетах. Дело философии – воспитывать ум, который не является даром природы.

О диалектике как материалистическом методе говорил и заведующий кафедрой РАНХиС проф. А.Э. Савин в докладе «Материалистическая диалектика как методология: советские исследования и современные западные дискуссии», отмечая, что она является содержательным центром методологических дискуссий о советской философии, о расколе западной и советской философии и об отношении сталинизма и марксизма на Западе (например, в противостоянии Т. Адорно и Г. Маркузе). Основываясь на критериях, сформулированных Г. Маркузе, советский марксизм приходится признать недиалектическим.

Внимание с анализа ретроспектив на сценарии перспективы сместил доцент СКГИИ Д.М. Тайсаев в докладе «Новые информационные технологии как фактор методологической революции в научном мировоззрении», в котором сделал акцент на новых коммуникационных технологиях, заслуживающих изучения со стороны своих последствий как формообразующие начала современности. Он проанализировал несколько сценариев прогнозируемого научного развития – нейтральный (П. Фейерабенд), негативный (А. Печчеи) и деструктивный (разделяемый им), в котором разные области жизни будут испытывать подъемы и падения независимо друг от друга.

Продолжил тему коммуникативных технологий студент 3-го курса ИФиСПН ЮФУ О.В. Новацкий с докладом «Методы анализа инфопрофиля города и его результаты на примере Ростова-на-Дону», название которого говорит само за себя. В ходе обсуждения выяснилось, что, в отличие от Ростова, в Краснодаре существует официальная муниципальная служба мониторинга инфопрофиля, так что такое исследование как нельзя более актуально.

Завершил работу секции богатый интересными изысканиями доклад преподавателя ИФиСПН ЮФУ М.Г. Подгорной «Генезис и развитие методологии исследования раннегреческой философии», в котором автор представила результаты исследования генезиса, институционализации и особенностей традиции британского антиковедения, а также основных осей противостояния внутри нее. Доклад вызвал тем больший интерес, что эта область изучена у нас чрезвычайно мало, даже переводов ее на русский язык пока не существует.

Круглый стол «Ростовская науковедческая школа: перспектива и ретроспектива»

История Ростовской науковедческой школы, основные персоналии ростовской науковедческой школы: Е.З. Мирская, Э.М. Мирский, М.К. Петров, Ю.А. Жданов, Л.М. Косарева, М.М. Карпов, Е.Я. Режабек, В.П. Кохановский, Г.Н. Волкова и др. Значение науковедческих разработок ростовской науковедческой школы для современности. На заседании выступили: проф. Г.В. Драч, проф. В.Д. Бакулов, проф. Б.И. Буйло, проф. П.Е. Бойко и др.

Всеми выступающими было отмечено, что в Ростове-на-Дону имеются глубокие научно-философские традиции, в том числе – изучения науки: с 60-х гг. сложилась ростовская науковедческая школа, осуществляется подготовка магистров по уникальному направлению – науковедению, имеется задел, связанный с успешным проведением Всероссийских научных конференций по заявленной тематике. Работы указанных представителей нашей науковедческой школы в целом дали мощный импульс развитию философии и науковедения в стране, внедрения его результатов в практику.

На заседании было также отмечено, в следующем 2020 г. исполняется 50 лет с момента создания философского факультета Ростовского государственного университета (ныне Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета). Подготовка и проведение юбилейных мероприятий позволит еще раз обратиться к истории развития одной из ведущих в стране Ростовской философской школы, оценить ее вклад в исследование фундаментальных проблем из области философии и социально-гуманитарных дисциплин.

Круглый стол № 1 «Стратегии исследовательских коммуникаций и современные практики трансляции знания». Работа организаторов и участников круглого стола была ориентирована на проведение конструктивной дискуссии по всему кругу проблем, характеризующих современное состояние научной коммуникации, научной рациональности, социокультурного контекста практики производства и трансляции философского и научного знания. В обсуждении данной проблематики приняли участие квалифицированные исследователи и студенты. Общее количество участников круглого стола – 25 чел., которые представляли исследовательские и учебные заведения Москвы, Ростова-на-Дону, Таганрога, Краснодара.

Основные проблемы, которые были рассмотрены – это проблема коммуникации в профессиональной деятельности ученых, коммуникационные детерминанты форматов представления результатов научно-исследовательской работы, основные коммуникативные компоненты успешной стратегии реализации результатов исследования, академические и внеакадемические практики трансляции современного научного знания, pop science и медианаука как определяющий фактор трансформации современных практик репрезентации научного знания. С сообщениями по этой проблематике выступили: доцент КубГУ С.И. Змиховский, («Абсолютная диалектика» А.Ф. Лосева и ее эпистемологический потенциал»), доцент А.В. Тихонов («Философская стратегия всеобъемлющего эмпиризма»), преподаватель ЮФУ Д.А. Бабина («Диалог как способ порождения знания»), преподаватель ЮФУ А.А. Лисицына («Проблема социального познания в теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса»), магистрант первого года обучения ЮФУ Н.М. Ладыгина («Дихотомия в определении воображения»), студент ЮФУ Д.О.Хмелевской («Сциентизм-антисциентизм и тенденции плюрализма») и др.

По итогам дискуссии участники круглого стола пришли к следующим выводам:

- современные практики философского исследования с необходимостью опираются на фундаментальную историко-философскую традицию, что делает значимым и актуальным постоянное обращение к наследию отечественной и мировой философии;
- философский потенциал при исследовании познавательного процесса на современном уровне может быть раскрыт в полной мере при изучении таких когнитивных способностей, как воображение, интуиция, диалогичность мышления.

Круглый стол № 2 «Актуальные теоретико-методологические проблемы историко-философских исследований». Методология изучения философии в ее исторической ипостаси является стержневым элементом понимания философии как науки. Наиболее актуальными задачами теоретико-методологической составляющей историко-философских исследований является осмысление специфики философии как формы мировоззрения с учетом ее сложной структуры и во всем многообразии форм ее выражения как в диахронном, так и в синхронном аспектах.

В обсуждении данной проблематики приняли участие квалифицированные исследователи, молодые преподаватели и студенты. Общее количество участников круглого стола – 25 чел., которые представляли исследовательские и учебные заведения Москвы, Ростова-на-Дону, Таганрога, Краснодара.

Круглый стол № 3 «Междисциплинарность как современная науковедческая парадигма». В работе круглого стола приняло участие более 20-ти представителей различных факультетов, институтов и академий – преподавателей и научных работников, а также студентов, магистров и аспирантов. Стоит отметить доклад доцента ИФиСПН Т.А. Подшибякиной «Нарративная методология в междисциплинарном поле когнитивистики: практика применения». Были доклады, посвященные узким исследовательским направлениям, в которых и МД-направленность выступает методологическим ориентиром, к ним можно отнести доклад В.А. Куць «Модели аутопоэзиса в современной массовой культуре» и В.В. Клочкова «Артур Дж. Б. Марвик и междисциплинарные исследования: в поисках методологического консенсуса в истории».

Отдельно надо отметить активное участие студентов направления обучения «философия», сумевших в своих докладах совместить тематику круглого стола и их актуальные научные интересы – сообщение Н.М. Фахертдинова «Перспектива введения практики виртуальной реальности в контексте трансляции знания», А.В. Мединцевой «Роль междисциплинарности в современном научном исследовании» и К.К. Малахова «Светское и конфессиональное теологическое образование в стенах академии: проблема рецепции».

Подводя *итоги работы* Всероссийской конференции в целом, можно указать, что основными фундаментальными проблемами логико-методологического и науковедческого изучения науки обсуждавшимися на конференции стали проблемы:

- Исторический генезис, становление и развитие науки.
- Науковедческое осмысление особенностей и закономерностей современного этапа в развитии науки, ее актуальных форм институализации, социального и культурного контекста жизнедеятельности научного сообщества.
- Генезис, становление и развитие меж- и трансдисциплинарных предметных областей научного знания.
- Основные подходы к пониманию природы методологического знания, его месту и роли для научного познания.
- Демаркация науки, вненаучного, антинаучного и квазинаучного знания.
- Методологическое значение принципа детерминации (квазидетерминации) для логики, естественных и гуманитарных наук.

В качестве актуального и перспективного направления для логико-методологического и науковедческого знания, в становление которого был внесен определенный вклад в результате проведения конфе-

ренции, выступает анализ дальнейшего развития философии науки как парадигмальной основы междисциплинарного подхода к решению остроактуальных проблем разработки стратегии и паттернов интеграции науковедческих дисциплин с современными логико-методологическими исследованиями сущностных спецификаций научного познания. Указанная актуальность обусловлена прежде всего тем, что совокупность дисциплин, обеспечивающих возможность научной саморефлексии, развитие на теоретико-концептуальном уровне, а также разработка и проведение широких эмпирических исследований науки о науке: социология науки, наукометрия, экономика науки, философия науки, психология научного творчества и другие – представляют собой в настоящее время совокупность фактически слабо связанных в теоретико-содержательном плане, рядоположенных предметных областей.

Вместе с тем самым важным стало практически единодушное убеждение участников Конференции в том, что город Ростов-на-Дону является одним из признанных в стране центров развития логико-методологических и науковедческих исследований, что глубокие традиции Ростовской философской школы развиваются, что наше научное сообщество обладает высокой квалификацией и потенциалом для решения самых актуальных задач в области философии и социально-гуманитарного знания.

В.Д. Бакулов,

*доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой
философии и методологии науки,
Институт философии и социально-политических наук
Южного федерального университета*

О.Ф. Иващук,

*доктор философских наук, доцент, профессор,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ*

С.В. Силенко,

*кандидат философских наук, доцент,
Институт философии и социально-политических наук
Южного федерального университета*

А.А. Кириллов,

*кандидат философских наук, доцент,
Институт философии и социально-политических наук
Южного федерального университета*

М.Г. Подгорная,

*преподаватель,
Институт философии и социально-политических наук
Южного федерального университета*

Д.А. Бабина,

*преподаватель,
Институт философии и социально-политических наук
Южного федерального университета*

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

BOOKS REVIEW

DOI 10.23683/0321-3056-2019-2-131-136

**Россия и народы Северного Кавказа в XVI – середине XIX века:
социокультурная дистанция и движение к государственно-политическому
единству / К.Ф. Дзамихов, Е.Г. Муратова, А.Х. Боров, Н.В. Варивода,
А.Х. Абазов, Д.Н. Прасолов. Нальчик: ИГИ КБНЦ РАН, 2018. 268 с.**

**Russia and the People of Northern Caucasus in 16th - Middle of 19th Century:
Sociocultural Distance and Movement to State-Political Unity. K.F. Dzamikhov,
E.G. Muratova, A.Kh. Borov, N.V. Varivoda, A.Kh. Abazov, D.N. Prasolov.
Nalchik: IGI KBNTS RAN, 2018, 268 p.**

Отечественная историческая наука пополнилась новым фундаментальным трудом, подготовленным сотрудниками Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН. Коллективное исследование посвящено выработке обобщенной интерпретации исторического опыта становления государственно-политического единства России и народов Северного Кавказа. Объективная потребность в таком издании очевидна, ибо историческая наука не стоит на месте, расширяется источниковедческая база, пересматриваются многие устоявшиеся точки зрения.

Проблемы, поднимаемые в исследовании, нашли отражение во многих научных трудах, как дореволюционной, так и советской и постсоветской исторической литературе. На первый взгляд складывается впечатление, что в целом данная тема достаточно изучена. Однако авторы рассматриваемого труда, проанализировав широкий круг источников и литературы, смогли проследить степень понимания процесса вхождения Кавказа в состав России исследователями разных эпох и предложить свою модель непростой инкорпорации.

Актуальность предпринятого исследования обусловлена значительным интересом к региону, в котором остро протекают социально-политические процессы в условиях перехода от советской к современной государственности России. Кроме того, работа актуальна в связи с тем, что на социокультурной почве Северного Кавказа укореняются негативные явления – этнические конфликты и сепаратизм, религиозный фундаментализм и экстремизм, терроризм, что представляет угрозу для безопасности российского общества и государства.

Основной целью коллективного труда является приближение к историческому синтезу в понимании сложного взаимодействия геополитических, социально-политических и социокультурных факторов, определивших содержание и формы их политического сближения и последующей инкорпорации региона в состав Российской империи на протяжении XVI–XIX вв. До настоящего времени одним из интеллектуальных препятствий на пути к этой цели исследователи считают неспособность рассматривать как в равной степени существенные, военное и невоенное измерения этого процесса. В предлагаемой книге Кавказская война интерпретируется в качестве военно-политической составляющей процесса инкорпорации Северного Кавказа в территориальную и политическую структуру Российской империи. Хронологические и политические рамки войны ограничены начальным и конечным пунктами процесса необратимых изменений политического и административного статуса территорий, обществ и народов региона, обусловленных вооруженным противоборством между Российской империей и местными этнополитическими образованиями. Военная «оболочка» процесса в значительной степени была обусловлена культурно-цивилизационной дистанцией между сторонами конфликта. В то же время он повлек глубокую перестройку этнодемографической и этносоциальной композиции, административной и судебной

системы, культурно-идеологической сферы жизни региона, тем самым приближая имперское государство и народы Северного Кавказа к лучшему пониманию друг друга.

Структура рецензируемой работы представляется четкой и хорошо аргументированной. В ней две части, в каждой из которых рассматривается процесс включения региона в состав России в соответствии с предлагаемой авторами хронологией.

Первая часть книги «Российское государство и Северный Кавказ в XVI–XVIII вв.: от асимметричного партнерства к российскому доминированию в макрорегионе» написана д.и.н. К.Ф. Дзамиховым и д.и.н. Е.Г. Муратовой. В соответствии с общим замыслом коллективного труда в эту часть включены вопросы историографии проблемы, освещение этносоциальной и этнополитической структуры Северного Кавказа, этапов политического сближения и партнерства российского государства и народов Северного Кавказа. XVIII в., как переходный период от взаимодействия к имперскому «монологу», выделен отдельно.

Исследователи справедливо отмечают, что историография взаимоотношений народов Северного Кавказа и России на протяжении всего периода ее существования в целом оставалась политизированной, и на каждом этапе на нее во многом влияли актуальные с точки зрения государства идеологические установки, а не исследовательские подходы, выработанные профессиональной исторической наукой.

Анализируя значительный пласт исследовательской литературы, авторы приходят к выводу, что реальная практика русско-северокавказских отношений больше соответствует понятию союзничества, которое фиксировалось в характерных для той эпохи формах (и формулах) феодального подданства («договор» о «подданстве», «покровительстве», «учинении в холопстве», «о службе и обороне»).

Исследователи подробно описывают кавказские народы – расселение, количество, особенности хозяйственного развития, и в масштабах всего региона четко выделяют два крупных пространственно-географических компонента: равнинный и горный (включая его предгорную, горную и высокогорную части). Ученые солидарны с Л.И. Лавровым и Ю.Ю. Карповым, что организация власти и общества, имела традиционно «вертикальный» характер. «Чем ниже жил народ или общество, тем сильнее было его влияние на соседей». На наш взгляд, с таким утверждением сложно согласиться, к примеру, на Северо-Восточном Кавказе такие политические единицы горного Дагестана, как Гази-Кумухское шамхальство, Хунзахское нучальство, Кайтагское уцмийство, распространяли свое влияние за пределы горной зоны.

Уделено внимание и вопросам исламизации горских обществ Кавказа. Авторы отмечают, что в целом «степень исламизации в регионе до конца XVIII в. была не столь значительной. Если, например, в Дагестане ислам укоренился давно (с VII–VIII в.) и глубоко, а арабский язык служил здесь литературным языком, то у других народов сохранялся исламско-языческий синкретизм. Мусульманская религия заняла более прочные позиции у кабардинцев и вайнахов только к концу XVIII в., у западных черкесов, балкарцев и карачаевцев – в первой трети XIX в.» Разделяя авторскую позицию об упрочнении позиций ислама у кабардинцев, вайнахов, западных черкесов, балкарцев и карачаевцев в XVIII–XIX вв., трудно согласиться с тем, что в Дагестане «ислам укоренился в VII–VIII вв. и глубоко». Процесс распространения ислама в Дагестане занял порядка 900 лет.

Сложно также согласиться с авторами (с. 70), что к 1550–1560-м гг. относятся первые контакты Москвы с тарковским шамхалом, ибо центром шамхальства в рассматриваемое время являлся Гази-Кумух, в последнем находятся могилы шамхалов, датируемые вплоть до 40-х гг. XVII в., а Тарки являлись второй резиденцией.

В главе по праву значительное внимание уделено Терскому городу и выстраиванию диалога между кабардинскими князьями и российским государством, где первые – князья Черкасские, служившие в Терки, на протяжении длительного времени являлись посредниками в сношениях российского правительства с «владельцами» и народами Северного Кавказа. Они находили постоянную поддержку у другой группы кабардинских князей, которая выехала в Россию и стала известна здесь как княжеский род Черкасских, который влился в состав московской феодальной знати и занял высокое положение в системе государственной и военной администрации.

Оценивая состояние международного положения и интересы мировых держав к региону, авторы совершенно справедливо замечают, что в рассматриваемое время главное содержание политики Российского государства по отношению к северокавказским народам состояло в том, чтобы удержать их в сфере своего влияния и не допустить их союза с Османской Турцией, Ираном и Крымским ханством.

Останавливаясь на значимости шертных договоренностей, исследователи подчеркивают, что не следует абсолютизировать и осовременивать значение шертных договоренностей XVI или XVII в., прини-

мать их за неукоснительные обязательства для всех сторон (северокавказских, ногайских, калмыцких владетелей и Москвы) по аналогии с международными пактами новейшего времени. На основе документальных источников русско-северокавказских отношений можно заключить, что шерть действовала, во-первых, официально – пока были живы или находились у власти заключившие ее правители; во-вторых, фактически – пока сохранялась политическая обстановка, вызвавшая ее заключение.

Нельзя не согласиться с авторами, что изначально имело место неодинаковое прочтение договорных обязательств горцами и царской властью. Шертные грамоты (присяги), оформлявшие подчинение горских народов царю, понимались Москвой как «вечное подчинение», не допускавшее никакого отхода или отделения, которые в последнем случае трактовались как «измена». Со своей стороны, северокавказские «партнеры» Москвы рассматривали свои отношения с Россией как союзнические, что охотно закреплялось в шертных договорах и присягах, предполагавших взаимные обязательства. В их глазах было естественным право на смену коалиций и союзников.

Таким образом, данная глава, несомненно, вызовет интерес у исследователей, а также у широкого круга интересующихся историей российско-кавказских взаимоотношений на начальном этапе.

В завершающей главе первой части центральное место занимает вопрос об активизации политики России в южном направлении в XVIII в., где значительное внимание уделено времени Петра I и Екатерины II. Справедлив в этой связи вывод авторов, что после успешного завершения Северной войны и укрепления ее территориального и военно-экономического потенциала она напрямую включается в перedel сфер влияния в кавказском регионе. Для набирающей мощь России становится реальной цель установления полного военно-политического контроля над Северным Кавказом. Уже с 1735 г. начинается строительство военных крепостей, которые к концу века составили сплошную линию русских военных укреплений от Каспийского до Азовского моря. Она заселяется казаками, и таким образом возникает русский «фронт» – подвижная граница и контактная зона обществ и культур России и Северного Кавказа.

Вторая часть книги «Российская империя и Северный Кавказ в 1801–1864 гг.: инкорпорация макрорегиона в государственное тело империи», сохраняя и продолжая общую направленность, в большей мере ориентирована на исследование вопросов, связанных с российско-кавказскими отношениями в XIX в.

Первые две главы – «Кавказская война как предмет научного и общественного осмысления» и «Военно-политическая фаза процесса инкорпорации Северного Кавказа в состав империи» написаны к.и.н. А.Х. Боровым.

Рассматривая историографическую ситуацию Кавказской войны, исследователь справедливо замечает, что «разнообразие подходов и конфликт интерпретаций, наблюдаемые в современной российской историографии, являются в определенной мере беспрецедентными. В основе современных дискуссий лежат не источниковедческие проблемы, не трудности решения частных вопросов реконструкции фактов и событий Кавказской войны, а различные подходы к ее общей интерпретации, т.е. конструирования “Кавказской войны” как исторического явления» (с. 102).

Анализируя работы рубежа 1980–1990 гг., автор приходит к выводу, что инициатива в определении общественной и научной актуальности тех или иных сюжетов Кавказской войны перешла к местным интеллектуальным кругам, которые тесно увязывали постановку научных проблем с национальным вопросом, восстановлением исторической памяти, возрождением национально-культурных традиций. В этом контексте идеологема «добровольного вхождения» народов Северного Кавказа в состав России стала выглядеть как проповедь их добровольного отказа от своей исторической субъектности и была замещена идеологемой завоевания, сопротивления. С другой стороны, легитимация современной государственности России строилась не только на либерально-демократических принципах, но и на восстановлении прямой преемственности с исторической российской государственностью, включая ее имперский период, что возрождало к жизни элементы «имперского» видения проблем российско-кавказского исторического процесса. Эти два обстоятельства и привели к тому, что дискуссионными стали практически все основные аспекты проблемы. А стремление участников дискуссии утвердить свою однозначную трактовку природы войны в целом неизбежно возвращало их к «простым» ее интерпретациям.

В завершение историографического обзора, анализа внутренних противоречий между различными подходами автор указывает на задачи, стоящие перед исследователями XXI в., которые надо решить на пути к познавательному синтезу.

Заслуживают внимания и выводы исследователя о сложности проблемы в осмыслении Кавказской войны, где акцентируется внимание на континуите геополитических факторов, культурно-цивилизационных особенностях военного конфликта, влияния горского социального уклада на характер войны. Однако согласиться с мнением об отсутствии в рассматриваемое время у народов Северного Кавказа государственных институтов (за исключением приморского Дагестана) (с.114) сложно.

В исследовании затронут и один из сложных вопросов Кавказской войны – проблема масштабов и ее целостности, где автор выделяет основные предположения, точки зрения и исследователей, отстаивающих свои взгляды.

В данной части труда значительное внимание уделено проблемам и перспективам общей интеграции Кавказской войны в современной культурно-исторической ситуации. Характеризуя современную исследовательскую литературу, ученый заключает, что «присутствие в современной литературе противоположных интерпретаций Кавказской войны часто воспринимается как проявление тупиковости историографической ситуации. Но проблема не просто в наличии дискуссионных позиций, а в том, что каждая из них претендует на то, что только она исходит из надежно установленных фактов, соответствует исторической реальности, объективна. По сути, здесь неявно предполагается, что познавательные проблемы в изучении войны уже решены, недостает только научной и гражданской добросовестности у оппонентов. Отсюда – двуединая природа текущей историографической ситуации.

Автор, размышляя над историографическими концепциями Кавказской войны приходит к выводу, что целостное осмысление Кавказской войны есть комплексная историко-политологическая проблема. Ее решение будет выглядеть как совокупность выводов, построенных на политологическом анализе и обобщении исторических фактов, относящихся к каждому отдельному аспекту этого сложного и своеобразного явления и к формам его актуализации в современном научно-общественном дискурсе.

Во второй главе данной части, посвященной военно-политическому противостоянию и процессу вхождения народов Северного Кавказа в состав России, основное внимание обращено на вопросы границ войны в объективном и субъективном представлении, этапы эволюции военно-политического измерения российско-северокавказских отношений, поиск понимания сторон как составной части военной политики.

Для лучшего понимания всего процесса, связанного с войной, А.Х. Боров, прежде чем начать освещение основных вопросов, акцентирует внимание на проблеме осмысления сложности и своеобразия Кавказской войны с теоретической точки зрения, которая предполагает соотнесение конкретных событий с общими понятиями, раскрывающими природу войны как явления. Таким образом, автор предлагает трактовать Кавказскую войну как «период в истории отношений России и народов Северного Кавказа, который характеризуется поэтапными необратимыми изменениями политико-административного статуса территорий, обществ, народов Северного Кавказа, ведущими к установлению прямого административного контроля над ними со стороны Российской империи при решающей роли военной силы в достижении и закреплении соответствующих территориально-политических изменений в регионе».

Ученый подробно излагает особенности датировки начала Кавказской войны, где сложно не согласиться с его мнением, что понятие Кавказская война складывалось «естественно-исторически» в восприятии ее современников, и постфактум, вместе с осознанием взаимосвязи, смысла и значения множества разнообразных событий, имевших место на протяжении ряда десятилетий. Когда речь идет о такого рода войне, то задача установления ее хронологических рамок оказывается функцией историографии. Начало Кавказской войны в исторической науке выступает не как событие (исторический факт), а как оценка значения тех или иных событий (историческая интерпретация) (с.132).

Исследователь предлагает рассматривать военно-политические взаимоотношения России с народами Северного Кавказа в следующей эволюции: Предыстория войны (1560–1762 гг.); Завязка войны (1763–1801 гг.); «Малая война» без стратегического плана (1802–1816 гг.); Ермоловский этап Кавказской войны (1817–1827/9 гг.); Кульминация Кавказской войны (1830–1845 гг.); Коренной перелом (1845–1856 гг.); Завершающий этап Кавказской войны (1856–1864 гг.).

Соглашаясь с исследователем, что рамки Кавказской войны выходят за 1817–1864 гг. и что основание Моздока – это, безусловно, веха в истории взаимоотношений России с Кабардой и с народами Кавказа, заметим, что противостояние уходит своими корнями в XVI в.

Исследователь в своей периодизации Кавказской войны предлагает этот этап, а именно 1560–1762 гг., озаглавить как «Предыстория войны» и ставит вопросы, ответы на которые подразумевают причисление

данного периода к войне или нет. Так, по А.Х. Борову, события этого периода нельзя включать в содержание понятия «Кавказская война», ибо не возможен положительный ответ на следующие вопросы:

– Являлись ли участниками всех этих событий одни и те же политические субъекты – стороны конфликта?

– Присутствует ли в них общее политическое содержание, имеющее самостоятельный характер, ведущее к необратимым изменениям политико-административного статуса Северного Кавказа в целом при решающей роли военной силы в достижении и закреплении соответствующих территориально-политических изменений в регионе?

– Имеет ли место взаимосвязь и поэтапность развития событий, в которой результаты предшествующего военно-политического эпизода (события или группы событий) становятся основанием последующего эпизода? (с. 135)

На наш взгляд, мнение исследователя спорно, так как поход в Дагестан Черемисинова в 1560 г., отправка в 1567 г. по просьбе кабардинского князя Темрюка Иваном IV князя А.С. Бабичева для строительства крепости на р. Терек, поход А.И. Хворостинина 1593–1594 г., поход И.М. Бутурлина и О.С. Плещеева 1604–1605 гг. – это события одной цепи, направленные против Гази-Кумухского Шамхальства и способствовавшие ослаблению его влияния в регионе, а позже и распаду. Можно предположить, что продвижение на Кавказ не продолжилось в связи вступлением в новую фазу событий Смутного времени и продолжительного восстановления страны, к тому же и ориентиры российского государства во внешней политике были смещены.

И если перечисленные выше конфликты не являются составляющей Кавказской войны, то ее необходимо выделить в отдельную, в противном случае подтягивать события эпохи второй половины XVI – начала XVII в. проблематично.

Заслуживает внимания поднимаемый ученым вопрос о «поисках понимания как составной части военной политики», где исследователь прослеживает инкорпорацию Северного Кавказа в состав Российской империи, в том числе и не на военном аспекте.

Проблеме переформатирования этнодемографической и этносоциальной композиции макрорегиона посвящена часть коллективной монографии, подготовленной исследователем, магистром истории Н.В. Варивода. На анализе статистических данных и исследовательской литературы автор констатирует, что демографические процессы, обусловленные государственной политикой, стихийными миграционными процессами и военными действиями, привели к глубокому переформатированию этнодемографической структуры Северного Кавказа. Самый высокий прирост отмечался в Ставропольской губернии, затем шли районы, впоследствии вошедшие в Кубанскую, Терскую и Дагестанскую области. Основную долю прироста населения Ставрополя и Кубани давала миграция (до 80%). В сочетании с высоким естественным приростом она обеспечивала темпы роста населения региона, превышавшие рост населения в целом по стране.

Представляет интерес проблема, поднимаемая д.и.н. А.Х. Абазовым (ч. 2, гл. 4) – это поиск форм имперского контроля и управления Россией территориями и народами Северного Кавказа и характеристика механизмов формирования органов власти в конце XVIII – первой половине XIX в. как важнейший аспект изучения истории развития российской государственности в регионе.

Исследователь констатирует, что несмотря на повышенный интерес ученых к истории административно-судебных преобразований на Северном Кавказе в конце XVIII – первой половине XIX в., данная проблема остается недостаточно изученной. Для ее исследования ученый предлагает выделить несколько этапов:

– 1785–1822 гг., включение региона в административно-территориальную систему империи и внедрение первоначальных форм судебно-административного контроля;

– 1822–1858 гг., преобразование Кавказской губернии в Кавказскую область в 1822 г. и внедрение территориальных и институциональных структур взаимодействия имперского государства с народами Северного Кавказа;

– 1858–1864 гг., установление «военно-народной» системы как формы перехода от чрезвычайных к «нормальным» практикам инкорпорации культурно-сложного макрорегиона в российское государственное пространство.

Рассмотрение каждого из выделенных периодов позволило исследователю проследить складывание системы административных и судебных учреждений в регионе, являвшейся сложным и длительным про-

цессом, в основе которого лежал поиск оптимальных моделей функционирования властных структур в условиях перманентных административно-территориальных преобразований.

Вопросам культурно-идеологических сдвигов в горских обществах и путям легитимации имперской власти посвящена глава, подготовленная к.и.н. Д.Н. Прасоловым (ч. 2, гл. 5).

По мнению исследователя, культурно-идеологические процессы в горских обществах рассматриваемого периода были прямо обусловлены событиями военно-колониционных мероприятий Российской империи на Северном Кавказе.

Всесторонне рассмотрев проблему, автор закономерно приходит к выводу, что результаты культурно-идеологических процессов в горских обществах в XVIII – первой половине XIX в. определялись сложностью и противоречивостью содержания российско-северокавказской интеграции, в значительной степени обусловленной экстремальными условиями Кавказской войны. Соппротивление горских народов так же, как и выбор интеграционных стратегий, в значительной мере определялось этнокультурной и религиозной идентичностью горских сообществ. Этноконфессиональная карта Северного Кавказа складывалась из ареалов распространения ислама, христианства, отличавшихся внутриконфессиональной неоднородностью, а также тесно переплетенных с ними языческих традиций, в большей или меньшей степени практиковавшихся в религиозной жизни местного населения.

Подводя итоги, можно сказать, что авторы рецензируемого исследования поставили перед собою не простую задачу – раскрыть чрезвычайно сложный и многоаспектный процесс вхождения Северного Кавказа в состав Российской империи. В этой связи представляет интерес предложенная ими и вводимая в научный оборот понятийная цепочка – «присоединение – инкорпорация – легитимация – интеграция – синтез». Последняя отражает не столько этапы, сколько аспекты, различные «фазовые состояния» российско-северокавказских отношений, в различной степени присутствующие на каждом этапе развития этих отношений.

Рассматривая проблему в аспекте, предложенном авторами исследования, можно убедиться в том, что «присоединение» или «вхождение» народов Северного Кавказа в состав Российского государства – это не просто политическое событие или процесс. В нем изначально присутствует культурно-цивилизационное измерение, поскольку стороны взаимодействуют не в качестве политических единиц, «монад», но в качестве сложных социокультурных субъектов.

Исследование написано на материалах отечественных архивов, с использованием последних достижений отечественной и зарубежной историографии. Характерным является то, что в труде более глубоко изучены вопросы рассматриваемого процесса на территории Центрального Кавказа в сравнении с Северо-Западным и Северо-Восточным Кавказом.

Несомненно книга будет интересна для кавказоведов, преподавателей и студентов высших учебных заведений, а также для широкого круга читателей, интересующихся историей Северного Кавказа.

А.Д. Курбанов,
доктор исторических наук,
доцент, профессор,
Дагестанский государственный университет

Научно-образовательный и прикладной журнал
**«ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ.
СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ РЕГИОН. ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ»**

Рецензируемый журнал «Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки», имеющий статус центрального издания, включенного в перечень ВАК, продолжает прием работ по следующим отраслям:

1. Философские науки.	Кроме того, публикуются материалы в разделах:
– «Заметки о книгах»;
– «Научная жизнь»;
– «Штрихи к портрету».
2. Исторические науки.	
3. Экономические науки.	

Журнал издается с периодичностью 4 номера в год. С электронной версией журнала можно ознакомиться на сайте Научной электронной библиотеки: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=7571. Опубликованные статьи индексируются в российских и международных электронных библиотеках и наукометрических базах данных: РИНЦ, РУКОНТ, «Киберленинка», ЭБС «Университетская библиотека онлайн», Ulrich, EBSCO.

Авторы, сохраняя за собой авторские права на работу и передавая журналу «Известия вузов. Северо-Кавказский регион» право первой публикации, автоматически принимают на себя обязательство не печатать ее ни полностью, ни частично в каком-либо другом издании без указания ссылки на оригинальную публикацию в этом журнале.

Издательские услуги оплачиваются организацией или автором после утверждения статьи на редколлегии.

Оформление работ осуществляется согласно правилам:

1. Представляется электронный вариант статьи. В начале статьи указать индекс УДК.
2. Текст должен быть набран в редакторе MicroSoft Office 98 Word 2000, 2003, 2007 через 1,5 интервала, шрифтом Times New Roman размером 14 пт, страницы пронумерованы. Для записи формул применять только редактор формул Equation 3.0.
3. Сопроводительное или рекомендательное письмо, если статья представляется от организации.
4. Полное название организации и ее адрес **на русском и английском языках**.
5. Сведения об авторах с указанием адреса, по которому будет вестись переписка **на русском и английском языках**.
6. Название статьи и фамилии авторов **на русском и английском языках**.
7. Аннотация **на русском и английском языках** (1000–1500 знаков / 150–200 слов; четко указать предмет, цели, задачи и выводы исследования).
8. Ключевые слова **на русском и английском языках (8–10 слов)**.
9. Транслитерированный список литературы.

Журнал распространяется по подписке – через ОАО «Роспечать» в подписной период. Подписной индекс – 70414 (подписка на полугодие).

В неподписной период отдельные номера журнала за нынешний и прошлые годы можно приобрести в редакции.

Адрес для переписки: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42, ЮФУ.

Редакция журнала «Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки».

Тел.: (863) 218-40-00 доб. 11-093; (863) 218-40-00 доб. 11-094.

E-mail: izvestiya@sfedu.ru.

Адрес в Интернете: www.izvestiya.sfedu.ru.

ISSN 0321-3056. DOI 10.23683/0321-3056-2019-2.

Известия высших учебных заведений.
Северо-Кавказский регион. Общественные науки.

2019. № 2